КІЕВСКАЯ СТАРИНА.

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ.

ГОДЪ ДВАДЦАТЬ ТРЕТІЙ.

ТОМЪ LXXXV.

1904 г.

АПРѢЛЬ.

КІЕВЪ.
Типографія Императорскаго Университета св. Владиміра
Акц. Общ. Н. Т. Корчакъ-Новицкаго, Меринговская, № 6.
1904.

Дозволено Цензурою. Кіевъ, 15 марта 1904 г.

Объявленіе о преміяхъ.

Редакція журнала «Кіевская Старина» рѣшила на текущій годъ объявить преміи за лучшіе разсказы и повѣсти по-украински. Условія премій слѣдующія:

1) Представляемые на премію разсказы и повѣсти должны быть оригинальные, а не переводные и передѣланные [1]).

2) Авторамъ предоставляется свободный выборъ темъ и сюжетовъ.

3) Премированный разсказъ или повѣсть печатается въ «Кіевской Старинѣ» и оплачивается по разсчету 100 руб. за печатный листъ въ 16 страницъ.

4) Срокъ представленія разсказовъ и повѣстей не позже 1 ноября 1904 года.

5) Рукописи должны быть представлены переписанными не рукою автора и безъ имени его, а только съ девизомъ, при чемъ нужно въ запечатанномъ конвертѣ, съ надписью того-же девиза, указать свой точный адресъ (имя, отчество, фамилія и почтовая станція).

---

1) Драматическія пьесы на премію не принимаются.

Генеральный судья Иванъ Чарнышъ и его родъ.

(Продолженіе [1]).

Не окончилось еще дѣло Чарныша съ Михаиломъ Милорадовичемъ, какъ генеральный судья принужденъ былъ снова испытывать всю свою ловкость и изворотливость дабы избавиться отъ новаго врага, хотя и мелкаго, но непріятнаго. Это былъ сотникъ ковалевскій (гадяцкаго полка) Аѳанасій Кицешъ, называвшійся иногда просто Волошиномъ, т. е. волохомъ. Дѣло это, возникшее въ 1716 году, продолжалось цѣлыхъ восемь лѣтъ, и сводить послѣдніе счеты по нему пришлось уже вдовѣ Чарныша... Въ виду этого, а также того, что въ немъ наиболѣе характерно выразилась личность генеральнаго судьи, считаемъ нужнымъ привести подробности о Кицешѣ [2]).

Въ одной изъ своихъ челобитныхъ этотъ упорный челобитчикъ на Чарныша разсказываетъ о себѣ и о причинѣ своего

---

[1]) См. Кіев. Стар. 1904 г., № 3.

[2]) Свѣдѣнія объ этомъ дѣлѣ находятся въ бумагахъ А. М. Лазаревскаго, находящихся нынѣ въ университетѣ св. Владиміра. Мы пользовались ими благодаря любезности Н. П. Василенка, коему и приносимъ здѣсь нашу глубокую благодарность.

столкновенія слѣдующее. «Въ прошлихъ, государь, годѣхъ служилъ я вашему царскому величеству при войскѣ вѣрно и былъ противъ шведовъ в Калишской и в другихъ многихъ быталіахъ, и при Полтавской баталѣи, и на Турецкой акціи служилъ я вашему-жъ царскому величеству в волоскихъ полкахъ ротмистромъ; а послѣ Турецкой акціи, какъ войско вашего царского величества возвратилось назадъ и пошло вверхъ рѣки Прута,—и в то время былъ я, нижайшій рабъ, при свѣтлѣйшемъ князѣ Дмитріѣ Костентиновичѣ Контемирѣ. А какъ онъ, свѣтлѣйшій князь, по указу поихалъ изъ Украини в Москву,—и я, нижей менованній, остался з товарищи своими и с хоронгвою подъ командою господина енерала фелтъ-мершала и ковалера графа Бориса Петровича Шереметева и былъ з два года, а ис команди его вашимъ царского величества указомъ отпущени мы в Черкаскіе городи, и по разсмотрѣнію господина гетмана Іоана Ілича Скоропадского опредѣленъ я в Гадяцкой полкъ, в мѣстечко Ковалювку, сотникомъ. А какъ я прибилъ на Украину (1713 г.) и опредѣленъ былъ сотникомъ в Гадецкому полку, и онъ, Чарнишъ, многіе разы призивалъ меня къ себѣ, говаривалъ, дабы я ево невѣстку, которая была за братомъ ево роднимъ Тихономъ, взялъ за себе, за которою обѣщался мнѣ пожитки мужа еи всѣ отдать, также отъ себя особливо—кафтанъ подбытъ соболями с вишитіемъ персоною царского величества, и ручался за оную, что оная его невѣстка, будучи вдовою полтретя года, пороку на себя никакова не учинила и роду хорошова; которая (невѣстка) была за мною (и) послѣ свадбы в шестиднехъ родила, которое (дитя) прижилъ блудно онъ, Чарнишъ. И онъ, Чарнишъ, мужа ея пожитковъ и обѣщанности мнѣ—кафтана—ничево не далъ.—И не хотя такой недоброй слави я, ниже іменованній, на себѣ понести и утаить,—и такое ево, Чарнишово, блудное житіе с тою ево невѣсткою, а с моею женою обявилъ тамошнимъ (ковалювскимъ) обывателемъ, честнимъ особамъ, и господамъ полковникамъ: миргородскому (Апостолу) и гадяцкому (Милорадовичу) и Ѳедору Івановичу Протасіеву, и другимъ многимъ людямъ; о которомъ ево, Чарнишовомъ, недобромъ порядку чрезъ господина полковника миргород-

ского, о такомъ дѣлѣ, в разговорахъ, будучи в Украинѣ, свѣдомъ его свѣтлость енералъ фелтъ-маршалъ и ковалеръ князь Александеръ Даниловичъ Менщиковъ, да обличаетъ ево, Чарнишово, и донынѣ блудное дѣло—то рожденное дитя. И злясь онъ, Чарнишъ, на меня за то объявленіе и поношеніе, и второе—имѣя на полковника гадяцкого злобу для того, что оной полковникъ іноземецъ, а по имянному вашего царского величества указу пожалованъ на ево, Чарнишово, мѣсто въ Гадяцкой полкъ, также и я, нижей іменованній, іноземецъ-же и на оного полковника (Милорадовича), по указу его, вибыралъ ярмарковіе гроши, какъ есть такой обычай,—и по той злобѣ оной енералной судя напалъ на меня нагло и пожитки мои и всякіе вѣдомости пограбылъ и разорилъ безъ остатку, и держалъ мене в Гадячу в крѣпости три недѣлѣ подъ карауломъ, и с того карауду висвободилъ меня Ѳедоръ Івановичъ Протасіевъ»...

Какъ только слухи, распускаемые Кицешемъ объ отношеніяхъ Чарныша къ невѣсткѣ, дошли до свѣдѣнія генеральнаго судьи,—тотъ немедленно порвалъ свои отношенія съ Кицешемъ, выселивъ его изъ своего дома. Когда это случилось, Кицешъ, повидимому, спохватился, что далеко зашелъ, и попытался помириться съ Чарнышемъ, но безуспѣшно... Въ ноябрѣ 1715 года онъ написалъ генеральному судьѣ любопытное письмо, въ которомъ униженно просилъ не лишать его крова въ зимнее время [1]).

---

[1]) Вотъ это письмо: «Велможній а премилостивѣйшій добродѣю мой, мосце пане судія енералній! Многосмо терпѣлъ отъ велможности вашей, премилостивѣйшаго добродѣя моего, даремной зневаги,—а то все чрезъ уданне злосливихъ на мя людей, яко и теперь чрезъ тое велможность ваша велите з дому своего панскаго виходить... А якъ-би звиклая милость ваша панская и родителская на мнѣ оказалася и поважною увагою своею спомнѣли тое, же я цалую волю вашу панскую вчинилъ (т. е. женился на вдовѣ Тихона Чарныша) и много пріобицалисте милости своей и ласку мнѣ, слузѣ своему и подножку, преслать, а теперь за оболганнемъ злихъ людей, велите из двору виходить,—в томъ, хоча не на мя покажѣте звиклую милость, але на своихъ дѣтей и на зиму з двору не виходити,—бо когдабъ дома лѣ-

Но видно, генеральный судья слишкомъ былъ разсерженъ на Кицеша,—и это письмо осталось безъ послѣдствій. Чарнышъ видимо рѣшилъ покончить съ Кицешемъ; но такъ какъ поднимать противъ него дѣло ему самому было неудобно въ виду ужъ очень скандальной для генеральнаго судьи подкладки его, то избранъ былъ другой предлогъ,—обиды, которыя терпѣли отъ Кицеша ковалевскіе обыватели. Дѣло, конечно, не обошлось безъ денежныхъ расходовъ со стороны Чарныша, и 6-го февраля 1716 года обыватели ковалевскіе Семенъ Драбъ, Ониско Андреенко и Демьянъ Перехристъ подали Чарнышу «супплѣку», въ которой, жалуясь на своего сотника, писали: «Будучи въ такомъ великомъ и незносномъ утяженю нашомъ, жалосную нашу до велможности вашей, милостивого пана и великого добродѣя, уносимъ скаргу о кривдѣ, которую дознались теперь отъ пана сотника ковалювского, ижъ не памятаючи на боязнь Божію, а нѣ тежъ уважаючи на каране надъ собою старшихъ, незносное утяженя обивателямъ нашимъ и кривди чинитъ; которіе люде о кривдѣ своей хотятъ жаловатися,—такъ онъ говоритъ такія слова, что будто тихъ бунтовниковъ обухами карати (будетъ), а намъ тромъ хочетъ волоскую карность задавати, а якую карность: Семену Драби хочетъ языкъ проколоти та вовками очепити, а Ониска Андреенка хочетъ на гакъ за ребро очепити, а Демяна Перехриста—на палю збити». Въ заключеніе этой «супплѣки» Драбъ, Андреенко и Перехристъ просятъ Чарныша освободить ихъ отъ таковаго «утяженя, да таковихъ убитковъ на себѣ поносить не можемъ, а въ дознаню милостивой ласки велце вашей панской на насъ,—въ томъ повинисмо Господа Бога за щасливое и многолѣтное ваше рейментарское панованя благати отъ нынѣ и до вѣка».—Какой былъ ре-

---

товалъ, то-бъ якъ колвекъ халупу себѣ вдѣлалъ, а теперь не могу: и не тилко з двору не виходити—покажѣте родителское свое и добродѣйское милосердіе и горливость, але еще на свои миліе дѣти пришлѣте, жеби на зиму чимъ пріодягнути... О всемъ и нақы слезне испросивши, зостаю велможности вашей, премилостивѣйшему добродѣю, поволній слуга и подножокъ Афтанасъ Николаевичъ, сотникъ ковалювскій. З Ковалювки, ноембрія 17 дня, 1715 року».

зультатъ этой челобитной мы не знаемъ, но надо думать, что онъ состоялъ именно въ трехнедѣльномъ тюремномъ сидѣніи Кицеша, о чемъ онъ говоритъ въ приведенной выше челобитной. Этой мѣрой Чарнышъ надѣялся смирить Кицеша и заставить его молчать, но тотъ, повидимому, этого не понялъ и продолжалъ распускаемыми слухами компрометировать генеральнаго судью. Тогда послѣдній возстановилъ противъ него уже большинство ковалювскихъ обывателей, имѣя въ виду удалить Кицеша съ сотническаго уряда. Кицешъ, оказывается, узналъ раньше о готовящейся на него жалобѣ и вновь пытался примириться съ генеральнымъ судьей, обратившись къ нему съ униженнымъ письмомъ, но опять безуспѣшно [1])... Въ началѣ 1717 года Чарнышъ полу-

[1]) Приводимъ это любопытное письмо Кицеша къ Чарнышу: «Велможній а премилостивѣйшій добродѣю и отче, мосцѣ пане судія енералній! Есть велможности вашей, добродѣеви моему и отцеви, с прикреннемъ мое подлое листовное частокротное прошеніе и отмовка в моей невинности. Теди, вѣдаючи слова Бозкіе: просите и дастся вамъ, одознавши з початку на себѣ, подломъ пахолку и чужоземцу, значного на себѣ отъ велможности вашей милосердія, же не тилко за слугу, але раче якоби и за сина принявши, властію сотництва обдаралисте мя, которой ласцѣ благодаренъ бивши, всегда за щасливое панованіе и долголѣтное Всемогущаго Творца вѣрне благаю, и билъби гдѣ предъ знатними особами—ласкою таковою и милосердіемъ вашимъ панскимъ и отческимъ хвалюся, такъ и служу, и за мою вѣрность предней ласки слезне жебраю и цале надѣю покладаю, же помилованъ зостану отъ велможности вашей, добродѣя моего и отца! Бо gдижъ отъ знатной особи, albo отъ честного человѣка, слово нестатечное и невѣрность не пришла!—Тилко отъ Семена Драба тое походитъ и гнѣвъ вашъ отческій на мнѣ оказуется, бо не токмо то онъ, Драбъ, що мене уже развивъ килка вдаетъ и турбуетъ, але и прежнимъ сотникомъ и инимъ людемъ фалшивими и неправдивими слови своими до гнѣву и турбаціи приводилъ и позви чинилъ, и всѣмъ его фалшивость и неправда есть явна. Зачимъ, велможній добродѣю и отче, не повѣраючи онаго плутству и его сверстникамъ намовленнимъ, и гнѣвъ свой панскій отложивши,—преднею ласкою прикрити мя, бо я велможности вашей не зоставалъ и не зостаю подступцею,—токмо вѣрнимъ слугою; також и дѣтемъ вашимъ панскимъ, якъ роднимъ отцемъ:

чилъ жалобу на Кицеша со стороны шенгирсевскаго атамана Кузьмы Симоновича о томъ, что «онъ, сотникъ, набѣгши до стада мірского и не знать зъ якой причини взялъ у меня яловицю, хотячи полковнику (Милорадовичу) удобрити, которую и до сего время завладѣлъ,—и прислалъ минѣ напотимъ денегъ копъ три, и я не узялъ, бо неслушная цѣна, а я еи оцѣнилъ за сѣмъ копъ»; а затѣмъ были поданы жалобы на Кицеша и отъ ковалевскихъ обывателей. Воспользовавшись пребываніемъ въ Гадячѣ самого гетмана, ковалевцы подали ему реестръ обидъ, прося защиты. Изъ длиннаго списка насилій Кицеша приводимъ наиболѣе интересныя. Во главѣ списка стояло слѣдующее самое тяжкое преступленіе Кицеша: «1-mo) Афанасій Николаевичъ Волошинъ, при свидѣтельствѣ п.п. Мартина Стишевского, асаула полкового гадяцкого, Романа Корицкого—опошанского, Тимоѳея Лукашевича—гадяцкого и Леонтія Масюка,—веприцкого—сотниковъ—подавалъ пунктъ, такъ в себѣ маючій: «Что я, мовитъ, когда служилъ королю шведскому лѣтъ десять,—тогда много москалей, рубаючи и чистячи, кололъ своими руками, и впредь не зарѣкаюся чистити»; 2-do) похвалки чинилъ на старшину и козаковъ: язики рѣзати, на гаки скидати и голови ихъ на палѣ збываты». Затѣмъ идетъ длинный перечень отдѣльныхъ Кицешевыхъ насилій, изъ которыхъ приводимъ наиболѣе характеризующія его: «3-tio) козаками сѣно коситъ, оретъ і всякую работизну дѣетъ; 4-to) провіантового овса за трома рази забралъ осмачокъ 43; 5-to) козацкихъ шинковихъ грошей 180 золотыхъ забралъ; 6-to) отъ давнихъ лѣтъ царина

и що пріобрѣту моимъ не останется, але имъ будетъ по смерти моей. И нехай-би я през данную ласку вашу панскую въ тихомирности хлѣба кавалекъ моглъ зъисти, отъ того сутяжци и клеветника Драба уволнити,—нехай би онъ болшъ мною не турбовалъ! А за показанное ваше отческое и добродѣйское милосердіе виннимъ себе декларую за многолѣтное ваше отческое панованіе до смерти житія моего Господа Бога благаючи, вѣрность прекладати, яко и зостаю Велможности вашой, премилостивѣйшому добродѣеви моему и отцеви, нижайшій слуга и подножокъ Афтанасъ Николаевичъ, сотникъ ковалювскій. З Коваловки, февраля 2, 1717 року».

была для випуску волная одъ пашнѣ, теперъ закопавши себѣ, панщиною козаками изоравши, пашнею засѣялъ; 7-to) в Денисихи вдови надаремно, насилно, зол. пять грошей взялъ; 8-to) подъ часъ жнивъ зганяеть людей з поля на свои ныви усиловне; 9-to) былъ шкляра, осердившися, безвынне; 10-to) тертичникамъ не заплатилъ десяти талярей грошей за свою домашнюю роботу; 11-to) теслямъ не заплатилъ золотихъ сорокъ;—13-to) торги за его великимъ здирствомъ не збыраются;—19-to) Мартина Щербаченка, зазвавши в дворъ свой, за тое, що двохъ дубовъ ему, Волошинову, не далъ, былъ и поле отнялъ насилне; 20-to) Мартина Драбенка былъ напрасно пяній; 21-to) Дениса козака без даня причини былъ и вязенемъ мордовалъ, ажъ мусѣлъ з вязеня втекти; 22-to) Гордѣя Шкуренка завернувши на дорозѣ, тирянско былъ, що не далъ за написане подорожной копи грошей; 23-to) шпиталнымъ старцомъ вигнанемъ на панщину и розною работизною творитъ великіе пакости и обиды;—33-to) челядь при собѣ волохувъ державчи, з околичнихъ мѣстечокъ и сѣлъ (особливо з полку миргородского, полтавского и лубенского) конѣ крадутъ и по ярмалкахъ посторонниxъ возячи, спродуютъ,—о которомъ его злодѣйствѣ совершенно вѣдаетъ его милость панъ полковникъ миргородскій и самого его хвалився где поймати, тамъ и повѣсити (т. е. Кицеша); а злодюги челядники, чили—товариши (Кицеша), своими половленніе, в Гадяцкой турмѣ седѣвши, одтоль повтѣкали,—всей старшинѣ Гадяцкой тое свѣдомо». «Да зособна», говорится въ концѣ реестра, «онъ-же, Волошинъ, удовствуючую зацную невѣсту, ковалювскую жителку Марію Василиху, насилне при другой невѣстѣ Евдокіи Вовкувнѣ, в домъ свой зазвавши, зкгвалтилъ і еслибы и Вовкувна одтоль не втекла—то бы того же одъ его, Волошина, кгвалту не уволнилася бъ, поневажъ его служка Іванко Волошинъ хатніе двери былъ подперъ»... Подавая этотъ списокъ насилій своего сотника, ковалевцы прибавляютъ отъ себя: «І ежели еще достойно, якъ онъ хощетъ, на тое сотницство быты ему урадникомъ по нижей слѣдствуемихъ пунктахъ (особливе в початку за противность інтерессу монаршому)—подъ високое зверхнѣйшой власти подается разсужденіе»....

«Зверхнѣйшая власть» въ лицѣ гетмана передала жалобу ковалевцевъ на разсмотрѣніе генеральному судьѣ Чарнышу, а тотъ пока что́—смѣстилъ Кицеша съ сотничества и посадилъ, пользуясь удобнымъ случаемъ, его въ тюрьму еще до рѣшенія самой жалобы. Сохранилось письмо, писанное Кицешемъ изъ тюрьмы къ Чарнышу отъ 22-го февраля 1717 года: «Велможній мосцѣ пане судія енералній, мнѣ, безвинне страждующему во узахъ, чадолюбивій отче и добродѣю! В сей моей нещасливой фортунѣ, которая завше омилними звикла поступати степени, не имѣю болшей ни до кого инного, з крвавоплачливими отъ незноснаго жалю неутолимими очесъ моихъ слезами, чрезъ всепокорственную, подлую и нижайшую челомъ—бытія моего харту, до стопъ ногъ велможности вашей себе повергаю.—Вѣмъ убо воистинну, яко нихто не обрѣте у ясневелможного добродѣя его милости пана гетмана милости таковой, якъ велможность ваша: вся можеши, елико хощеши по прежней своей отческой ку мнѣ, бѣдствующему в напасти, призирателной милости, якой и теперъ ищу и всеслезне прошу уволнити мене отъ сей напасти—не подати мене на такое поруганіе и поталу онимъ ковалювскимъ бунтовникамъ, якіе безвинне на мене повстали и до остатнего разоренія хоцутъ привести, а особливе сторони удання неправедного, овшемъ ложнаго! Подъ сумленнемъ христіанской души сознаю, же не знаю и не вѣдаю того, что они говоратъ на мене! А при уволненіи моемъ и отъ узъ свобожденіи, по премногой отческой своей милости,—повели. всемилостивѣйшой отче, свое високо поважное з суду енералного видати защитителное писаніе, абы не тѣшилися и не ругалися з прехитраго и злаго умишленія исполненіе помянутіи бунтовщики! Чаю и желаю горливого и благоутробного милосердія, якое получивши, долженъ зостаю зъ женою и дѣтми найвишшаго во благоутробіяхъ пренебеснаго Творца, волно страждущаго на крестномъ полю Цара слави Христа Господа про особливое здравіе, щасливое и благополучное во премногія лѣта велможности вашой панованне благати. Велможности вашой, пану моему всемилостивому и человѣколюбивому отцу,

найнижшой рабъ Аѳанасій Николаевичъ, бувшій сотникъ ковалювскій».

Доказательствомъ тому, что дѣло объ обидахъ, причиненныхъ Кицешемъ ковалевскимъ обывателямъ, было начато и раздуто Чарнышомъ, служитъ свидѣтельство, выданное въ январѣ того же 1717 года группою ковалевскихъ козаковъ Кицешу: «Мы, товариство города Ковалювки (слѣдуетъ перечисленіе по именамъ 24 лицъ)—при собраню нашомъ на ринокъ под часъ дня недѣлного, не з нѣякого примушенія, але з доброхотной нашей волѣ, чинимъ вѣдомо и явно, гдѣ колвекъ сіе наше писаніе явленно будетъ: якъ прежнихъ нашихъ сотниковъ бывало, що отъ нихъ намъ укажется отбувати повинность войсковую и городовую, то жадныхъ нашихъ не поднѣмаемъ бунтовъ, але з охотою тое творимъ, що они намъ повелѣваютъ, вѣдаючи тое, же которій станетъ началникомъ, то намъ повинно его слухати и повиноватися и за началника мѣти,—такъ и сего нашего пана сотника Аѳанаса Николаевича мѣлисмо его за сотника и повиновалися, що намъ отъ него указанно, такъ и теперъ мѣемъ за сотника и мѣти хочемъ, жебы потомъкове его дождали надъ нами началниковати, бо gдижъ мы якъ не придетъ указъ отъ зверхнѣйшихъ, то отъ него жадной кривди не узнаемъ, и якъ зайдетъ указъ монаршій, рейментарскій и его милости пана полковника гадяцкого и кавалера македонского Михаила Милорадовича, то хто стается указовѣ противній и непослушній—то такова не сотникъ караетъ, але указъ панскій; якъ и теперъ Семенъ Драбъ и его соверсники давно звикли бунтоватися на сотниковъ и сами собою, такъ и теперъ не вѣдаемъ для чого бунтуются и пановъ турбуютъ... А ми, вишеписанніе товариство, отъ своего пана сотника на актахъ, гдѣ лучится, и тежъ в дому корчемномъ, отъ трезвого и отъ подпилого, не дознали зневаги и на грунтахъ нашихъ убила самоволного, хиба з ласки своей албо з повинности хто що дастъ, якъ належитъ старшему; гдѣ, даючи сіе наше свѣдителство, велце и покорне испрошаемъ и мѣти хочемъ его за сотника»—[1]).

---

[1]) Любопытна небольшая подробность: зная, съ кѣмъ онъ имѣетъ дѣло, Кицешъ этого почти единственнаго говорящаго въ его пользу

Такимъ образомъ, послѣдній документъ и реестръ обидъ—даютъ двѣ совершенно противоположныя характеристики одному и тому-же Кицешу; несомнѣнно поэтому, что въ нихъ обоихъ большую роль играли подачки со стороны тѣхъ лицъ, кои были заитересованы въ томъ, или другомъ документѣ; нѣтъ ничего невѣроятнаго въ томъ, что Кицеша поддерживалъ въ борьбѣ съ Чарнышомъ столь непріязненный послѣднему Михаилъ Милорадовичъ... Однако, послѣдній документъ, равно какъ и три свидѣтельства 1715 года, представленныя Кицешемъ отъ полковника браславскаго Григорія Ивановича (Иваненка) и отъ трехъ ротмистровъ полка Апостола-Кегича, у которыхъ служилъ ранѣе Кицешъ, о томъ, что послѣдній—человѣкъ «доброй»—ни къ чему не привели: свидѣтельство ковалевцевъ затерялось среди обвинительнаго матеріала, имѣвшагося въ рукахъ Чарныша, а свидѣтельства отъ сослуживцевъ Кицеша были написаны его земляками—и имъ, быть можетъ, просто не дали вѣры...

Получивъ въ свои руки жалобу ковалевцевъ, генеральный судья съ необычайной для него быстротой разобралъ ее, и 2-го марта 1717 года уже былъ готовъ декретъ генеральнаго суда; «чадолюбивый отецъ» не преклонилъ уха къ «слезному» письму Кицеша изъ тюрьмы... Въ декретѣ было сказано, что Кицешъ по всѣмъ поданнымъ на него пунктамъ повинился и потому долженъ былъ удовлетворить всѣхъ обиженныхъ имъ. Кромѣ того, безпристрастный и суровый на этотъ разъ генеральный судъ за «похвалки» и «кгвалтъ» приговорилъ Кицеша къ «арматному сидѣнію», а «що зась дерзалъ (говорилось дальше въ декретѣ) вижей намѣненніе з устъ своихъ неповстягливихъ вирекати неслушніе слова, за якіе ведлугъ права належало бы смертію карати;—но за докладомъ ясневелможному его милости пану гетману и за вѣдомомъ царского величества столника его милости господина Федора Івановича Протасіева—урадъ сотництва отъ его отобравши, впредъ з вѣрними престолу монаршому служачими на всякомъ мѣстцу доброй репутаціи імѣти отказано»...

документа Чарнышу въ подлинникѣ не далъ, а оставилъ ему лишь засвидѣтельствованную копію...

На этомъ дѣло между Кицешемъ и Чарнышомъ, быть можетъ, и окончилось бы, но случилось такъ, что вслѣдъ за лишеніемъ сотничества, бывшій ковалевскій сотникъ потерялъ и свою жену Марину Романовну, имѣвшую отъ брака съ Тихономъ, братомъ генеральнаго судьи, двухъ дѣтей: Ѳедора и Агаѳью. Чарнышу представился новый предлогъ обидѣть Кицеша и онъ, заявивъ себя опекуновъ племянниковъ, рѣшилъ отобрать на нихъ имущество Кицеша, утверждая, что все почти имѣніе послѣдняго было получено имъ какъ приданое за женою. Обстоятельства генеральному судьѣ вполнѣ благопріятствовали: по его указанію сотникомъ на мѣсто Кицеша былъ назначенъ извѣстный уже намъ «Демянъ Перехристъ», ставшій уже съ этихъ поръ «Демяномъ Ивановичемъ» [1]), а городовымъ атаманомъ былъ поставленъ Семенъ Драбъ. Какъ мы видѣли выше, оба эти лица были первыми жалобщиками на Кицеша и состояли какъ-бы агентами Чарныша въ Ковалевкѣ. Имъ генеральный судья и поручилъ составить опись оставшагося послѣ Марины Кицешъ имѣнія, выславъ для этой цѣли отъ своего «боку панского» слугу «Василя», въ присутствіи котораго сотникомъ Демьяномъ и Драбомъ сперва была составлена опись, а затѣмъ состоялось и «опредѣленіе» «добръ» на дѣтей Марины отъ перваго ея брака съ Тихономъ. Въ силу постановленія ковалевскаго уряда, на племянниковъ Чарныша было отдано: «1) коня едного вороного; 2) едну клячу, а коня едного въ грабежѣ взялисмо за ронзикъ, что изъ срѣбра небожчициного оній Афанасъ зробилъ и завладѣлъ; 3) бидла старого и малого 11; 4) овечокъ старихъ, ярчатъ и малихъ з козами и козенятами—58; 5) ґарелъ лисицы годованій з шлямами подлими—35; 6) кунтушъ лудановій зеленый женскій; 7) кунтушъ вишневый, отъ панѣ судѣной данный; 8) кунтушъ зеленый рецетовій, одъ панѣ судѣной данный; 9) кунтушъ атласовый жовтій съ бѣлками подбитій, одъ пана судѣ данній; 10) сподниця штаметовая зеленая; 11) плахта шовковая червоная; 12) шталтъ червоный аксамитній,

---

[1]) 10-го мая 1717 года уже послѣдовалъ ґетманскій универсалъ, коимъ Демьянъ Ивановичъ утверждался ковалевскимъ сотникомъ.

одъ панѣ судѣной данній; 13) два чепцѣ на аксамитѣ вишніовомъ заживаніе, одъ панѣ судѣной данніе; 14) серпанковъ два; 15) обрусовъ три; 16) хустка золотомъ шитая; 17) футро сѣбирковое старое; 18) сорочокъ шисть женскихъ; 19) килимціовъ чотире старихъ; 20) подушокъ двое; 21) коцовъ два; 22) пчулъ уліовъ 12; 23) вѣлчура чорная баранковая, бѣлими баранками жъ подшитая; 24) свиней старихъ и малихъ—18; 25) грошей одъ Григорія Кирсти, крамара коминанского, Тихоновскихъ справленнихъ—300 золотыхъ» и т. д.

Изъ этого перечня взятой Чарнышомъ «худобы» своей невѣстки якобы на ея дѣтей видно, какую заботливость выказалъ генеральный судья о своихъ племянникахъ: онъ не забылъ даже «чепцовъ и сподницъ»... На самомъ дѣлѣ все это имущество Марины Чарнышъ забралъ на себя; самому же Кицешу почти ничего не осталось: все было отдано въ опеку генеральному судьѣ. Послѣдній навѣрное ожидалъ жалобы на себя со стороны обиженнаго имъ Кицеша, почему и принималъ всѣ мѣры къ тому, чтобы быть готовымъ встрѣтить обвиненіе. Самое лучшее было совершенно стереть съ лица земли Кицеча, и генеральный судья пробовалъ было поднять противъ него обвиненіе въ «забитіи» имъ своей жены Марины, но священникъ ковалевскій засвидѣтельствовалъ, что она «Божіими судбами померла». Тогда оставалось лишь свѣдить за дѣйствіями Кицеша, живщаго въ Ковалевкѣ и собирать противъ него свидѣтельства о насиліяхъ, а особенно о «похвалкахъ» и всемъ касающемся «до монаршого интересу». На «продерзостныя» слова Кицеша Чарнышъ главное свое вниманіе обратилъ потому, что обвинить въ невѣрности своего врага генеральному судьѣ казалось самымъ вѣрнымъ средствомъ объяснить и свои насилія по отношенію къ нему и, быть можетъ, удалить его и совсѣмъ изъ предѣловъ Малороссіи.

Вѣрные агенты Чарныша въ Ковалевкѣ—Демьянъ Ивановичъ (сотникъ) и Семенъ Драбъ (атаманъ) неусыпно слѣдили за Кицешемъ и немедленно доносили о всемъ, что касалось до дѣла его съ Чарнышомъ. Между прочимъ, они сообщали генеральному судьѣ съ мельчайшими подробностями, сколько въ настоящее время

у Кицеша жита, ячменя, какіе имъ были сдѣланы расходы на погребеніе жены своей и что пошло на этотъ предметъ изъ ея имущества и т. д. Въ одной изъ «цѣдулъ» своихъ они пишутъ: «Сіе до уваги велможности вашой являемъ, что того в насъ на городѣ немаешъ, яко онъ, Волошинъ, жонкамъ двомъ ґвалтъ починилъ, и о коняхъ, покраденихъ нимъ же Волошиномъ: *надѣемся, якъ можетъ бити, у вашой велможности тое записано*». Самымъ же цѣннымъ документомъ, доставленнымъ сотникомъ Демьяномъ и Драбомъ Чарнышу, былъ слѣдующій, въ которомъ сообщалось о явныхъ намѣреніяхъ Кицеша жаловаться на генеральнаго судью: «Передъ намы, врадомъ ковалювскимъ, Демяномъ Івановичомъ—сотникомъ, Семецомъ Драбомъ—атаманомъ городовимъ—значная дѣялася винарація продъукованной инквѣзиціи взглядомъ Афанаса Николаевича, бивного сотника ковалювского, такъ подлугъ его учинковъ и велерѣчивого его язика, завзявши на врадъ нашъ и на всѣхъ граждан нашихъ не малую контру, невинне на насъ, токмо за его власніе учинки се мстячи, не толко промежку народомъ граждан нашихъ, лечъ и по иныхъ сторонахъ, во иномъ полку, неспособніе и людемъ неужитіе похвалки плодитъ на висоце поважній гонорь, особливе на врадъ нашъ ковалювскій и на всѣхъ граждан,—что по свидѣтелству неложномъ, в нижеписанныхъ пунктахъ очне предъ нимъ обясняется таковимъ достовѣрнимъ а слушнимъ доводомъ. Сего нижеписанного марта 19 Петро Бойченко, житель сорочинскій, прибувши за своимъ дѣломъ в Ковалювку (при случаю, мовитъ, сторони Аффанаса Волошина), сознавалъ предъ нами, виже писанними особами: «Ижъ, мовитъ, чулемъ на перевозѣ Барanувскомъ отъ перевозниковъ Барanувскихъ, ижъ впредъ тутъ ехалъ Волошинъ, сотникъ ковалювскій, изъ Сорочинецъ и такъ говорилъ: «Билемъ у пана полковника миргородского и не засталемъ, же в Кіевѣ обрѣтается, и я, мовитъ, воскорѣ буду простовати в Кіевъ до князя Голицина, где тамъ же и панъ миргородскій, прекладаючи жалобу о забрацю худобы моей отъ ковалювцовъ». Сего-жъ марта 20. «И якъ прибулъ Василь, посланній отъ пана судіи енералного войскового з поважними его писмами панскими о раздѣленню худобы з

дѣтми, оній Волошинъ, будучи упарностю знятій, называлъ всѣхъ насъ, више писаннихъ особъ, драпѣжцами и *булавинцами* и обухъ ухвативши и шаблю, похвалялся на Семена Драба, атамана нашего городового, «ижъ, мовитъ, на тебе я сей обухъ держу и шаблю,—чого и не увойдешъ», и называлъ атамана Драба собачою вѣрою, жидомъ, псою бородою и иними неучтивими слови, что свѣдители всѣ виже писанніе особы и на тотъ часъ згодившіеся.—Лаврѣнъ Романенко, шуринъ Афанасовъ Волошиновъ, посвѣдчаетъ на Афанаса Волошина таковіе слова неудобніе: «ижъ, едучи сего зимнаго времени санками з Волошиномъ до Гадячого, и чулъ таковую мову отъ Волошина: «ижъ, мовитъ, мѣю скаргу прекладати въ Кіевѣ до князя Голицина на пана судію енералного, что сердячися на пана полковника гадяцкаго (Милорадовича), позволилъ козакамъ ковалювскимъ худобу мою разобрати [1]), и чулемъ отъ волохъ, же давно князь Голицинъ на пана суддю *зубы стриже* и мѣетъ его, суддю, повѣсити. А если бы не мѣло бы право мнѣ бути в Кіевѣ, то мѣю намѣреніе простовати ажъ до Пѣтербурху, и хочай тамъ буду служити за солдата и в постоляхъ ходити, любъ сколка роковъ, а своего достою, ижъ в десятеро буду брати за свою худобу, и еще я самъ лучше подновлю, же конечне его, пана суддю, повѣсятъ». Сію мову виже реченній Лаврѣнъ ему, Волошину, презентовалъ при всѣхъ насъ, вишписаннихъ особахъ, а оній Волошинъ жадного виводу з собѣ не далъ, тилко тимъ словомъ притится. Грицко Сѣчка и Иванъ Коваленко посвѣдчаютъ предъ нами, вижеписанними, ижъ чули отъ Василя Волошина, брата Афанасового, таковую мову: «же скоро води стягнутся,—Афанасъ, братъ мой, мѣетъ ехати въ Кіевъ до князя Голицина, а с Кіева до Пѣтеръбурха, скаргу заносити о розибранной худоби отъ ковалювцовъ», якъ и самъ Василь предъ нами очне а доброволне тіе слова презентовалъ. Самъ Афанасъ Волошинъ в тотъ часъ, якъ худобу дѣ-

---

[1]) Рѣчь идетъ о тѣхъ «добрахъ» Кицеша, которыя были розданы на основавіи декрета 2 марта 1717 г. ковалювскимъ обывателямъ въ удовлетвореніе за убытки, понесенные ими отъ Кицеша.

лили з дѣтми, гапилъ Семена Драба, атамана нашего городового, и такими слови домовлялъ, називаючи чаровникомъ: «же ти, мовитъ, винника и винничку отруилъ и иныхъ з свѣта людей позганялъ!» И тимъ словомъ мы, виже писанніе особи, свѣдоми и праведно сознаемъ. Мы теди врадъ, слишачи таковое свѣдителство на оного Волошина при виже писанныхъ особахъ, персоналне ему договоруючи, до слушности велѣлисмо сію инквизицію ретелне, подлугъ самой совершенной правди, записавши, до висоце поважного респекту велможности вашой преподаемъ. Року 1717, марта 27 дня».

Какъ было упомянуто выше, Чарнышъ, зная объ упорности Кицеша и ожидая отъ него на себя жалобы, собиралъ свидѣтельства о «рѣчахъ» Кицеша. Такъ, еще 7-го февраля 1717 года сотникъ веприцкій Леонтій Масюкъ писалъ Чарнышу: «Велможній и благородній мосцѣ пане судія енералній войсковій, мой велце премилостивѣйшій пане и великій добродѣю! На высоце поважное велможности вашоя писаніе и на пунктъ той, что в листѣ вашомъ панскомъ выражено о мовѣ словесной пана сотника ковалювского, такій мой служебничій отдаю отвѣтъ.—Когда прибулемъ в Опошное з своей квартери, в тое время у пана сотника опошанского в дому учулемъ отъ пана Мартина Штишевского, асаула полкового гадяцкого, отъ пана Романа Корицкого, сотника опошнянского, и отъ пана Тимофѣя Лукашевича, сотника уѣзду сѣлъ гадяцкихъ, таковія слова, будто панъ сотникъ ковалювскій говорилъ тое, что *я при королевѣ шведскому служилъ и много того поганства москалевъ чрезъ тое время надчистилъ*».— «Самослишатель» этихъ словъ—сотникъ опошанскій Романъ Корицкій 8-го февраля писалъ генеральному судьѣ: «Поневажъ по злецено вашой панской милости писалъ до мене панъ асаулъ Кграбянка указомъ вашимъ же панскимъ, жебы совершенно учинилъ извѣстно на писмѣ о вireченныхъ неподобныхъ словахъ сотника ковалювского,—ознаймую: ижъ, когда остался панъ Мартинъ (Штишевскій) наказнимъ полковникомъ надъ товариствомъ, тутъ зостаючимъ, теди якось случилось обѣдать в дому моемъ пану асаулу Мартину жъ, пану сотнику ковалювскому и рашев-

скому, и при тихъ особахъ говорилъ сотникъ ковалювскій такую рѣчь: «*же я правѣ служилъ лѣтъ подъ десятокъ при шведови и много москалей рубалъ и кололъ*», о чомъ могутъ праведно и помянутіе особы вашой панской милости предложити». Иванъ Пиратинскій, сотникъ полковой гадяцкій, и Мартинъ Штишевскій, асаулъ, своими письменными свидѣтельствами подтвердили тѣ же «неслушніе» слова Кицеша.

Между тѣмъ, пока генеральный судья собиралъ эти «сказки», изъ Ковалевки къ нему поступали новыя доношенія о поведеніи Кицеша. Такъ, въ одномъ изъ своихъ писемъ къ Чарнышу, тамошній сотникъ Демьянъ Ивановичъ сообщалъ, что когда составлялась опись «худобы» Марины Кицешевой, то «бывшій сотникъ Афтанасъ вирекалъ таковіе слова: «же правѣ водите меня самого, поки я буду васъ всѣхъ водити, та не таковимъ способомъ, але лутше, и будетъ хтось тому и не радъ!» При этомъ Кицешъ говорилъ еще «публѣчне»: «Хто в мене озметъ едно, то возвратитъ четверицею, бо я симъ судомъ, не во правду учиненимъ, не контентуюся и потомъ будетъ хтось тому каятися!» Еще подбиваетъ (пишетъ далѣе Демьянъ Ивановичъ Чарнышу) «из собою Василя Винниченка, щобъ совокупне поехати в Пѣтербурхъ прекладати жалобу на судъ войсковій енералній за то, що отъ уряду отдаленъ зосталъ—и еще при сей о нихъ порадѣ якоби то на поважній гонор велможности вашой (говорилъ) страшніе словеса, *которихъ намъ неудобь зрекати и характеромъ обявляти*,—хиба сей Лаврѣнъ, братъ небожки, якъ намъ говорилъ, такъ и велможности вашой устне змовитъ... И телко то (заканчиваетъ Демьянъ свое письмо), велможній добродѣю, болшіе его Афтанасіеви словеса доношаемъ, самихъ себе остерегаючи, а що много есть похвалокъ и словъ *гнилихъ*,—то вопще пускаемъ».—Въ «цѣдулахъ» сообщается еще Чарнышу конфиденціально, что въ реестръ имѣній Марины не вписаны были еще «сапяновъ два, гарелъ лисичовихъ подъ сорокъ совокупне зъ рушниками», и присовокупляется: «Еще, велможній добродѣю, чого совершенно не знаемъ: що то за рѣчь есть, же житель комишанскій з Кіева привезъ,—то тоею рѣчу барзо Афтанасъ утѣ-

шается и нѣкоторуюсь надѣю покладаючи, уфность мѣетъ». Въ апрѣлѣ Демьянъ и Драбъ жалуются Чарнышу, что Кицешъ къ исполненію декрета генеральнаго суда «старання отнюдь не прикладаетъ» и, отъѣзжая въ Гадячъ, говорилъ: «За тіе добра вдесятеро будете платити!»

Кицешу въ Кіевъ къ князю Голицину пробраться почему-то не удалось; однако, онъ какимъ-то образомъ успѣлъ получить отъ Меньшикова «писаніе» къ гетману, у котораго онъ рѣшился искать защиты. Въ своей челобитной къ гетману Кицешъ писалъ: «Ясне велможній мосцѣвій пане гетмане, мнѣ велце премилостивѣйшій добродѣю и великій патроне! Слезне упадаючи до ногъ ясновельможности вашой, прекладаючи скаргу на пана Івана (sic), судію енералного, которій-то мнѣ презъ немалое время великіе утиски и гоненіе чинитъ, обличаетъ мене словами неудобними, ижъ би велможности его якіе противніе слова мовилъ—якихъ я не знаю,—тилко з ненависти тое мовилъ панъ судія на меня. Я, в томъ невѣдаючи, великою клятвою заклинаю себе: нехай Господь Богъ на душѣ и тѣлѣ покараетъ, ежели что колвекъ бы мовилъ я о велможножности вашой, просячи на себе вашого милосердія, тилко-жъ не чулъ жадного прикрого слова отъ ясне велможности вашой и до сего часу... Але Господь Богъ вѣсть, зъ якой причинѣ панъ судія таковую ненавистъ имѣетъ на мене,—тилко Богъ вѣсть»,—увѣрялъ гетмана Кицешъ. «А я теперъ», писалъ онъ далѣе, «за его ненавистю не маю себе жадного пристановища: издилемъ до многихъ полковниковъ, просячися, ижъ-би приняли до ласки своей—и не пріймаютъ, знаючи мене, же я въ сродствѣ зостаю пану судѣ... Когда бувъ ясневелможность ваша въ Гадячомъ безъ битности пана полковника Михаила Милорадовича гадяцкого, въ тотъ часъ з примусомъ п. судѣ ковалювскіе люде ковъ поддіймовали на мене»... Далѣе мы узнаемъ изъ этой челобитной, какимъ образомъ генеральный судья устроилъ, что «писаніе» Меньшикова къ гетману съ просьбой объ опредѣленіи сотникомъ въ Ковалювку вновь Кицеша,—осталось безъ послѣдствій. «Теперешнихъ часъ, до вашей велможности залецаючи, писалъ свѣтлѣйшій князь объ мене, аби я

помилованъ билъ отъ ясне велможности вашой, которое и подалъ я жъ велможности вашой, ожидаючи ласки—тилко не получилемъ, але болшое учулъ на себе отъ пана судѣ гоненіе. В тотъ часъ, безъ битности пана полковника гадяцкого, приказалъ панъ судя сотниковѣ ковалювскому Демяну Перехристенковѣ, аби ис тамошними людми (болше, нежели пятдесятма человѣками) пріѣздилъ в Глуховъ,—и сотникъ, по указу его, пріѣхалъ на Рождество Іоанна Предитечи». По увѣренію Кицеша, «судя намовлялъ онихъ людей, аби мене не пріймовали, многіе причини винаходячи неправдивіе, а я (прибавляетъ Кицешъ)—на тотъ часъ въ сѣняхъ велможности вашой стоялъ и чулъ тое, що судя людемъ говорилъ... А хто имѣлъ би що за мною, мизернимъ, говорити,—по запрещенію судѣ не можетъ, страха ради. И тое велможности вашей доношу», продолжаетъ Кицешъ, «же такіе похвалки чинитъ на мене, бѣдного, мовячи: «Такъ учиню я тебѣ, аби булъ повѣшенъ!» І единого часу случилося мнѣ сидѣти съ паномъ сотникомъ ковалювскимъ и мовитъ мнѣ панъ сотникъ: «Панъ Афанасій, нехай тебѣ Господь Богъ хранитъ! Чулемъ я, же панъ судя мовилъ такъ з великимъ гнѣвомъ, похваляючися: «Уже одъ моихъ рукъ не увойдетъ: по прежнему, мовитъ, повѣшенъ будетъ!» И козаки, которіе били в тотъ часъ, в ти жъ слова мовили: «Будетъ старатися, аби ты бувъ повѣшенъ!». «Слишачи я таковіе слова», продолжаетъ свой разсказъ Кицешъ, «неудобь зносиміе сердцу моему, мушу вслѣдъ свѣтлѣйшого князя ихати, также и предъ лице великого монарха его царского пресвѣтлого величества, обявляючи скорбь, также и худобу свою доходячи, которую пограбилъ панъ судя, не вѣдаю з якой причини, и ковалювцамъ пораздовалъ, кому онъ зналъ». Свою челобитную Кицешъ заканчиваетъ такъ: «Тое все все велможности (вашой) описавши, всю мою скорбь и тѣсноту, самого полецаю ласце велможности вашой и зостаю нижайшимъ слугою: ясневелможности вашой нижайшій рабъ и служити радъ Афанасій, грѣшній иноземецъ, сотникъ бувшій ковалювскій».

Должно быть, положеніе Кицеша было ужаснымъ, если даже такой его врагъ, какъ сотникъ Демьянъ, предупреждалъ о гро-

зящей ему опасности.. Положеніе разореннаго Чарнышомъ Кицеша ухудшилось въ это время еще какой-то ссорой съ Милорадовичемъ; причины ея намъ неизвѣстны, но она была настолько серьезна, что Кицешъ собирался ѣхать жаловаться въ Москву и на него... Энергичный Кицешъ подалъ жалобу на Милорадовича сперва гетману, а затѣмъ, зная о враждебныхъ отношеніяхъ между Чарнышомъ и гадяцкимъ полковникомъ, написалъ, передъ своимъ отъѣздомъ генеральному судьѣ письмо, въ которомъ просилъ его «своимъ поважнимъ и премудримъ словомъ за мною, бѣднимъ сиротою, на чужинѣ остаючомусь, велможному добродѣеви его милости пану гетману примовити о поданную суплѣку ис пунктами его панской велможности на пана полковника гадяцкаго у великихъ мнѣ отъ его, пана полковника, кривдъ дѣючихся,—дабимъ получилъ якій отвѣтъ.—И поради велможности вашой прошу: ежели ясневелможній панъ гетманъ не схочетъ его, пана полковника, на томъ усилковати, чтоби моя вся утрата нимъ, паномъ полковникомъ, дѣячаясь, при мнѣ била, то (заключаетъ свое письмо Кицешъ) благослови мнѣ, велможній пане, при сюй оказіи до лица царского величества отъиздити!» Однимъ словомъ, Кицешъ не зналъ, съ какой стороны подойти къ генеральному судьѣ, и наивничалъ съ нимъ, умалчивая въ своемъ послѣднемъ письмѣ къ нему о томъ, что онъ и на него подалъ гетману челобитную.

Но ни по дѣлу своему съ Чарнышемъ, ни по дѣлу съ Милорадовичемъ Кицешъ у гетмана результата никакого не добился. По крайней мѣрѣ, въ началѣ 1718 года, когда гетманъ былъ въ Москвѣ, то тамъ же находился и Кицешъ, подавшій на этотъ разъ свою жалобу на Чарныша прямо «министрамъ». Какимъ образомъ Чарнышъ выпустилъ изъ своихъ рукъ Кицеша и позволилъ ему пробраться въ Москву--мы не знаемъ. Быть можетъ, что Кицешъ успѣлъ это сдѣлать, замаскировавъ свое настоящее намѣреніе—жаловаться на Чарныша—желаніемъ найти судъ надъ Милорадовичемъ и провелъ Чарныша такимъ образомъ. Несомнѣнно, однако, и то, что Кицешъ хотѣлъ жаловаться и на Ми-

лорадовича, но не могъ этого сдѣлать по причинѣ, о которой узнаемъ ниже. Какъ бы то ни было, но на этотъ разъ дѣло принимало для генеральнаго судьи неблагопріятный оборотъ: хотя онъ уже давно былъ извѣстенъ въ Москвѣ своими насиліями, все же разоблаченіе его отношеній съ Кицешемъ не могло входить въ его интересы. Но съ неизмѣнной ловкостью Чарнышъ и на этотъ разъ выпутался изъ бѣды, давъ дѣлу совершенно иной ходъ. Много помогли ему и сами «министры», передавшіе жалобу Кицеша самому гетману, а въ такомъ случаѣ дѣло для Чарныша становилось совершенно легкимъ и малосерьезнымъ... Но не зная еще о судьбѣ жалобы Кицеша, Чарнышъ поднялъ вопросъ о сомнительности «вѣрности» вообще всѣхъ иноземцевъ, получившихъ уряды въ Малороссіи, и тѣмъ отвлекъ вниманіе гетмана отъ частнаго своего дѣла съ Кицешемъ. Гетманъ настолько былъ встревоженъ слухами, доходившими къ нему, должно быть, черезъ посредство Чарныша, о гетманствѣ Кантакузина и о прочемъ, что немедленно же выслалъ изъ Москвы «розищиковъ»: Романа Бороховича и Стефана Максимовича, которымъ удалось собрать нѣсколько фактовъ, касающихся вѣрности Кицеша и другихъ. Кромѣ того, самъ Чарнышъ вновь затребовалъ отъ извѣстныхъ уже намъ «самослишателей» «рѣчей» Кицеша «сказки» по этому поводу. Но было найдено кое-что и новое. Такъ, между прочимъ, въ апрѣлѣ 1718 года, когда Кицешъ вернулся изъ Москвы и былъ въ Галячѣ, священникъ святоуспенскій гадяцкій Георгій Терпѣловскій, зная о враждебныхъ отношеніяхъ между Милорадовичемъ и Кицешемъ, очень удивленъ былъ, увидѣвъ послѣдняго въ домѣ Милорадовича. При этомъ былъ и протопопъ гадяцкій Семенъ Михайловскій, спросившій Кицеша: «Якъ и гдѣ, вашмость, поѣднался зъ паномъ полковникомъ?» И онъ, сотникъ, при всѣхъ насъ (священникахъ), осклабившися, вслухъ всѣхъ священниковъ, такъ мовилъ: «Трудно мнѣ было не процатись, бувши на Москвѣ, поневажъ тамъ и кого-нибудь смиряютъ!» И далѣй мовилъ: «Якъ мнѣ не було тамъ смиритись, поневажъ на пана полковника (Милорадовича) великая является царская

ласка и такая милость, якой и гетманъ не маетъ!» [1]) Былъ полученъ Чарнышемъ и еще одинъ любопытный документъ: это разсказъ бывшаго комышанскаго сотника Ивана Крупки (въ іюлѣ 1718 года): «В прошломъ 1716 року, в мѣсяцю октоврію, по Покровѣ (такъ начинаетъ свой разсказъ Крупка), случилось мнѣ, мовитъ, в куренѣ волошина Афанасія бути (тогда сотникомъ ковалювскимъ найдуючогося) и в посидѣню переговорувати; в той часъ, при инших рѣчахъ, сказалъ Афанасій: «Тебе, Крупко панъ полковникъ гадяцкій (Милорадовичъ) тилко для початку з ураду скидаетъ, а то еще мислитъ и цѣле забрати асауловъ полковихъ Григоріа Кграбянку, Мартина Штишевского и Романа Корецкого, сотника опошнянского, да на ихъ мѣстце асауломъ Толпу (?) волошина, а Албанина сербина—сотникомъ опошанскомъ учинити, и всѣхъ сотниковъ оддаливши, своихъ подручныхъ сербовъ и волохъ на власти понаставляти—того ради: же когда трафится з ордою потичку имѣти, полковникъ говорилъ: «Добре буде, якъ всіи старшина мои... перекинутись до орди, и козаковъ... мѣсто ясиру запровадити, ибо за моею, мовитъ, старшиною мусятъ всѣ по указу, куди поведутъ, хочъ въ неволю, за началними своими ити и служити повинни»! «И можетъ чого тогда и болше говорилъ», прибавляетъ Крупка, «да слуга полковничій позвалъ его (Кицеша) на вечеру». Этотъ-же Крупка разсказывалъ еще слѣдующее про Кицеша: «Сего настоящаго 1718 року, предъ постомъ великимъ, когда обачилъ Опанаса волошина на ринку глуховскомъ з нѣякоюсь московкою переговоруючого, пришолъ до оного и вопросилъ: «Що говорите тайно? Скажи, мовитъ, и минѣ!» На що одповѣдалъ Опанасъ: «Говоритъ московка сяя вѣдомость з Москви певную, ижъ уже гетманомъ *нашъ* Кантакузинъ, а не сей *вашъ* гетманъ», и тое сказавши (продолжаетъ свой разсказъ

---

[1]) Кицешъ, какъ мы видѣли выше, ѣздилъ въ Москву жаловаться на Милорадовича, но принужденъ былъ «смириться», увидѣвъ «великую царскую ласку» на этомъ полковникѣ. Въ этомъ и заключается причина того, что Кицешъ и не подалъ жалобы на Милорадовича, а поспѣшилъ помириться съ нимъ.

Крупка): «Ходимъ, мовитъ, до моей волошки, где сія московка ночовала». «Куда якъ пришли, заразъ заговорилъ Афанасъ до ней по волоски, аже тая волошка русскимъ языкомъ отповѣдѣла: «Якъ я маю з тобою по волоски, и по руску зкажу тебѣ же ти скурвій сыну, шалбѣре! Чого ти в мене питаешси, чи буде Кантакузинъ, чи тежъ сей нашъ теперешній гетманъ? Бо намъ—що попъ—то батько, и дѣла намъ до сего нѣтъ!» На основаніи этого «ставленъ» былъ къ отвѣту передъ слѣдователями Кицешъ, который сказалъ: «На старшину полковую: асауловъ Кграбянку и Мартина, на Корицкого—опошанского сотника, и прочіихъ сотниковъ хвалился полковникъ з уряду поскидати», а шобъ перекинутись до орди и козаковъ за ясиръ отдати—запирается». «На потомъ», продолжаетъ «розыщикъ», «будучи уже на дворѣ, одозвался тотъ-же Опанасъ волошинъ и по согласіи Крупчиномъ до оной московки свѣдомитись признался, мовячи: «Московка а Ляхневичева жона говорила, что Кантакузинъ, мовитъ, нашъ одноземецъ, гетманъ, а не вашъ теперешній будетъ», якіе слова повторително Афанасій предъ Крупкою повторилъ». Призвали Марью Иваниху Ляховку, жительку глуховскую, которую Крупка назвалъ волошкою, и та «на питаніе» показала: «Сего 1718 року, о мясной недѣлѣ, пришли до мене Афанасъ волошинъ з Крупкою Іваномъ, бившимъ сотникомъ комишанскимъ, в домъ мой и почалъ говорити до мене по волоску: «Якіе ти чула вѣдомости з Москви? Ижъ, мовятъ, уже Кантакузинъ гетманомъ намъ будетъ, а сей гетманомъ не будетъ? Того ради и намъ, мовитъ, добре будетъ! Сего ради и я на Москву пойду!» На що я отповѣдала Афанасію по роскій: «скурвій сыну, шалвѣру, ти мнѣ тое говоришъ, чого я не знаю и не вѣдаю», и налаила его, мовячи: «Я бъ тобе очи вибила, ежели бъ не для сего доброго человѣка! Что буде—то буде, до того дѣла намъ нема!» Марья Ляховка ссылалась на мужа и домашнихъ, которые подтвердили справедливость ея словъ, а призванный Кицешъ «до всего того доброволне признался» [1])...

---

[1]) Кицешъ сказалъ еще, что онъ и отъ слуги Кантакузина слышалъ, будто Кантакузинъ будетъ гетманомъ, а потому «на доводъ

Какой же результатъ получился челобитной Кицеша въ Москвѣ? Какъ мы сказали выше, она была передана гетману; послѣдній же не обратилъ на нее вниманія... Такимъ образомъ цѣль, имѣвшаяся Чарнышомъ въ виду при началѣ розыска, была отчасти достигнута; отчасти—потому, что ни Кицешъ, ни другіе сорбы и волохи совершенно не пострадали изъ-за разоблаченной ихъ «невѣрности»... Правительство русское, быть можетъ, предпочитало имѣть такихъ урядниковъ въ Малороссіи, нежели послѣ Мазепиной измѣны—урядниковъ изъ мѣстнаго элемента... Но за то, Чарнышъ жестоко отомстилъ Кицешу за его попытку жаловаться на него въ Москвѣ.

«И у прошломъ 718 году», писалъ Кицешъ впослѣдствіи, «онъ-же, Чарнышъ, умисля, дабы меня за вишеозначенную оказію (поѣздка въ Москву) и что я на него билъ челомъ въ Москвѣ, разорить безъ остатку и в турмѣ уморить (такъ же, какъ и другихъ онъ уморилъ, державъ в турмѣ многіе годы напрасно), пославъ по меня канцеляриста Максимовича и Романа Бороховича, а с ними двухъ драгунъ, и напавъ на меня вишеприсланніе отъ него, Чарниша, на сонного в мѣстечкѣ Зенковѣ, и по повелѣнію ево били меня и мучили безъ милосердія и изграбили (а грабежемъ взяли в меня двацятъ пятъ таляровъ, да далъ шапки цѣною по рублю); и взявъ меня и заковавъ в кайдани, и привезли къ нему, Чарнишу, в Глуховъ; и онъ, Чарнишъ, вторично в томъ Глуховѣ билъ меня и увѣчилъ смертнимъ боемъ безъ милосердія; и послѣ того ругателства в третей разъ еще ве-

---

певнѣйшій самъ Іванъ Бутовичъ, сербинъ, повѣдалъ: «Случилося мнѣ, мовитъ, чути одъ господиновой Кантакузиновой до его, Кантакузина, мовячіесь слова: «Ижъ досить уже тобѣ такъ войсково служить! Але просити мусишь отъ Государа таковаго помилованія, щобъ в Украинѣ гетманское офѣцію одержалъ?» И сіе чувши, помянутій Іванъ много иншимъ и посторонним людямъ разголосивъ, а всіи дворніи Кантакузина сюю повѣсть пропонуютъ, якоби того ради онъ, Кантакузинъ, и на Москву поехалъ, аби столецъ гетманства одержалъ в Украинѣ». Весьма возможно, что изъ этого источника и пошли слухи о гетманствѣ Кантакузина...

лѣлъ меня бить и мучить и ругаться немилостивно, и далъ мнѣ *триста кіевъ,* и бросилъ меня замертво в турму и держалъ недѣль з десять, отъ которого незносного и нестерпимого тиранскаго мученія былъ я боленъ при смерти и лежалъ в безпамятное долгое время и *тѣло мое не токмо черви ѣли, но и шмати изъ тѣла моего отпадали* [1])... И многократне до себе приводячи, говорилъ оній Чарнишъ мнѣ з великимъ пристрастіемъ: «Могу я у тебя ту дорогу перенять! [2]) И в прежде ти меня такъ поносить и безчестить, и великому государю другой разъ бить челомъ не будешь! Имѣю-де я надѣяніе на Бога: нетокмо сербыновъ—и всѣхъ васъ волоховъ изъ Украини каменіемъ вибити!»—А мы (прибавляетъ Кицешъ), вашему царскому величеству не измѣнники,—слуги добріе и служили вѣрно и впредь служить тебѣ, великому государю, и за ваше царское величество, и за православную христіанскую вѣру кровъ свою проливать желаемъ и всегда готови неизмѣнно».

Таковы были послѣдствія поѣздки Кицеша въ Москву... Чарнышъ же ничѣмъ не поплатился; напротивъ, гетманъ, бывшій одновременно съ Кицешемъ въ Москвѣ, выхлопоталъ своему зятю царскую грамоту (отъ 3-го іюля 1718 года), коей утверждались за нимъ всѣ прежде полученныя имѣнія, а также обширная скупля въ Нѣжинскомъ полку: подъ Глуховымъ, Подоловымъ, Гайворономъ, Поповкой, Батуриномъ, Митченками, Новыми Млинами и другими селами, на что Чарнышъ получилъ универсалъ гетмана 15-го ноября 1717 года. Урокъ, данный генеральнымъ судьей Кицешу, не принесъ для Чарныша желаемыхъ результатовъ: ему не удалось у своей жертвы «перенять дорогу» въ Москву, и какъ только Кицешъ оправился и вышелъ изъ тюрьмы, то вновь поѣхалъ въ Москву добиваться суда надъ своимъ гонителемъ. Но мы пока оставимъ это дѣло и обратимся къ другимъ фактамъ изъ жизни генеральнаго судьи.

---

[1]) Глуховскій житель Александръ Ивановичъ впослѣдствіи подтвердилъ, «же на ратушу глуховскомъ быто челобитчика Кицеша нещадно, одъ которого бою лежалъ в ратушу на землѣ, *землю ѣлъ и шляпу свою кусалъ*».

[2]) Т. е. дорогу жаловаться въ Москву.

Постоянно стремясь къ болѣе самостоятельному положенію, чѣмъ положеніе генеральнаго судьи, Чарнышъ, занимая этотъ урядъ, мечталъ о полковничествѣ. И на этотъ разъ его взоры обратились къ стародубскому полку, который представлялъ значительныя преимущества для полковника по сравненію съ другими полками: онъ былъ по своему расположенію наиболѣе удаленнымъ отъ Глухова, гдѣ находилась гетманская власть, наиболѣе обширнымъ и черезъ него шла торговля волами, пенькой и т. п. съ заграницей. Для того, чтобы достичь этой цѣли, дальновидный Чарнышъ сталъ скупать земли въ стародубскомъ полку еще при жизни тамошняго полковника Лукьяна Жоравки, († 1719), дабы сдѣлаться своимъ человѣкомъ между полчанами. Жоравка, зная о родственныхъ связяхъ между Чарнышомъ и гетманомъ, боялся такого претендента и, отлично понимая, для какой цѣли Чарнышъ скупаетъ земли въ его полку, старался насколько позволяла ему власть, препятствовать намѣреніямъ Чарныша, запрещая подобныя продажи. Такъ, когда въ 1718 году сердюцкій сотникъ Николай Еремѣевичъ запродалъ Чарнышу свой хуторъ Вепринскую рудню (близъ села Синяго Колодязя), то узнавшій объ этомъ Жоравка «непомалу ганилъ» продавца, «же панъ судія почалъ куститися въ полку стародубовскомъ зъ намѣреніемъ на полковництво, и за таковой мой торгъ», жаловался продавецъ, «въ вязеню мене держалъ». Такъ поступилъ съ Николаемъ Жоравка до подачи на него самого жалобы за насилія отъ всѣхъ полчанъ. Но когда жалоба эта была подана и попала въ руки генеральнаго судьи, то Жоравка, задабривая хорошо извѣстнаго своей подкупностью судью, не только разрѣшилъ продажу Вепринской рудни, но 20-го марта 1719 года подарилъ даже Чарнышу изъ своего владѣнія цѣлое село Синій-Колодезь:—«Симъ откритимъ листомъ объявляю, ижъ его милость панъ Иванъ Чарнишъ, судія енералній, презентовалъ мнѣ купчій записъ на футоръ з греблею и грунтами отъ Николая Еремѣевича, бившого сотника сердюцкого, набитій;—по вичитанню прето вишъ изображенной купчой, чинячи тому новокупленному футоровѣ вспоможене, по доброхотной моей пріязни, селце Синій Ко-

лодезь, мною владѣемое, уступивши его милости пану судіи, во владѣніе даю в зуполное,—которого куплею и помянутимъ селцемъ владѣючи, его милость воленъ будетъ отъ ясневельможного его милости пана гетмана унѣверсалную получити конфѣрмацію». Однако, дѣло Жоравки было настолько громкое, что Чарнышъ долженъ былъ дать судъ нелицепріятный... Жоравка умеръ, не дождавшись наказанія, и Чарнышъ заволновался, начавъ хлопотать о своемъ назначеніи на его мѣсто. Кандидатовъ выставлялось много: гетманъ хлопоталъ за Чарныша; Меньшиковъ же просилъ за Андрея Миклашевскаго, Гаврила Милорадовича и Танскаго, прибавляя въ письмѣ къ царю: «О Чарнышѣ изволите знать, что оный не безъ противности есть...» [1]) Чарнышъ считалъ себя едва ли не первымъ кандидатомъ на полковничество и, не зная о томъ, что въ Петербургѣ послѣ яркой картины насилій Жоравки рѣшено было оставить урядъ стародубскаго полковничества вакантнымъ, продолжалъ скупать земли въ этомъ полку, хотя ему, при его репутаціи, трудно было разсчитывать на это мѣсто. Чарнышъ этого, повидимому, не понималъ и спѣшно скупалъ земли около Синяго Колодязя, употребляя нерѣдко насилія. Жалобы на него поступали гетману во множествѣ, и тотъ (вѣроятно, не безъ вліянія кого-либо изъ московскихъ вельможъ) принужденъ былъ, въ бытность свою въ Москвѣ въ 1722 году, послать къ наказному стародубскому полковнику энергичный универсалъ, коимъ у Чарныша отбирались насильно скупленные имъ грунты и онъ вообще изгонялся изъ Стародубщины: «Донеслося намъ вѣдати тутъ въ Москвѣ, что пана Чарниша, судіи войскового енералного, староста Синеколодязскій не тилко противъ указу нашего, еще з Глухова до пана Лизогуба, бунчучного войскового енералного, а одъ его к нему посиланного, оттуду, з Синего Колодязя, неслушне паномъ судіею завладѣнного, не уступилъ и въ затѣваню людемъ насилними скуплями кгрунтовъ ихъ обидъ не поскромился, но и паче еще оніе имъ чрезъ скуплѣ затѣваетъ, и в грунта ширится;—зачимъ теперь уже крайне ваш-

[1]) Соловьевъ, Исторія Россіи, т. IV, стр. 292.

мости чрезъ сей листъ нашъ приказуемъ, абысь призвавши нашимъ (листомъ?) помянутого старосту, в Синемъ Колодези зостаючого, албо и насилно не хотячого ехать в Стародубъ предъ себе зискавши, всеконечно повелѣлъ ему прочь з Синего Колодезя и полку Стародубовского зъехати и всѣхъ скупленнихъ отъ пана судіи енералного землей и кгрунтовъ отступитися, чого ради прикажи вашмость и всѣмъ людямъ, у которихъ на имя пана судіино кгрунта поскуплювано, гроши пооткладати, якіе побрали за тіе свои грунта въ Синемъ Колодези, в Бѣлогощи и другихъ слободахъ, чтобъ знову были оніе в прежнемъ владѣніи тихъ людей, которіе якимъ колвекъ способомъ пану судіи в продажъ попускали».[1]) Должно быть, скупля грунтовъ Чарнышомъ производилась ужъ слишкомъ безцеремонно, если можно было принудить Скоропадскаго дать такой универсалъ... Надѣясь на поддержку тещи-гетманши, генеральный судья ошибся въ своихъ разсчетахъ, а въ іюлѣ 1722 года Скоропадскій умеръ, и для Чарныша обстоятельства рѣзко измѣнились къ худшему...

Между тѣмъ, пока Чарнышъ устраивалъ свои дѣла въ Стародубщинѣ, Кицешъ не дремалъ: въ 1719 году онъ снова ѣздилъ въ Москву жаловаться на генеральнаго судью и на этотъ разъ добился того, что ему былъ выданъ «государевъ указъ» къ гетману о назначеніи его сотникомъ въ Ковалевку. На этотъ разъ дѣло казалось для Кицеша выиграннымъ, но Чарнышъ не потерялся и придумалъ слѣдующее: «И противъ того моего челобитія»,—пишетъ въ одной изъ своихъ послѣдующихъ челобитныхъ Кицешъ,—«данъ мнѣ твой государевъ указъ до господина гетмана Івана Ілича Скоропадского, чтобы онъ учинилъ надо мною милосердіе и приказалъ бы мнѣ быть въ Ковалевкѣ сотникомъ попрежнему, также и порозграбленніе мои пожитки возвратилъ бы (генеральный судья) попрежнему. И какъ онъ господинъ гетманъ получилъ указъ, спрашивалъ меня, хтобъ отъ сотничества мнѣ отказалъ? И я ему сказалъ, что отставилъ меня вишеозначенной

---

[1]) Сулимовскій архивъ, стр. 197—207; А. Лазаревскій, Описаніе Стар. Малороссіи, I, 45—47.

Чарнишъ, и онъ господинъ гетманъ сказалъ: «Когда прибудетъ изъ Почепа отъ свѣтлѣйшого князя Федоръ Протасіевъ»,—и с нимъ, Протасіевымъ, о томъ хотѣлъ говорить и обѣцялъ бить мнѣ в сотникахъ попрежнему для того, что ему, Протасіеву, о томъ приказано (совѣтоваться съ гетманомъ). И оного Протасіева ожидалъ въ Глуховѣ недѣль с три и болши». Этой проволочкой воспользовался Чарнышъ: «И вишеозначенной Чарнишъ, довѣдався о томъ, что мнѣ господинъ гетманъ обѣщалъ быть сотникомъ попрежнему, писалъ до ковалювского сотника, которой отъ оного Чарниша опредѣленъ вмѣсто меня, чтобъ онъ пріихалъ в Глуховъ. И оной сотникъ по писму его, Чарнишову, собралъ ковалювскихъ козаковъ человѣкъ с пятдесятъ и болши, и по слову ево, Чарниша, онъ, сотникъ, науча онихъ козаковъ, привелъ къ господину гетману и велѣлъ, дабы оніе просили, чтобъ мнѣ сотникомъ попрежнему не быть. И оніе козаки, пришедъ къ гетману, по наученію ево, сотника, и судѣ Чарниша, говорили на меня всякіе неистовіе слова, также говорили, что де будетъ сей еще и повѣшенъ! И хотя бъ хто изъ онихъ козаковъ онихъ словъ и говорить не хотѣвъ и хотѣли просить, чтобъ быть по прежнему сотникомъ,—и онъ, Чарнишъ, уграживая,—имъ говорить не велѣлъ, проискивая на меня болшаго разоренія...»

А послѣ того, пишетъ Кицешъ, «видѣлся я съ нимъ, сотникомъ Демяномъ, и с козаками близъ церкви Всемилостиваго Спаса, и оной сотникъ сказалъ мнѣ: «Говоритъ на тебе судя Чарнишъ, что будетъ тебѣ и злѣе того, когда былъ гетманъ въ 1717 году в Гадячу [1]), и ты-де пропадешь; хотя и повѣсятъ, зиску не будетъ и искать за тебе нѣкому!» И тѣ его слова слишалъ бувшой воронеской сотникъ Потапъ; такъ же изъ онихъ козаковъ (ковалевскихъ): Тимофѣй Булкоцкой, Троцкой, Троеноцкой, Гордей Шкурацкой—говорили, чтобъ меня повѣсили, а Кузьма Сторашъ сказалъ: «Я самъ буду надъ тобою катомъ!» И самъ оной судя Чарнишъ, идучи одъ церкви в домъ гетманской, говорилъ на

---

1) Рѣчь идетъ о первой подачѣ жалобы ковалевцевъ гетману на Кицеша.

меня: «Ты—слуга вѣрній у Государя, а Государь де—далеко, а свѣтлѣйшій князь поѣхавъ, и свѣтлѣйшій князь до насъ никакова дѣла неимѣть.—Ви бъ все з москалями заодно, а не съ нами, и отъ москалей де намъ и такъ есть великое утѣснене, и не надлежало-де тебѣ за то и сотникомъ быть, также и хлѣбъ ѣсть напрасно, когда-де з нами обще не служишь»... «И то», прибавляетъ Кицешъ, «онъ, Чарнишъ, бунтуетъ». И господинъ гетманъ къ нему, Чарнишу, посилалъ многожди слугу своего Івана Волошенина, чтобъ онъ, судя, за пожитковъ моихъ утрату и за бой той и за увѣча заплатилъ,—и онъ, Чарнишъ, посланному отъ него, господина гетмана, сказалъ: «Не надлежитъ-де ему пожитки отдать: надлежитъ де ево повѣсить!» При этомъ Кицешъ, разумѣется, не забылъ упомянуть и объ отношеніяхъ генеральнаго судьи къ своей женѣ, а его невѣсткѣ, выставляя лишь это обстоятельство причиной гнѣва Чарныша: «И то онъ, Чарнышъ, все учинилъ, злясь на меня за бывшую мою жену, с которою онъ прижилъ блудно ребенка, о чемъ я доносилъ свѣтлѣйшему князю Александрѣ Даниловичу прежъ сего». Въ заключеніе своей челобитной, Кицешъ проситъ «отъ великаго ево (Чарниша) на него гоненія уволнить», заставить генеральнаго судью возвратить пограбленное имъ имущество и, наконецъ, опредѣлить его самого въ Ковалевку сотникомъ «по прежнему», гдѣ онъ и «построился».

Чарнышъ добылъ и просьбу ковалевскихъ обывателей, просившихъ гетмана не назначать къ нимъ сотникомъ Кицеша. Въ этой просьбѣ ковалевцы писали такъ: «А теперъ, чуючи повѣсть единъ отъ другого, же онъ, Афанасъ, прилѣжно желаетъ на врадъ сотництва Ковалювского,—завчасу стаются тривожливими и небезпечне зостаютъ на кгрунтахъ своихъ отчизнихъ, боячися тиранского отъ Афанаса Волошина побою смертелнаго, и воспять в полкъ иншій умишляютъ уходити». Принятыя Чарнышемъ въ Глуховѣ мѣры, а также послѣдняя просьба ковалевцевъ повліяли на гетмана, и тотъ оставилъ челобитную Кицеша безъ отвѣта. Потерявъ надежду и на этотъ разъ получить удовлетвореніе отъ гетмана, Кицешъ въ третій разъ поѣхалъ въ Москву, и тамъ въ

октябрѣ-ноябрѣ 1720 года подалъ въ Коллегію Иностранныхъ Дѣлъ, одну за другой, три челобитныхъ, при чемъ приложилъ и громадный «реестръ» пограбленнаго у него Чарнышемъ имущества.

Разсказывая уже извѣстныя намъ событія, Кицешъ рисуетъ печальную картину своего существованія въ такихъ выраженіяхъ: «И того всего лишився (т. е. сотничества и имѣнія), понынѣ нуждаюся и скитаюся между дворъ, но и дневніе пищи себѣ не получаю. Да онъ же, Чарнишъ, похваляется меня, заковавъ въ кайдани, уморить безвременной смертю, не велитъ мнѣ въ томъ Гадяцкомъ полку и в дому моемъ жить и виживаетъ безъ твоего, великаго государя, указу изъ Украини вонъ самоволно; а мнѣ, нижей мянованному, кромѣ заслужоного сего мѣста (т. е. сотничества), которое заслужилъ я у вашего царского величества (другого нѣтъ, понеже мнѣ?) въ прежнемъ моемъ дому, въ Волоской землѣ, одъ турокъ жить невозможно». Въ заключеніе своихъ челобитныхъ, Кицешъ проситъ о ковалевскомъ сотничествѣ, ходатайствуетъ объ указѣ, которымъ бы повелѣвалось Чарныша во всемъ допросить и отдать все заграбленное,—«дабы (прибавляетъ Кицешъ), ему, Чарнышу, такъ нагло нападать и безъ твоего, великаго государя, указа впредь нашу братю з Украини вибивать и разорять было неповадно».

Въ приложенномъ при одномъ изъ челобитныхъ «Реестрѣ, что у меня, ниже іменованного пограбылъ енералній судя Іванъ Чарнишъ и что къ себѣ в домъ свой побралъ, такожде приказомъ ево другіе люди побрали жъ», Кицешъ подробно перечисляетъ всѣ понесенные имъ убытки отъ Чарныша, доводя ихъ до солидной суммы въ 1230 рублей 27 алтынъ [1])... Изъ этого по-

---

[1]) Приводимъ этотъ «реестръ». «Побралъ онъ, Чарнишъ, къ себѣ в домъ свой лошадей воинскихъ: лошадь вороную, цена 55 руб.; лошадь сивую, цена 25 р.; лошадь гнедую з седломъ и з уборомъ, цена 26 р.; кобылу гнедую болшую жеребную, цена 13 р.; кобылу гнедую жеребную жъ, цена 14 р.; свиней старихъ болшихъ 16, ценою по 40 алт. свиня, и того 17 р. 20 алт.; овецъ старихъ 50, козъ 10, ценою

чтенныхъ размѣровъ «реестра», мы видимъ, что Кицешъ былъ лишенъ всего рѣшительно: все недвижимое его имѣніе и вся движимость, начиная отъ скота и кончая даже «шаблей» была отобрана Чарнышомъ частью на себя, частью на своихъ прислужниковъ, получившихъ за свою жалобу на Кицеша вознагражденіе изъ имѣній послѣдняго. Кицешъ остался послѣ суда надъ нимъ

за всякую овцу и козу по 8 алт. 2 деньги, итого 30 р.; пчелъ старихъ 14, отъ котораго ежегодъ имѣлъ я по трое молодихъ и по исчисленію въ 4 года будто за 14 старихъ по 1 р. за пчелъ, за молодихъ по 30 алт.,—итого з старими цена 158 р.; мехъ лисей горловой, в котором было 35 шлямъ лисихъ, цена 36 р.; тулупъ черныхъ барановъ, бухарскій, подбитъ зайцями бѣлими, цена 26 руб.; коверъ новой турецкой болшой, цена 10 р.; три ковра настолнихъ, ценою по 5 рублей коверъ, итого 15 р.; полотна швабского кусокъ, ц. 5 р. 10 алт..; три скатерти гданскихъ, самихъ добрихъ, по 6 р. цена, итого 18 р.; дюжину блюдъ болшихъ оловянихъ, тарелокъ дюжину, ложекъ 2 дюжини, цена 5 руб.; три чарки сребренихъ, за чарку по 40 алт., итого 3 р. 20 алт.—Итого оной Чарнишъ забралъ къ себѣ въ домъ свой пожитковъ моихъ ценою на 457 р. 10 алт. 4 деньги. Да онъ же Чарнишъ приказалъ присланному своему писару Остапу отдать другимъ разнихъ чиновъ людемъ, которихъ онъ научивъ на меня ложно бить челомъ, а именно, хто что взявъ: Дворъ мой ис хоромнимъ строеніемъ одписали на городъ Ковалевку, ценою 40 р.; такъ же на оной городъ взяли кухву вина простого, ценою 20 р.; Емелянъ Хоменко с товарищи—быка, ценою 4 р. 13 алт. 2 деньги. *(Далѣе слѣдуетъ длинный перечень лицъ и взятыхъ ими вещей, скота и т. п.).*

Да в тожъ число забрано у меня с хутора моего разнихъ пожитковъ, шесть телегъ и с колези прядиво, 147 курицъ, 60 утокъ, 20 гусей, также и что на ономъ моемъ хуторе было и на гумнѣ молоченого и немолоченого хлѣба—всего ценою на 40 р., а хто именни брали—я несвѣдомъ, понеже в то число былъ я въ Москвѣ.

И того оній Чарнишъ насилствомъ своимъ пограбылъ и взялъ к себѣ в дворъ свой и что другимъ людемъ по приказу своему оддалъ и что в небытности моей отобрано—на 630 р. 27 алт. Такъ же, что мнѣ, нижеименованному, окромѣ моихъ пограбленнихъ пожитковъ, харчей и убытковъ стало на 600 р. Всего, что оный Чарнишъ у меня пожитковъ моихъ пограбилъ и что убытковъ мнѣ в четире года од ево Чарнишева разоренія стало—на 1230 р. 27 алтынъ».

совершенно нищимъ и понятно поэтому, что онъ такъ настойчиво добивался суда надъ своимъ сильнымъ врагомъ. Правда, «реестръ» этотъ составленъ самимъ обиженнымъ и возможно, что Кицешъ кое-что и преувеличилъ, но въ общемъ, мы думаемъ, что представленная имъ картина своего разоренія, вѣрна.

Между тѣмъ, Чарнышъ, знавшій настойчивость Кицеша, вновь собиралъ противъ него обвиненія, рѣшивъ насколько возможно затягивать разрѣшеніе тяжбы. Вновь были посланы вопросы къ Корицкому и Штишевскому, свидѣтелямъ Кицешевыхъ «неслушнихъ» словъ, и опять были получены отъ нихъ «сказки». Кромѣ того, вѣрный прислужникъ Чарныша въ Ковалевкѣ—сотникъ Демьянъ, въ письмѣ своемъ къ нему отъ 21-го августа 1720 года увѣдомлялъ о томъ, что онъ съ атаманомъ Драбомъ «особливо до пана полковника миргородского писалисмо сторони Опанасовихъ Волошиновихъ поступковъ, якъ в Сорочинцяхъ жилъ послѣ уряду, и такъ без битности его панской нескоро завзяли списокъ з ратуша Сорочинского»... А списокъ былъ не что иное, какъ произведенный въ 1719 году розыскъ, изъ котораго мы узнаемъ, какимъ путемъ Кицешъ доставалъ средства къ жизни. Оказывается, что въ это время онъ жилъ въ Сорочинцахъ и черезъ посредство своего «молодика» укралъ у Михайла Шевца «девять паръ чоботъ червонихъ», при чемъ самъ въ этомъ и повинился на Сорочинской ратушѣ... За этотъ проступокъ Кицешъ, по постановленію уряда и съ согласія миргородскаго полковника Апостола, былъ выселенъ изъ Сорочинецъ, а молодикъ на розыскѣ признался еще и въ томъ, что онъ обокралъ церковь въ Лохвицѣ, а «червоній» отдалъ Кицешу... Этотъ документъ являлся въ рукахъ Чарныша важнымъ оружіемъ противъ Кицеша. Романъ Ананіевичъ, полтавскій житель, просилъ въ это время отобрать у Кицеша коня, котораго тотъ у него забралъ и безъ котораго онъ не могъ отправиться въ походъ... Вообще, Чарнышъ не былъ застигнутъ врасплохъ, когда посланная изъ Иностранной Коллегіи грамота отъ 15-го іюня 1721 года была получена въ Глуховѣ. Ею повелѣвалось дѣло Кицеша съ генеральнымъ судьей «безволокитно» разсмотрѣть «мимо ево, генералного судіи», столь-

нику Федору Протасьеву и глуховскому коменданту Богдану Скорнякову—Писареву «обще» съ кѣмъ-либо изъ генеральныхъ особъ. Несмотря, однако, на то, что грамотой повелѣвалось разсмотрѣть дѣло «безволокитно», оно тянулось еще цѣлыхъ два года, и Чарнышъ ему лишь извѣстными средствами затягивалъ его разсмотрѣніе. На этотъ разъ, обстоятельства были всецѣло на сторонѣ генеральнаго судьи. Извѣстно, что въ началѣ 1722 года гетманъ былъ въ Москвѣ, возвратившись откуда, въ іюлѣ того же года скончался, поручивъ управленіе дѣлъ черниговскому полковнику Павлу Полуботку и генеральной старшинѣ. Смерть Скоропадскаго явилась для русскаго правительства удобнымъ моментомъ для давно задуманнаго императоромъ учрежденія Малороссійской Коллегіи, долженствующей собой замѣнить гетманскую власть, и Коллегія тотчасъ же послѣ кончины гетмана была учреждена, при чемъ президентомъ ея былъ назначенъ бригадиръ Вельяминовъ. Между Коллегіей и Полуботкомъ, сразу же начались, какъ извѣстно, непріязненныя отношенія и недоразумѣнія сперва изъ-за неточнаго разграниченія сферы вѣдѣнія Коллегіи, а потомъ изъ-за другихъ вопросовъ, совершенно заслонявшихъ собой незначительное по существу и не задѣвавшее никакихъ принципіальныхъ вопросовъ дѣло Чарныша съ Кицешемъ. Однако, Полуботокъ, желавшій сколько возможно избавиться отъ нареканій на безмѣрную волокиту въ генеральномъ судѣ, былъ озабоченъ скорѣйшимъ окончаніемъ дѣла генеральнаго судьи съ Кицешемъ, которое такъ ярко характеризовало собой положеніе суда. Въ августѣ 1722 года Полуботокъ съ генеральной старшиной писали Чарнышу, требуя отъ него отвѣта на присланную еще въ 1721 году грамоту по дѣлу его съ Кицешемъ, но генеральный судья вскорѣ отвѣтилъ Полуботку, что въ челобитной Кицеша «ни единого нѣтъ правдивого слова, одно тилько вимислное притворное его плутовство; любо можно и теперь з уликою его неправди существенній учинити отвѣтъ, однакъ» Чарнышъ воздерживается отъ этого, желая затянуть дѣло, и проситъ обратить лишь вниманіе на декретъ генеральнаго суда 1717 года и на «свидѣтелства» о «продерзливихъ» словахъ Кицеша. Указывая далѣе на свидѣтелей

его правоты, Чарнышъ въ заключеніе пишетъ: «А за прибыттемъ всѣхъ вишеписаннихъ вѣри годнихъ людей, получить всенароднiй клеветникъ и *коего инних*ъ напраснiй тяжкiй обноситель iстинний по Бозѣ себѣ отвѣтъ».

Но надежда на то, что Коллегія не будетъ столь же подкупна, какъ генеральный судъ, придала всѣмъ обиженнымъ этимъ судомъ и вообще старшиной смѣлости. Такъ, явился въ это время новый жалобщикъ на Чарныша,—Ѳедоръ Шилченко, житель подставскій (гадяцкаго полка), который въ своей челобитной, поданной въ Генеральную Канцелярію въ октябрѣ 1722 года, излагаетъ нѣсколько любопытныхъ данныхъ для характеристики Чарныша, какъ полковника. Дѣло было еще въ 1715 году. Къ Чарнышу пришли два брата Шилченки съ просьбой разобрать ихъ «заводъ» изъ-за подѣла; дѣло это было Чарнышемъ разсмотрѣно, и онъ наложилъ «вины панской» на брата челобитчика 100 золотыхъ; но на бѣду у того «грошей» не оказалось, и тогда Чарнышъ рѣшилъ воспользоваться этимъ случаемъ, чтобы пріобрѣсти отцовскій лугъ Шилченковъ, цѣною въ 600 золотыхъ. Но, разумѣется, Чарнышъ не хотѣлъ дать за него настоящую цѣну, а предложилъ челобитчику 10 талярей, а брату его—8 копъ. Братъ Шилченка, «не противячися ему (Чарнышу), что онъ в насъ властитель будучи», деньги принялъ, но когда челобитчикъ заявилъ, что продавать луга по такой цѣнѣ не хочетъ, то первый бросилъ ему деньги и «лаючи матерно» говорилъ: «Якъ ти не возмешъ тихъ грошей—тебѣ велитъ панъ дати кіевъ сто!» Это предостереженіе подѣйствовало на челобитчика, и тотъ согласился. Торгъ, такимъ образомъ, былъ совершенъ, и полковникъ, довольный выгодною покупкою, выдалъ, кромѣ того, братьямъ «оборонный» универсалъ, въ которомъ «поступовалъ намъ обоимъ (пишетъ Шилченко) из братомъ волности, жеби намъ волно было любъ то хоть горѣлкою шинковати, албо медомъ» и освобождалъ отъ всякихъ «долегливостей, абы предто сотникъ без волѣ его насъ нѣ на що не займалъ, нѣ тежъ атаманъ тамошній подставскій».—«Хоть и до смерти твоей—то мушу уволнити тебе», говорилъ не скупившійся на обѣщанія Чарнышъ Шилченку. Однако, не прошло и года,

какъ послѣ этого случая пріѣхалъ въ Гадячъ новый полковникъ Милорадовичъ, пославшій отъ себя къ Шилченку Волошина, который взялъ съ него «девять копъ кругового» и выгналъ «до вуйска» въ Переволочную. «И онъ» (Чарнышъ),—пишетъ далѣе Шилченко,—«не уволнивъ мене ни в чомъ, грунтомъ моимъ владѣетъ до сихъ часовъ; тилко жъ было мнѣ волности дванадцять недѣль—и за тое далъ девять копъ!» Оказывается далѣе, что Чарнышъ, еще прежде покупки этого грунта, имъ уже пользовался, вырубивъ въ немъ себѣ «на будинокъ кроквинъ и латвинъ» четыре тысячи («кроквина по алтыну, а латвина по шагу»), а когда заявленъ былъ по этому поводу протестъ со стороны Шилченка, то полковникъ далъ ему десять талярей («что зрубалъ много пущи, чили за лугъ мой—того не знаю»), но при этомъ взялъ у него же «сѣна шестьдесятъ возовъ, луку подъ себе подвернулъ и ниву изъ житомъ засѣянную, по половинѣ переоравъ», забралъ ее съ житомъ. На эту жалобу Чарнышу, видимо, было настолько легко оправдаться, что на ней имѣется лишь помѣта канцеляриста: «его милости пану судіи явити», а отвѣта самого судіи (какъ это мы видимъ, напримѣръ, на жалобахъ, собранныхъ Милорадовичемъ) нѣтъ.

В. Модзалевскій.

(Окончаніе слѣдуетъ).

Степная Лубенщина[1]).

Глава III-я.

Юго-западная и западная степь. Денисовская и Яблоновская волости.

Селенія къ востоку отъ Золотоношской дороги по лѣвому и правому берегамъ Большой Оржицы и по Чевельчѣ. Селенія къ западу отъ Золотоношской дороги: по Чумгаку, по Сухой и Гнилой Оржицѣ.

По Золотоношской дорогѣ у широкой торфяной долины, образованной сліяніемъ трехъ рѣчекъ: Чумгака, Сырой и Гнилой Оржицы, идущихъ далѣе къ Золотухамъ и Денисовкѣ подъ именемъ Большой Оржицы,[2]) расположилось въ плодородной степи[3]) продолговатое село Савинцы. О началѣ села ничего неизвѣстно. «Бувъ якыйсь Савка, козакъ»—и только. Онъ жилъ на древнѣйшемъ кутѣ вблизи старой церкви св. Дмитрія, сгорѣвшей въ 1783 году. Въ слѣдующемъ году выстроена вторая по времени церковь въ честь св. архистратига Михаила[4]). Въ настоящей церкви сохранилось нѣсколько остатковъ старины, между прочимъ двѣ намѣстныя иконы въ $1/2$ аршина ширины и 1 аршинъ

---

[1]) См. Кіевск. Стар. 1904 г., № 3-й.

[2]) Гуровъ. Геолог. опис. Полт. губ. 327. Ляскоронскій. Истор. Переясл. земли. 45.

[3]) Въ почвѣ 4,94% гумуса. Матер. къ оц. зем. полт. губ. II, Луб. у. 44.

[4]) А. Грановскій. Полт. епарх. 417. Савинцы относились въ перой половинѣ XVII в. къ Переяславскому староству.

съ четвертью длины, изъ древняго иконостаса съ изображеніями Спасителя и Богоматери, покрытыми только выпуклыми шатами, но съ темнымъ, некрытымъ серебромъ фономъ, отчего самыя изображенія производятъ впечатлѣніе статуй, выступающихъ изъ узкихъ нишъ. Есть и храмовая икона св. Дмитрія, и огромная икона, изображающая іерарха, будто бы св. Аоанасія, константинопольскаго патріарха, съ небольшой черной фигуркой, прикованной внизу, значеніе которой неясно. Изъ обрядовыхъ предметовъ примѣчательна дарохранительница 1798 г., пожертвованная козакомъ Павломъ Бабакомъ, а изъ книгъ—евангеліе Львовской печати, пожертвованное Роменскимъ. Самое село раздѣляется на слѣдующіе куты: Юрченкивъ, со стороны Золотухъ и Денисовки, на которомъ живутъ козаки того же имени, Горянивщына, прежде Монастырка, жилье Халявъ, Грабивщына—Грабивъ и Саблей, Корніивщына,—«кущыкъ хатъ, обиходчыстый куточокъ», Подилъ—«нызьке мисто, роздолъ и выгонець, а кругомъ хаты»; а за нимъ еще три кута: Балаклицивщына, гдѣ живутъ Балаклицы, рядомъ Бабакивщына, жилье Бабакивъ, «тикавшихъ зъ Калайденскихъ лисивъ въ степы» [1]), и Польща, на которой живутъ Поляшки. Всѣ куты одинаково лишены садовъ и всякой другой растительности. Число жителей, достигшее въ концѣ XVIII вѣка (въ 1794 г.) 1000 душъ, теперь удвоилось (2176). Населеніе большею частью козацкое, средняго роста, темнорусое, сухощавое. Есть богатыри, имѣющіе по 50—70 десятинъ и даже 200, но большинство обладаетъ лишь 2—10 десятинами и есть много беззе-

---

1) См. «Лѣсн. Лубенщ.» 56, 60.—Хутора Савинской дачи называются: Грабовъ, основанъ Грабами и Минками, Савинскій, принадлежавшій Богаевскимъ, изъ которыхъ Левъ Васильевичъ въ концѣ XVII в. занималъ сотницкій урядъ, населенный крестьянами: Горбатенками, Грозами, Кирносами, Пастрямами, Тимками и Штокаленками, и Асауленка, жилье Пампуръ и Пидгорныхъ; а мѣстныя могилы носятъ названіе: Батейкова, Блызныци, Черноморка («у ій похованъ переселенець»). О нихъ разсказываютъ: «Якись шведы насыпалы соби могылы, воны не давалы пахать нашымъ предкамъ. Нашы булы въ Яблонови».

мельныхъ. Хозяйство въ старину было мелкое, за деньги земля шла по 75 коп.—1 р. за десятину, зажинали за 3-й снопъ на хозяйскомъ продовольствіи, сѣнокосы снимались съ половины урожая, а болота и совсѣмъ не косились. Теперь, конечно, все измѣнилось. Наемъ земли дошелъ до 15 руб. за десятину, зажопъ до 6—7 снопа съ отработкомъ 2 дней съ десятины; степное сѣно убирается за 8 копицу, и болота пошли въ ходъ, по 7—13 руб. за десятину.

Къ юго-востоку отъ Савинецъ расположилось па пезначительныхъ возвышеніяхъ лѣваго берега Большой Оржицы круглой формы село Золотухи, съ трехъ сторонъ охваченное болотомъ. Сельскія постройки не стѣснены, но садовъ возлѣ нихъ или рощъ нѣтъ, почему село кажется голымъ и некрасивымъ. О названіи и о происхожденіи села, существовавшаго уже въ первой половинѣ XVII в. и принадлежавшаго къ Переяславскому старосту [1]), сохранилось только такое преданіе. «Золотухы давни, тильки мало села було. Началось до рички, зъ урочыща Гаивъ. Кажуть, изъ начала жывъ якыйсь Золотарь. Чы винъ Золотарь и йесть, чы така фамилія—незвисно». Передъ селомъ виднѣется выгонъ и широкая улица, также похожая па выгонъ. Послѣдняя по преданію принадлежала прежде отдѣльному владѣльцу Тарасенку, потомъ обращена въ общее пользованіе. Отъ дороги влѣво расположенъ кутъ Зацаринный, жилье древняго, быть можетъ древнѣйшаго, мѣстнаго рода козаковъ Семенковъ и Бурыхъ, также древнихъ. Въ избраніи Самойловича участвовалъ Лубенскій эсаулъ Никита Бурый [2]). Слѣдующій кутокъ Петрикивщына, жилье Петриковъ. Къ рѣчкѣ прилегаетъ Солонецъ, на которомъ живутъ Рудники и Самойленки. Рядомъ съ Солонцами на Кривохиживщинѣ, жительствѣ Кривохижъ, показываютъ мѣсто старой церкви, построенной въ 1784 г. сотеннымъ асауломъ Василіемъ Яблоновскимъ [3]). Возлѣ дверей найдена и надпись объ этой постройкѣ. Вблизи стоитъ и

---

[1]) Грановскій. Полт. епарх. 405.

[2]) Лѣтоп. Вел., II, 317.

[3]) А. Грановскій. Полт. епар. 405.

новая Михайловская церковь, выстроенная въ 1875 году [1]), окруженная молоденькими деревцами. Въ срединѣ села по обѣимъ сторонамъ дороги расположенъ кутъ Казенщина, населенный выморочными крестьянами Туманскаго [2]), Боженками, Литвиненками, Патаками и Яременками. «Ти люде продалы казенну землю козакамъ, не хотилы одбуткивъ одбувать, ихъ измырылы и Сучыча назначылы старшыною, а ту землю одъ козакивъ одибралы». Справа отъ дороги расположены куты: Реутивщына, жилье Реутивъ, и хуторокъ Зайци—Зайцивъ и Пашкивъ [3]).

Всего жителей въ селѣ съ окрестными хуторами 1668 душъ. Золотухи богатѣйшее село въ уѣздѣ землею. Лучшіе хозяева обрабатывали въ старину землю самостоятельно четырехпарными плугами, а болѣе мелкіе спрягались вчетыремъ по парѣ. Хлѣбопашество было такое же незначительное, какъ и вездѣ. «Лёнивъ не було понятія, тильки для прядыва». Теперь, взамѣнъ традиціоннаго 3-го снопа, хлѣбъ снимается съ 4-го съ большими отработками и съ 5—6 безъ отработка. Прежде хозяинъ получалъ треть сѣна, теперь три четверти и четыре пятыхъ; болото скашивается съ половины, которую половинщикъ обязанъ доставить хозяину. Козаки имѣли прежде по 3—5 коровъ, 5—10лошадей, по десятку свиней и по 10—100 овецъ. Мѣстные жители помнятъ еще о древнѣйшемъ способѣ пастьбы общаго стада каждымъ хозяиномъ поочередно [4]); потомъ нанимались по 2 пастуха для чередъ и по 1-му для черидокъ, съ уплатой «шестынной» коробки [5]) отъ головы—первымъ и по гарнцу—послѣднему. Теперь пастуху платится по 1 п. отъ рогатой скотины и лошади.

---

[1]) и [2]) Ib.

[3]) Вокругъ села разбросаны хутора: Тарасенковъ, 8 хатъ, населенныхъ Тарасенками, Норки—Петриками и Норками, и могилы: Гусятына, Лубенська, Мійська и Хмелева; о послѣдней говорятъ: «у ій два лёха, по сей бикъ одынъ, а по тій бикъ—другый. Хлопець у баштани сыдивъ и чувъ якъ щось тамъ загуло».

[4]) Откуда и названіе череда—очередь. П. Ефименко. Догов. о наймѣ пастух. 1878 г., 62.

[5]) Шестую часть четверти.

Противъ Золотухъ за плоской, аллювіальной [1]) долиной Большой Оржицы, по уборкѣ сѣна полной стогами, такими же частыми, какъ и въ м. Оржицѣ, скучены козачьи постройки села Денисовки на усадьбахъ, почти лишенныхъ садовъ, у просторнаго выгона. Мѣстный помѣщикъ, извѣстный ученый и писатель В. В. Лесевичъ такими чертами набрасываетъ положеніе села. «Денисовка удалена отъ городовъ, желѣзныхъ дорогъ, судоходныхъ рѣкъ, почтовыхъ путей и даже какъ бы спряталась и отъ сѣти проселочныхъ сообщеній, пріютившись на излучинѣ маленькой рѣчки, оставляющей подходъ къ селу только съ одной стороны [2]). О началѣ села жители передаютъ: «Якыйсь то тутъ бувъ чоловикъ Денысъ; до ёго сталы пидходыть други». Первый кутокъ отъ царины, со стороны Савинецъ, называется Лопатинъ,--«тамъ засивъ Лопатынъ»; далѣе Бойкивъ,—заселенъ Бойками и Слиньками (Кожушными), Морозивській, жилье Морозовъ, пришедшихъ изъ Лубенскихъ окрестностей изъ Высшого Булатца, также Сергіенковъ. За ними расположены куты: Чепивській, жилье Чепъ, Губаривській—Дмитренковъ и Забридный или Бридокъ--незначительное возвышеніе, поросшее вербами и кустами, на которомъ по преданію жилъ самъ осадчій. «Йе вербы и высока мистына, кружанына, а потимъ ричечка и черезъ ричечку Денысъ йиздывъ воламы, вона милка, а се лито [3]) унычтожылась. Була слобода ныжче по-надъ ричкою за Бридкомъ и царына була по сей бикъ теперешнёи царыны, а тутъ слободы не було, се було кладовыще; и яки то булы непріятели; на круглій могыли виха стоить, и якъ вона хылытся, такъ люде втикаютъ сюды, потимъ виха одійшла и люде роботаютъ». Вблизи видна усадьба В. В.

---

[1]) Гуровъ. Геолог. опис. полт. губ. 326.

[2]) «Денисовскій козакъ Р. Ѳ. Чмыхало, его сказки и приказки», очеркъ изъ «Міра Божія», читанный авторомъ въ Засѣданіи Отдѣленія Этнографіи Импер. Геогр. Общ. 23 дек. 1894 г., и заключающій въ себѣ очеркъ личности деревенск. интеллигента Чмыхала и пересказъ сказки и двухъ приказокъ.

[3]) 1903 года.

Лесевича, потомка старинной малорусской фамиліи. Уже во времена Богдана Хмельницкаго дворянинъ Лесевичъ командовалъ отрядомъ на Волыни [1]). Затѣмъ, по фамильнымъ воспоминаніямъ, Костантинъ Лесевичъ переселился изъ села Лисовичей, возлѣ Таращи, кіевской губерніи, на лѣвый берегъ Днѣпра въ зиньковскій уѣздъ. Сынъ его Даніилъ былъ Гадячскимъ полковымъ судьей, а внукъ Владиміръ женился на Лукашевичевой, за которой получилъ въ 1748 г. Денисовское имѣніе въ приданое, и сынъ его коллежскій ассесоръ Викторъ Владиміровичъ, кончившій курсъ въ Харьковскомъ университетѣ, жилъ и хозяйничалъ въ Денисовкѣ. Обширный, запущенный паркъ усадьбы и плодовой садъ, полный грушъ, яблонь, абрикосовъ и волошскихъ орѣховъ, спускается въ долину Оржицы. Въ саду поставлены рядомъ три розовыхъ кристалическихъ валуна [2]). Домъ старый, съ крутой соломенной крышей, состоитъ изъ перепутанныхъ комнатъ, пристроенныхъ большею частью впослѣдствіи, первоначальная же часть постройки, какъ видно еще и теперь, заключалась въ сѣняхъ, хатѣ и свѣтлицѣ или комнатѣ, помѣщавшихся въ ряду сосѣднихъ крестьянскихъ хатъ на выгонѣ. На дворѣ устроенъ артезіанскій колодезь. Къ усадьбѣ прилегаетъ «Чмыхаливській кутокъ», на которомъ, кромѣ Чмыхалъ, живетъ и часть бывшихъ крестьянъ Лесевича. Далѣе прорѣзываетъ село «Бублыкивській кутокъ», жилье Шабливъ и Бублыкивъ. «Бублыкивъ кутокъ середыною начався, середыною и кончается» [3]). Въ самой срединѣ, между стѣснившимися постройками стоитъ церковь св. Іоанна Богослова съ несоразмѣрно высокой колокольней. До 1778 г. Денисовка числилась хуторомъ

---

1) Владимірскій-Будановъ. «Передвиж. населен.» въ Кіев. Стар. 1888 г., VI, 95.

2) Въ восьмидесятыхъ годахъ было только два валуна, о которыхъ упоминаетъ профессоръ Гуровъ (Геолог. опис. 327).

3) Части болотъ возлѣ Денисовки называются: Липки, Островъ, Половецьке («въ древности тамъ половци жылы»), поля: до Переясловськои, Фесенковои и Оржицькои могылъ, и выселки: Гапонивъ, Вильховый, Оверкивъ и др.

сотника 2-й Лубенской сотни Ограновича, и съ этого года основана церковь, перестроенная въ 1854 году, а колокольня—въ 1882 г. [1]). Всего населенія въ приходѣ 2250 душъ. Денисовка—не бѣдное село. Среди козаковъ славился прежде богатствомъ Бубликъ. «У Кузьмы Бублыка було 100 десятынъ, 5 грунтивъ пидсусидкивъ, тры млына, шынокъ, 1—2 плугы. И зачавъ винъ хурсовать, прасолувать [2]), та не прыйде на праздныкы до-дому и мотався и кравъ коней и воливъ, вымотувавсь, и все спустывъ, оставсь голый, попавъ въ острогъ и тамъ у острози умеръ». Большинство козаковъ имѣло по 1 плугу. Козаки разводили пчелъ по 50—100 пней. О старомъ панскомъ хозяйствѣ Виктора Владиміровича Лесевича почти ничего неизвѣстно, такъ какъ онъ давно скончался, но и въ дѣтствѣ его сына, Владиміра Викторовича, когда имѣніемъ управляли: опекунъ Горбаневскій, родной братъ матери малолѣтняго владѣльца, и приказчикъ Яковъ Степура, хозяйство оставалось все еще значительнымъ. Оно заключалось въ 1200 десят. земли, земляной мельницѣ (топчакъ), винокурнѣ, завѣдываемой крестьяниномъ Марченкомъ, дѣти котораго и теперь называются винниками, 25—30 коровахъ съ 2 быками, табунѣ гнѣдыхъ кобылъ съ гнѣдымъ жеребцомъ, и 1000 головъ мериносовъ. Несмотря на такое развитіе хозяйства, крѣпостнымъ жилось въ Денисовкѣ лучше, чѣмъ въ другихъ селахъ: «непринуджени булы люде, паны не стисняли». Тяглые, въ числѣ 50 хозяевъ, получали по 7 десятинъ на семью, владѣніе плугомъ—сверхъ того еще десятину на плугъ, а пѣшіе получали по $3^1/_2$ десятины на семью. Выбрасывался третій снопъ и наблюдалась тридневка. Еще съ большей гуманностью отнесся къ крестьянамъ Владиміръ Викторовичъ Лесевичъ, вступивъ во владѣніе имѣніемъ. Онъ подарилъ освобождаемымъ крестьянамъ усадьбы, выгоны и пятую часть выкупной ссуды, остальныя четыре пятыхъ, 6500 руб. отдалъ крестьянамъ

---

[1]) А. Грановскій. Полт. епарх. 410.

[2]) Прасольство—скупъ сборныхъ предметовъ: скота, сала, кожъ, щетины и т. п. (И. С. Аксаковъ. Изслѣд. о торг. на украин. ярм. С.-Пет. 1858 г., 33).

же на устройство школы и ссудной кассы; затѣмъ онъ не оставилъ и освобожденныхъ крестьянъ безъ помощи, арендовавъ имъ около 400 дес. земли въ началѣ по 2 р. 25 к. десятину и «съ большою предусмотрительностью поставивъ условіемъ, чтобы арендный договоръ возобновлялся ежегодно, причемъ прежніе арендаторы должны принимать къ себѣ въ товарищество на равныхъ правахъ всѣхъ, кто пожелаетъ изъ ихъ общества. Аренда и послужила источникомъ сравнительнаго благосостоянія крестьянъ, чему не мало способствовала, кромѣ вышеупомянутаго условія, необычайно низкая арендная плата. Благодаря арендѣ, крестьяне не знаютъ ни отработковъ за землю, ни погони за клочками земли, ни отдачи скота на выпасъ» [1]). Положеніе другихъ Денисовцевъ, не участвующихъ въ этой арендѣ, представляется слѣдующимъ: земли нанимаются по 14 руб. за десятину, зажинаютъ за 5-й снопъ съ отработкомъ по востребованію и за 6-й съ отработкомъ двухъ дней съ десятины. Степной сѣнокосъ нанимаютъ по 9—10 руб., лучной по 5—6 р. за десятину; изъ послѣдняго получаютъ 3 стога или 20 копенъ сѣна на десятину. Есть и общественный сѣнокосъ, который скашиваютъ всѣ въ одинъ день и получаютъ столько сѣна, сколько каждый успѣлъ накосить для себя [2]). Сохранились и общественныя стада съ платежемъ полъ копы ржи за пару воловъ, 50 коп. отъ коровы, по 1 р. отъ лошади и по 12 к. отъ овцы.

Къ югу отъ села глухая, хмурая степь Денисовской волости начинаетъ нѣсколько оживать, даже улыбаться, какъ у Зарога. Съ одной стороны дороги мелькаютъ козачьи хуторки Рожковъ съ хорошими усадьбами, рощами, садами, степными колодезями, съ другой стороны раскинулись по взгорью большіе хутора Климен-

---

1) Сбор. хозяйств. стат. полт. губ. VI, Лубенск. у., 103. Слѣдуетъ добавить, что составитель сборника соединилъ въ одну группу какъ бывшихъ крестьянъ В. В. Лесевича, такъ и Ломиковской, освобожденныхъ на менѣе выгодныхъ условіяхъ, почему благосостояніе первыхъ показано ниже дѣйствительнаго.

2) Ibid. 235.

ковъ и Лесевичевъ, почти сливающіеся, населенные Дмитренками, Лавриненками, Марченками, Прудкими, Сокирками, Шереметами и др. Но отрадное впечатлѣніе исчезаетъ со въѣздомъ въ Чевельчу. Пограничная съ золотоношскимъ уѣздомъ Чевельча расположена на лѣвой сторонѣ ручья того же имени и состоитъ изъ однообразнаго ряда избъ съ промежутками межъ ними, иногда въ сажень и того меньше, часто даже не огражденными плетнями, почти безъ зелени. Чевельча основана въ началѣ XVIII в. Кулябками; по имени одного изъ нихъ, земскаго коммиссара Лубенскаго повѣта Николая [1]), село называется еще и теперь Николаевкой. Кромѣ Кулябокъ, здѣсь были также владѣнія Значка Яворскаго и Закревскаго. Сообразно этимъ владѣніямъ, и самое село дѣлится на три части: Значкивку или Яворивщыну, расположенную на холмѣ за рѣкой, населенную крестьянами: Божками, Бондаренками, Бибиками, Бутенками, Кочергами, Ладыками, Регушами, Рябухами, Рыбчиками или Рыбченками; Кулябкивку или Максимовку,—среди села, жилье: Балацырей, Бурлакъ, Голосенкивъ, Зинькивъ, Косенкивъ, Коломійцевъ, Сербиновъ и Сукноваловъ. На третьемъ кутѣ, Закревщинѣ или Стороживкѣ, находящемся съ Оржицкой стороны, живутъ: Бондаренки, Дренгали, Овчаренки, Повстины и Царинные.

Эти крестьяне приведены панами въ Чевельчу изъ разныхъ мѣстъ черниговской губерніи, и прилукскаго, пирятинскаго и константиноградскаго уѣздовъ—полтавской.

Посреди села рѣчка разливается, образуя длинный, тинистый, покрытый ряской и частью заросшій камышемъ, прудъ. Вдоль пруда и на взгорьи разбросаны, среди густо разросшагося орѣшника, вѣковые бересты, осокори, покрытые мхомъ, и итальянскіе тополи (яворы). Этотъ спящій прудъ съ отраженными въ водѣ вѣковыми деревьями полонъ задумчивой поэзіи. За нимъ на холмѣ виденъ запущенный паркъ и садъ, приводящіе къ длинному, каменному, одноэтажному дому съ 38-ю комнатами

[1]) См. «Средн. Лубенщ.» въ Кіев. Стар. 1903 г., IX, 281.

и куполообразнымъ мезониномъ, построеннымъ сенаторомъ А. Я. Стороженкомъ, скупившимъ разновременно всю Чевельчу. Противъ дома, на площади, короткая липовая аллея ведетъ къ церковному погосту, обсаженному желтой и бѣлой акаціями, берестами и тополями. Здѣсь подъ мраморнымъ памятникомъ погребенъ сенаторъ, умершій въ 1858 году семидесяти лѣтъ. Церковь основана въ 1780 году прапорщикомъ Яковомъ Кулябкой въ виду крайней необходимости, такъ какъ весенній разливъ, затопивъ село, прекращалъ сообщеніе съ сосѣдней Скаржиновкой, [1]) и мѣшалъ людямъ говѣть. Эта церковь строилась съ потолкомъ, какъ домъ, съ камышевой, потомъ тесовой кровлей; послѣ поправки 1814 года, она держалась до 1881 года, когда перестроена заново [2]). Внутри церкви нѣтъ ничего особенно интереснаго. Небольшая иконка патрона Стороженка, св. Андрія Критскаго, въ роскошной ризѣ, двѣ большія картины масляными красками, изображающія пророка Іону и Іосифа съ ангеломъ предъ побѣгомъ въ Египетъ, да люстра, взятая изъ дома Стороженка. Въ этомъ домѣ хранились прежде: большая библіотека и картинная галлерея, оцѣненная въ 100 т. рубл.; на псарнѣ содержалось 30 охотничьихъ собакъ, на конюшнѣ—бѣлыя выѣздныя лошади. Жизнь текла шумно и весело; особенно веселились на именинахъ хозяина, 4-го іюля, когда къ нему съѣзжались гости изъ нѣсколькихъ уѣздовъ. Такая жизнь поддерживалась обширнымъ хозяйствомъ, развивавшимся на пространствѣ 3 т. десятинъ. Запашка производилась 18—20 плугами въ большомъ размѣрѣ: ржи для винокурни, ячменя для пивоварни. Одного льна засѣвалось 50 десятинъ. Лёнъ и пшено отвозились въ Крымъ на 9 парахъ, а оттуда привозилась соль. И скотоводство было значительное: до ста рабочихъ лошадей, 40 породистыхъ рябыхъ и красныхъ ко-

---

[1]) и [2]) А. Грановскій. Полт. епарх. 411 и 417. Въ этомъ сочиненіи Скаржиновка или Созоновка причислена къ лубенскому у., тогда какъ въ дѣйствительности вся она съ церковью находится за административной чертой въ золотоношскомъ у., почему и не описана здѣсь.

ровъ съ 2—3 быками и 6000 мериносовъ съ баранами изъ екатеринославской губерніи. Двадцать семей тяглыхъ крестьянъ получали по 9 десятинъ на семью, пѣшіе по 3 десятины. И тѣ и другіе работали по 3 дня въ недѣлю, а въ страду до полнаго окончанія косовицы и жатвы. При освобожденіи отъ крѣпостной зависимости, крестьяне взяли лишь 500 десят. надѣла, а размножившееся населеніе дошло до 2000 душъ, мѣстныя же цѣны найма — 15—20 руб. за десятину.

Послѣднее село Денисовской волости Круподеринцы расположено подковообразно съ отверстіемъ, обращеннымъ къ рѣчкѣ Чумгаку. Названіе села объясняютъ такъ: «Кажуть бувъ якыйсь Круподеря, панъ на Подоли пры води». Такимъ образомъ древнѣйшимъ кутомъ признается Подолъ, прилегающій къ Чумгаку и составляющій сѣверный край подковы. «Тутъ була стара церква на огороди Яненкивъ, очеретомъ крыта и цегла йе». На самомъ Подолѣ живутъ козаки Яненки, изъ которыхъ Данило былъ нѣкогда денисовскимъ головой; затѣмъ часть Подола—Рудикивщына занята козачьимъ родомъ Рудныкивъ, а другая, лежащая ниже «у шпыль» Гамаліивщына, населена козаками: Гамаліями, Наліями и Маличенками (Йиськамы). На Подолѣ живутъ и крестьяне собственники, бывшіе во владѣніи Полторацкаго, потомъ Забѣллы. За Подоломъ помѣщается Тарапивка, на которой жилъ прежде Додатко, «ходывъ винъ по селу, умомъ тропувсь и ёго боялысь». На ней живутъ Тараны и Зинченки (Лысенки). Еще далѣе въ степь лежитъ Ковтунивка, жительство Ковтунивъ. «Воны захожи зъ-пидъ Лубень, багатенькый народъ: и мельныця, и загоны, и пасишныкы добри,—понавозылы спидъ Лубень 500 пнивъ». Къ одной изъ Ковтунивенъ присталъ Ведмедь изъ Бѣлоусовки. На Ковтуновкѣ стоитъ и церковь въ честь рождества Пр. Богородицы, перестроенная въ 1872 г. [1]), просторная съ бѣлымъ ико-

---

[1]) Старая церковь выстроена въ 1784 г. (Грановскій. Полт. епар. 409), изъ нея сохранились три старыхъ евангелія: 1, подаренное священникомъ М. Савинскимъ, 2,—Анной Сизонихой и 3-е подаренное Г. С. Ковтуномъ.

постасомъ. Около церкви и царины расположенъ кутокъ Товстопятивка, жилье Товстопятивъ и Толочіивъ. Затѣмъ по самой срединѣ подковы село нѣсколько уклоняется въ сторону, образуя два кута въ разныхъ направленіяхъ: Новоселицу или хуторъ, къ Савинцамъ, населенный людьми тѣхъ же фамилій, что и въ перечисленныхъ кутахъ, и Воронивку или Кулыкивку, къ Чевельчѣ, прежде жилье Кулыкивъ, уже исчезнувшихъ, теперь Воронъ. На южной сторонѣ подковы помѣщаются: Паліивка, древній кутокъ, жилье Паліенкивъ и Сергіенкивъ, и на краю, по Бѣлоусовской дорогѣ, Драпивка, гдѣ жилъ панъ Соколовскій и ёго крестьяне: Галушки и Юрченки. Старое козацкое хозяйство и здѣсь было незначительнымъ. Хозяева имѣли по плугу, 1—2 коровы, съ десятокъ лошадей да по 2—3 десятка овецъ, хотя въ землѣ не было недостатка. «Нихто тоди и степу не стереже, зинёвать [1]) така була, шо прыйде чоловикъ та паруба, шобъ тоныть. Ни коней, ни товару не выдать за нею». Пѣшіе убирали хлѣбъ съ 3-го снопа на хозяйскихъ харчахъ. «Бидни воны булы и земля есть, а нечимъ обработать». Молотили хлѣбъ за 3-ю коробку. Сѣно снималось съ 3-й копны. Въ небольшомъ имѣніи Соколовскихъ всѣ крестьяне были пѣшіе; въ болѣе значительномъ—Полторацкаго—крестьяне имѣли прежде разное количество предковскихъ земель, но помѣщикъ Николай Забѣлло, купивъ имѣніе Полторацкаго, перераспредѣлилъ всю крестьянскую землю однообразно, выдѣливъ по 2 десятины на пару воловъ и по полдесятины пѣшимъ. Онъ же отмѣнилъ старый крестьянскій обычай поставлять вмѣсто себя на панщину паемщиковъ «Преже було якъ багатый, то найме за себе наймыта, такъ панъ того не позволывъ». Другого направленія держался сынъ его Иванъ Николаевичъ, бывшій предводителемъ дворянства во время такъ называемаго возрожденія Лубенщины, въ семидесятыхъ годахъ, когда въ земскихъ дѣлахъ и мировомъ судѣ приняли участіе молодые дѣятели съ М. Т. Симоновымъ во главѣ. Иванъ Николаевичъ поддерживалъ эти добрыя начинанія въ уѣздѣ, а по отношенію

---

[1]) Cytisus biflorus L'Her.

къ крестьянамъ былъ весьма гуманенъ, отдавая имъ въ наемъ землю по низкой цѣнѣ [1]). Предъ смертью онъ, съ согласія жены Софіи Николаевны, женщины возвышеннаго характера, пламенно преданной добру, подарилъ все состояніе мѣстному земству. Теперь всего жителей въ Круподеринцахъ 2263 души. Населеніе довольно высокаго роста, темнорусое съ свѣтлыми глазами, иногда встрѣчаются лица съ правильными чертами. Одежда та-же, что и во всей Денисовской волости, у мужчинъ лѣтомъ преобладаютъ соломенныя шляпы, у женщинъ сохранились еще очипки съ перекладомъ посрединѣ, темные корсеты «до усивъ» съ красными пуговками у таліи. Моды эти отличны отъ смежныхъ золотоношскихъ. «Тамъ довга одежа и ставлять выще станъ и метелыкы нашываютъ». И до сихъ поръ сохранились кулачные рождественскіе бои съ сосѣдними Филипповичами.

Филипповичи или Хуторецъ, Яблоновской волости, расположены на лѣвомъ берегу Чумгака, вблизи Яблонова. Первое названіе объясняется только помощью предположенія о переселеніи сюда жителей изъ волынскихъ Филипповичей, Луцкаго повѣта, опустошенныхъ во времена Богдана Хмельницкаго [2]); второе— принадлежностью села въ качествѣ хутора до XIX в. къ Яблоновскому приходу. Филипповичами издавна владѣла прилукская дворярская фамилія Ограновичей, происходящая отъ прилукскаго бурмистра, потомъ войта (1685, 1687 г.г.) Григорія Корніенка или Корніевича, женатаго на дочери лубенскаго полковника Леонтія Свѣчки. Одинъ изъ сыновей войта, принявшихъ фамилію Ограновичей, Михаилъ занималъ уряды: прилукскаго полкового судьи, потомъ обознаго (1709—1737 г.г.) [3]) и въ 1725 г. участвовалъ

---

[1]) Сборн. хоз. стат. Полт. губ., т. IV. 236.

[2]) Владимірскій-Будановъ. Передвиж. южнор. населен. въ Кіев. Стар. 1888 г., VI, 83.

[3]) Лазаревскій. Прулукск. полкъ. въ Кіев. Стар. 1900 г. X., 94 и 1894 г. VII, VIII, 57, 58, 60.

въ Гилянскомъ походѣ, [1]) а внукъ Яковъ Михайловичъ былъ также прилукскимъ обознымъ въ 1767—1770 г.г. [2]).

Нѣсколько ранѣе, въ 1759 г., другой Ограновичъ, Павелъ, занималъ урядъ лубенскаго хорунжаго [3]), а въ 1779 г. Алексѣй Михайловичъ Ограновичъ произведенъ Румянцовымъ въ войсковые товарищи «за пріобрѣтеніе въ наукахъ познанія» [4]).

Филипповичи [5]) подраздѣляются на слѣдующіе куты: Якимовскій, жилье крестьянъ владѣнія Акима Ограновича—Орябцивъ, Погорѣлыхъ и Шкодъ; Катречинъ, получившій названіе отъ бабы Катри, гдѣ живутъ бывшіе крестьяне Ст. Ст. Ограновича: Огороднiе и Батраки. Затѣмъ на главной «Билій» улицѣ, ведущей къ усадьбѣ означеннаго Ограновича, теперь купленной козакомъ Г. Гречукомъ, живутъ крестьяне: Огородни, Ткаченки и др. Послѣдній кутокъ Побережье занятъ крестьянами: Силками, Тютюнниками и Шпуриками. Степанъ Степановичъ Ограновичъ, управлявшій за отсутствіемъ брата, генералъ-лейтенанта Николая, считался хорошимъ хозяиномъ. Въ имѣніи были: винокуренный и селитренный заводы, земляная и водяная мельницы, 50 паръ воловъ, 25 рабочихъ (скарбовихъ) лошадей и 12 выѣздныхъ, кромѣ матокъ и жеребца. Тяглые, число которыхъ въ имѣніи превышало число пѣшихъ, получали по 4 десят. поля и по 1 дес. болотистаго сѣнокоса, пѣшіе по 3 дес. на семью. Весь хлѣбъ снимался съ 3-го снопа и лёнъ съ 3-й горсти; «одбутокъ»—былъ четырехдневный. Во время полевыхъ работъ въ имѣніи устраивались дѣтскія ясли. Степанъ Степановичъ имѣлъ привычку пря-

---

[1]) Лѣт. Самов. 101.

[2]) Лазар. Прил. полк. ibid.

[3]) Лазаревск. Истор очер. Полт. Луб. 76.

[4]) Лазаревск. Распор. гр. Румянц. по управл. Малор. 15.

[5]) Кромѣ владѣній въ Яблоновской волости: Филипповичей и Рудки, Ограновичамъ принадлежали еще части селъ Денисовской волости: Савинецъ, Денисовки и Чевельчи (Грановскій. Полт. епарх. 410, 411) Засульской: Ерковцы и Засулье, Лубенской: Осовцы и домъ въ Лубнахъ. (Лазаревскій. Истор. очер. Полт. Луб. 83, 84, 98. 104 и 106).

тать и разсовывать деньги по диванамъ, стульямъ и столамъ, но запрятанное такимъ образомъ золото и бумажки какъ то исчезли, и приглашенный наслѣдникомъ спеціалистъ, перерывъ всё и взломавъ фундаментъ, нигдѣ ничего не нашелъ. Послѣдній отпрыскъ угасшей вѣтви фамиліи Ограновичей, Николай Антоновичъ, былъ нѣсколько трехлѣтій лубенскимъ уѣзднымъ предводителемъ дворянства. Возлѣ его усадьбы на погостѣ стоитъ осѣненная старыми липами, кленами и яворами церковь св. архистратига Михаила съ красивымъ бѣлымъ иконостасомъ внутри и съ необщепринятыми изображеніями: св. архіепископа Николая въ тіарѣ и Божьей Матери въ видѣ мадонны. Церковь построена въ 1803 г. Григоріемъ и Иваномъ Ограновичами, перестроена въ 1867 г. [1]) На погостѣ и склепъ Ограновичей. Всего жителей въ приходѣ 1168 душъ. Экономическое положеніе ихъ неудовлетворительно вслѣдствіе затрудненія въ наймѣ земли.

Выше Филипповичей, на лѣвомъ берегу Чумгака, раскинулось довольно большое село Перервинцы по обѣ стороны почтовой дороги изъ Лубенъ на Переяславль, на разстояніи двухъ верстъ. Чумгакъ, берущій начало за 45 верстъ отъ лубенской границы у с. Черниховки, пирятинскаго уѣзда, протекаетъ мимо Перервинецъ и далѣе ничтожнымъ ручьемъ. «Чумгакъ, кажуть, такъ проходывъ: зійшла вода тай нема». Перервинцы крайній западный предѣлъ Лубенщины, глубоко вдавшійся въ оба смежные уѣзда. Граница мѣстной дачи отъ с. Бѣлоусовки, золотоношскаго у., указана въ дневникѣ генеральнаго подскарбія Якова Маркевича: «Отъ яру Сухомозского до Острой Могылы и отъ нея до шляху Яблуновского» [2]). О пирятинской же границѣ жители передаютъ:

---

[1]) Къ приходу принадлежитъ хуторъ Алексѣевка или Ярчинъ. Первое названіе происходитъ отъ имени помѣщика Алексѣя Ивановича Ограновича, женатаго на Ульянѣ Петровнѣ Милорадовичъ, второе отъ привычки его носить овчинную шапку и бурку, почему крестьяне говорили: «Онъ иде панъ ярка». Крестьяне, числомъ 100, носятъ фамиліи: Грипы, Гуртови, Унды и др., переведены изъ Харитоновки, прилукскаго уѣзда.

[2]) Кіев. Стар. 1896 г. Прилож. I, 216.

«Намъ малось буть пирятынського уизда, такъ у Перервынцяхъ бильшъ козакивъ, а тамъ все панськи села, все тилько хрестяне, черезъ то насъ до Яблунова прысчыталы. Якъ границы уйиздивъ робылысь, то Якименки жылы зъ краю и цепъ тяглы черезъ сины». Древнюю исторію села мѣстные жители передають такими краткими чертами. «За сей край не воювалы, мы сами пидійшлы, а зъ Польщою була война и сей край пиддавсь православію сёму литъ трыста. Одчого названіе селу—незвисно; йе урочыще Перервыно. Кажуть, шо село було по-надъ Чумгакомъ, прычепылось село де каплыци стоять, а се нывья булы». Съ краю села, отъ Яблоновскаго въѣзда стоитъ Введенская церковь. Мѣстный приходъ существовалъ уже въ первой половинѣ XVIII в., какъ видно изъ упоминанія о перервинской церкви въ дневникѣ Маркевича подъ 1732 годомъ [1]) и изъ четьи-минеи, купленной въ слѣдующемъ году въ эту церковь «жителькою Татьяной Ворониной» [2]). Старая церковь, перестроенная въ 1765 году, сгорѣла въ 1827 году, а вмѣсто нея выстроена на средства титулярнаго совѣтника А. М. Маркевича настоящая каменная церковь, просторная, съ большимъ круглымъ куполомъ, похожая на соборъ съ двѣнадцатью колоннами, по четыре у каждаго фронтона. Внутри храма помѣщается голубой иконостасъ съ намѣстными иконами академической кисти, нарисованными на холстѣ. Въ сторонѣ виситъ обновленный образъ Богоматери, о которомъ разсказываютъ, что у женщины изъ окрестностей Матрены Божковой заболѣла дочь и мать хотѣла было отослать сто рублей на молебны въ Козельщину, но ей привидилась во снѣ перервинская Богоматерь. Поспѣшивъ въ Перервинцы и прійдя въ церковь, Божкова узнала приснившуюся икону и пожертвовала тѣ деньги на ея обновленіе. На погостѣ памятники А. А. Маркевича (1825 † 1886 г.) и членовъ фамиліи мѣстныхъ священниковъ Гороновичей. Возлѣ церкви чрезъ площадку виднѣется усадьба мѣстныхъ землевладѣльцевъ Маркевичей, вся въ зелени. Въ 1724 г. прилукскій сотникъ Иванъ Марке-

---

1) Ibid.

2) А. Грановскій. Полт. епарх. 408, 409.

вичъ оставилъ по духовному завѣщанію хуторъ въ Перервинцахъ своему брату, лубенскому полковнику Андрею Маркевичу[1]). Съ этого времени начинаются поземельные споры Маркевичей съ перервинскими козаками[2]), о чемъ сохранились слѣдующія мѣстныя воспоминанія. «Маркевычей не було ще й званія, воны набрелы зъ черныговськои губерніи. Говорять, Марковычъ упросывся изъ стадомъ: «буду пасты», потимъ заоравъ, такъ сорокъ годъ позывалысь. Третю часть одсудылы козакамъ. Мы бачылы портретъ Марковыча, и жупанъ довгый, ажъ до земли высивъ полосатый». Сейчасъ за дворомъ Маркевичей и нѣсколько поодаль на Крутнивщинѣ, гдѣ прежде «жывъ якыйсь панъ Крутень, до котрого прыставъ Кондратковськiй», живутъ бывшіе крестьяне этихъ владѣльцевъ: Денисенки, Ивки, Солоненки, Тищенки и Хребты, а вблизи, на старомъ кутѣ, жили: Гороновичи, Жилы и Сухоносы. Далѣе на селѣ встрѣчается кутокъ Козоризовськiй, жилье козаковъ Козоризивъ, Пучокъ и Талановъ, и Пузыкивськiй--Воронъ и Гвоздыкивъ. Старѣйшіе мѣстные козацкіе роды: Гвоздиковъ, Жилъ и Козорѣзовъ. Только одинъ изъ послѣднихъ, Петръ, оралъ двумя плугами, прочіе обладали однимъ самостоятельнымъ плугомъ, чаще спрягались. «У Петра було сто пнивъ пасикы. Розсказують, що въ Козоризивъ була своя выпокурня, а якъ одибралы право курыть[3]), то гналы горилку въ горшкахъ, такъ жинка коноплы тре и кострыцю пидклада пидъ горшкы. Бувъ общеськый табунъ, и кожному хазяину треба поочередно подывыться, якъ табунъ ходыть, и навернуть до воды. Коней на ничъ не гонылы а тилько товаръ гонылы у село». Что касается панскаго хозяйства, то данныя дневника Маркевича доказываютъ преобладаніе скотоводства надъ земледѣліемъ на крайнемъ западѣ Лубенщины, какъ

---

1) Лазаревскiй. Прилук. полкъ. Кiев. Стар. 1900, XI, пр. 117.

2) Лазаревскiй. Очер. полт. луб. 60, 61. А. Маркевичъ занималъ урядъ лубенскаго полковника съ 1714—1727. Я. А. Маркевичъ генеральный подскарбiй, И. А. Маркевичъ—луб. обозный съ 1759—1760 г.

3) Въ 1779 г. сокращено винокуренiе для предохраненiя народа отъ пьянства и сохраненiя лѣсовъ. Лазар. Распоряж. гр. Румянцева. 54.

и на востокѣ ея. Такъ, на Перервинскомъ хуторѣ Маркевичей въ 1732 году числилось: 214 лошадей съ двумя нѣмецкими кобылами и 10 жеребцами (дрикгантами); 10 рабочихъ воловъ и 48 головъ разнаго скота; для прокормленія ихъ собрано 38 скирдъ сѣна и только 289 копъ хлѣба, а на слѣдующій годъ высѣяно: 25 четвериковъ жита, а весной: 20 четвериковъ ярицъ, 3 пуда пшеницы и 2 проса[1]). Въ XIX вѣкѣ хозяйство Маркевичей заключалось въ селитренномъ заводѣ, крупчаткѣ, толчакѣ и четырехъ мельницахъ, въ 10-ти плугахъ, 30-ти коровахъ съ доморослыми быками, конскомъ табунѣ и трехъ табунахъ шпанки. О посылкахъ въ дорогу вспоминаютъ: «Тоди якъ идешъ у дорогу, то якъ возивъ пьять, то шоста пидъ бочку зъ водою и бочку везлы у самый Крымъ». Изъ крестьянъ 10 хозяевъ имѣли тягло, прочіе были пѣшими. И тѣ и другіе работали по полторы недѣли пану и по 3 дня себѣ въ періодъ жатвы, а въ остальное время года по недѣлямъ. Тяглые пахали, возили хлѣбъ и сѣно, также «на майданъ попелъ лисовый возылы за сорокъ верстъ, або й билшъ». Пѣшіе принуждены были нанимать себѣ козаковъ для паханія земли.

Алексѣю Михайловичу Маркевичу, никогда не жившему въ Перервинцахъ, наслѣдовалъ его племянникъ Андрей Андреевичъ, похороненный у церкви. Его изображаютъ человѣкомъ, хотя и гуманнымъ, но мало вникавшимъ въ дѣла, почему крѣпостные страдали отъ притѣсненій приказчиковъ: «Прыказчыкъ Степанъ Роенко разъ пысавъ и сказавъ парубку: «Постій, я тебе розкамы!» А парубокъ прыцилувавсь и убывъ. Выпыталы, катувалы парубка и зослалы въ Сибирь» [2]).

На полпути отъ Перервинецъ къ Яблонову расположена на черноземной равнинѣ[3]) деревня Стукаловка при рѣчкѣ Сырой Оржицѣ у золотоношской и пирятинской границъ, отдѣляясь отъ

---

[1]) Кіев. Ст. 1896 г. Прил. Кн. II, 217, 232, V, 275 и VI, 289.

[2]) Вокругъ села—хуторки: Карбани, 10 хатъ Карбаней, Нешій, 8 хатъ Жилъ и Пучки, 3 хаты Пучекъ и Жилъ. Наемъ земли 10—15 р.

[3]) Содержаніе гумуса на поляхъ около Яблонова 5% (Мат. для оц. зем. полт. губ. II. Луб. у. 44.

пирятинской Михайловки только яромъ. По ревизіи 1764 г. она значится хуторомъ бунчуковаго товарища Борозны[1]), а по разсказамъ мѣстныхъ жителей Стукаловка основана владѣльцемъ Драбова графомъ Завадовскимъ. Населеніе ея пришлое. «Хороше було пидъ графомъ и козакы пидходылы пидъ ёго и винъ закрипывъ. Уси туть нахожанци. Якъ воно потимъ було: чы замотано, чы куплено Старыцькимъ?—незвисно». Крайній кутъ отъ Яблонова Новоселица занята слѣдующими крестьянскими семьями: Ведмедями, Веснами, Гуржіями, Даценками, Диденками, Донцами, Калайтанами, Коваленками, Лысенками, Малуками изъ Клепачей, Нетесами и др. Часть Новоселицы, населенная Козловскими, такъ и называется Козловщиной. Слѣдующій кутокъ Кучанскій заселенъ почти исключительно Бычовыми, вышедшими изъ Чернобаевъ, золотоношскаго уѣзда, а Середивка, лежащая за греблей на противоположномъ берегу Оржицы, занята крестьянами тѣхъ же фамилій. На Середивкѣ у поля стоитъ новая Александро-Невская церковь съ новымъ бѣлымъ иконостасомъ и новыми иконами. Всего крестьянъ до 1000 душъ. Графская экономія была значительной: 1900 дес. земли, водяная и вѣтряная мельницы, 5 экономическихъ плуговъ, 50 красныхъ (червонихъ) коровъ при 2 быкахъ и 3000 мериносовъ. Тяглыхъ было 50 хозяевъ. Крѣпостные работали недѣлю пану и недѣлю себѣ. Пѣшіе отдавали обработывать свою землю съ половины. При освобожденіи отъ крѣпостной зависимости крестьяне получили достаточный надѣлъ: 10 дес. тяглые и 6 пѣшіе, и потомъ долго держали на арендѣ по 5 руб. десятину всё имѣніе у мѣстной помѣщицы Ладыгиной[2]).

Въ срединѣ Яблоновской волости на обнаженномъ, суглинистомъ[3]) желтоватомъ холмѣ стоитъ старый городокъ, переименованный въ мѣстечко, Яблоновъ. Онъ окруженъ съ трехъ сторонъ Гнилой Оржицей, чрезъ которую прежде, по словамъ Са-

---

1) А. Грановскій. Полт. епарх. 407.

2) Сбор. Хоз. ст. полт. губ. IV, 235.

3) Гуровъ. Геолог. опис. полт. губ. 327.

мовидца «барзо злые переправы» были [1]), а теперь длинная земская плотина ведетъ къ предмѣстью Загребелью. Съ четвертой, противоположной плотинѣ, стороны Яблоновъ примыкаетъ къ степи узкимъ перешейкомъ, также перерѣзаннымъ въ старину каналомъ; такъ что старый городокъ представлялся островомъ, охваченнымъ отовсюду водою. По преданію, передаваемому различно мѣстными жителями, рѣчка начала гнить съ тѣхъ поръ, какъ въ ней утонулъ, переправляясь, сынъ одной попадьи. Послѣдняя взявъ клочекъ волосъ съ головы покойника, зажгла ихъ на сковородѣ и прокляла рѣку: «Будешъ ты гныты, ричко, такъ якъ тило мого сына!» [2]). По другому варіанту: «Яблоновъ колысь бувъ городъ и була крипость и валы. Бабушка бачылы ти ворота, у котори входылы въ крипость, и башту и два камянныхъ стовпа; и кругомъ крипости проходыла вода и на другій сторони була пры-стань, де було и жерело, шо заткнуто рупомъ. Якась ворожка зробыла, шо якыйсь то сынъ утопывсь» [3]). И теперь явственно видны

---

1) Лѣтоп. 36.

2) Какъ настоящій варіантъ сказанія, такъ и различныя данныя о Яблоновкѣ и о фамиліи Яблоновскихъ, вошедшія цѣликомъ въ настоящій очеркъ, переданы мѣстнымъ помѣщикомъ Я. С. Яблоновскимъ въ неоднократныхъ разговорахъ и письмѣ, за что приносится ему живѣйшая благодарность.

3) Записано отъ козака С. П. Дейнеки. Въ сборникѣ г-на Гринченка: «Изъ устъ народ.» (Черниг. 1900 г.) приводятся варіанты настоящихъ сказаній изъ слѣдующихъ мѣстностей черниговской губ. Въ с. Юриновкѣ, новгородсѣверскаго у., записано преданіе о ручьѣ Буковицѣ, въ которомъ утонула дочь вѣдьмы, за что мать и прокляла ручей, бросивъ сковороду въ воду, и ручей ушелъ въ видѣ разодѣтой дѣвицы (308—310). Въ преданіи о м. Красномъ Колядинѣ, конотопскаго у., Покорская проклинаетъ рѣчку Роменъ за поглощеніе сына, послѣ чего вода мутится (317), затѣмъ въ с. Голенкѣ, того же уѣзда, записано, что вдова, проклявъ ту самую рѣчку за такое же поглощеніе сына, обратила ее въ болото (327). Занесено ли мѣстное преданіе изъ черниговской губ.и когда именно: при самомъ отновленіи Яблонова или позже какимъ либо переселенцемъ—опредѣлить невозможно.

вокругъ древнѣшей части Яблонова, занимавшей 15—20 десятинъ, два вала: верхній и нижній, особенно возвышенные на сѣверо-западѣ. Валы разрыты, заняты частью мельницами, частью избами. Они похожи на Лукомскіе и Снѣтинскіе валы кіевскаго періода, такъ что съ отновленіемъ Яблонова въ 1612 г. «вѣроятно, были лишь исправлены, а не насыпаны вновь. Отстроенный Яблоновъ вскорѣ заключалъ уже въ себѣ 50 домовъ посполитыхъ и 30 козачьихъ, и въ качествѣ королевскаго города, принадлежавшаго къ Переяславскому староству, не несъ никакихъ повинностей. Во время Богдана Хмельницкаго въ Яблоновъ спѣшили укрыться нѣкоторые польскіе паны изъ охваченной огнемъ возстанія Княжины или Вишневеччины.

Затѣмъ въ 1670 году городъ занятъ Дорошенкомъ, а въ 1679 г. Юрій Хмельницкій съ Яненкомъ выжегъ окрестности и истреблялъ людей [1]). Сѣверо-восточная часть мѣстечка, называвшаяся прежде Пидваркомъ и Форштадтомъ, а теперь сохранившая лишь первое названіе Пидварокъ, признается древнѣйшей. На ней высится приходской Успенскій храмъ [2]), существовавшій уже въ 1729 году, какъ видно изъ надписи на Тріоди, купленной въ этомъ году козакомъ Ефремомъ Ивановымъ, и впослѣдствіи дважды перестроенный: въ 1748 и 1861 годахъ [3]). Среди иконъ обращаетъ на себя вниманіе наивностью пожертвованная въ 1740 г. священникомъ Стефаномъ Васильевымъ, изображающая угощеніе Авраамомъ странниковъ раками

---

[1]) Южнорус. лѣтоп., издан. Бѣлоз. I, 83, Рубанъ, крат. лѣт. 136, Кониській. Рукоп. Истор. Мал. Рос. ч. II, Бантышъ—Камен. Истор. Мал. Рос. I, 117. Костомар. Руина въ Вѣст, Евр. 1879 г., IX, 13, Д. П. Богалѣй. Займанщ. въ лѣвоб. Укр. Кіев. Стар. 1883 т. I, 566, Лѣвоб. укр. въ Кіев. Стар. 1896 г., V, 257., Лазаревск. Истор. очер. Полт. Луб. 99, и Грановск. Полт. епарх. 407.

[2]) Въ мѣстечкѣ есть еще небольшая приписная Кладбищенская церковца св. арх. Гавріила, сооруженная на средства протоіерея Романовскаго въ 1879 г. (Ib.) на кладбищѣ и у средоточія ярмарокъ, во время которыхъ въ ней бываетъ служеніе.

[3]) А. Грановскій. Полт. епарх. 407.

на тарелкѣ. Сохраняется еще маленькій храмовой образъ, вышитый на бархатѣ, и старый серебряный крестъ съ надписью: «Сей крестъ сооруженъ въ городѣ Яблуновѣ до храму Успенія Пр. Богородицы рабомъ Божіимъ Игнатомъ Росколупенкомъ мѣщаномъ [1]) и козакомъ Яблоновскимъ въ 1742 году». Съ самаго открытія прихода и почти въ теченіе вѣка мѣстными священниками были Бѣлозерскіе, и теперь еще псаломщикъ—потомокъ той же фамиліи. «Тамъ де церква—говоритъ преданіе—ничого не було, а одъ церквы изъ гребли почавсь Яблоновъ. Мало хатъ було». На Пидварку жили: сотникъ Яблоновскій, дворяне Божки, уже вымершіе, козаки Москальци, крестьяне Вовки и др. Ближайшій къ Пидварку кутокъ Баранивській населенъ козаками Баранами, а дальнѣйшіе три: Кононивській—крестьянами Кононами, бывшаго владѣнія Леонтовичей; Пелыпенкивъ—крестьянами Дынниками и Пелыпенками, владѣнія Полторацкихъ, и Толочанскій—козаками: Гончарями, Рубанами, Чепигами и Черницкими Пространство между пидваркомъ и толокой занято лавками, коморами, складами и похоже на плохой городокъ въ родѣ Зинькова. Яблоновъ невеликъ: въ немъ всего лишь 577 жителей козаковъ и крестьянъ [2]), но цыфра эта удваивается восемьюдесятью еврейскими семьями, занявшими Яблоновъ и содѣйствовавшими его экономическому значенію для всей удаленной отъ городовъ окрестности [3]).

Съ восточной стороны Яблонова, за широкой болотистой долиной Оржицы находится яблоновское предмѣстье Загребелье, на которомъ расположена усадьба Я. С. Яблоновскаго, похожая на полную чашу, настолько заключено въ ней построекъ, инвен-

---

[1]) Такъ въ надписи.

[2]) Къ приходу принадлежатъ хутора: Соломкинъ или Сабадашевъ, принадлежащій помѣщику Соломкѣ, населенный крестьянами: Падунами и Тютниками, всего 146 душъ, и Топчіивъ,—козаками Колесниками, 34 душъ, да выселки въ 1—3 двора.

[3]) Мѣстное старое козацкое хозяйство было такое же, какъ и повсемѣстно. Изъ пановъ Черницкіе имѣли водяную мельницу, а Полторацкіе винокурню и стада, между прочимъ мериносовъ до 1000 головъ.

таря, рабочихъ, скота, лошадей и птицъ, павлиновъ и павъ даже которые почти нигдѣ уже не встрѣчаются. На всемъ лежитъ отпечатокъ давняго, зажитого хозяйства, да и самая фамилія старинная, органически сросшаяся съ Яблоновымъ, а, судя по владѣнію древнѣйшей частью мѣстечка, Пидваркомъ, и по народнымъ преданіямъ, вѣроятно участвовавшая и въ самомъ обновленіи городка. Фамильныя воспоминанія доходятъ до яблоновскаго козака Демьяна Степановича, по фамиліи неизвѣстнаго, имѣвшаго трехъ сыновей: Василія, Андрея и Мойсея. Василій умеръ бездѣтнымъ, сынъ Мойсея Никита принялъ фамилію Демяненка, а потомки, переселившись въ Савинцы, стали именоваться Демяновскими, по уличному Мусіенками. Только сынъ Андрея, сотникъ Степанъ Андреевичъ, принялъ фамилію Яблоновскій, съ точностью неизвѣстно по какимъ соображеніямъ, всего вѣроятнѣе что такъ назвали его въ Запорожьи по первоначальному мѣстожительству. Возвратясь изъ Сѣчи, онъ служилъ Яблоновскимъ сотникомъ, почему потомки его и до сихъ поръ называются по уличному Сотниченками. О службѣ его сохранился аттестатъ 1773 года, за № 543, съ сергучной войсковой печатью. Затѣмъ онъ переименованъ въ премьеръ-майоры и 28 ноября 1792 г. утвержденъ въ потомственномъ дворянствѣ [1]). Онъ же увеличилъ состояніе, какъ видно изъ многочисленныхъ купчихъ крѣпостей второй половины XVIII в., иногда покупая землю весьма выгодно, напр. 7 приблизительно десятинъ куплено за 20 руб., такъ что потомки сотника, послуживъ немного, могли уже затѣмъ свободно заниматься хозяйствомъ. Послѣднее при крѣпостномъ правѣ заключалось въ 629 десятинахъ земли при Яблоновѣ [2]) и Загребельи, 26 парахъ воловъ, 20 коровахъ сѣрой украинской породы при такомъ же быкѣ, 30 маткахъ гнѣдой и вороной ма-

---

[1]) Въ щитѣ герба Яблоновскихъ изображена завязанная хустка, а надъ шлемомъ и дворянской короной—дѣвица межъ оленьими рогами.

[2]) Пидварокъ перешелъ къ сестрѣ настоящаго владѣльца Якова Степановича, Т. С. Омельяненковой.

стей при двухъ жеребцахъ верховыхъ и рысистыхъ статей, и пасикѣ въ 80 пней. Только треть земли обработывалась трехпольной системой, а 400 десятинъ отходило въ сѣнокосъ и пастбище. Изъ числа 50-ти крестьянскихъ семей: Маляренковъ, Миняйленковъ и др. большинство имѣло по парѣ воловъ, коровъ и по нѣсколько овецъ. Пѣшіе отбывали тридневку, а тяглые за предоставленное пастбище пахали еще по дню въ недѣлю панское поле. Сироты брались во дворъ, а имуществу ихъ производилась опись и послѣднее возвращалось сиротамъ по достиженіи ими совершеннолѣтія. Теперь всего жителей въ Загребельи 130 душъ; кромѣ 10 крестьянскихъ дворовъ, остальные жители козаки: Павлики, Рубаны, Саливоны, Самоѣды, Чеберяки и др. Кромѣ обычныхъ занятій хлѣбопашествомъ и пасичничествомъ, козаки занимались еще до проведенія желѣзныхъ дорогъ чумачествомъ, отвозя въ Крымъ пшеницу, а оттуда привозя соль и рыбу: чабаки, тарань, которую и сбывали выгодно на мѣстныхъ значительныхъ армаркахъ.

Выше Яблонова, на правомъ берегу Гнилой Оржицы, лежитъ большое козачье село Овсюки съ довольно просторными усадьбами среди садовъ. О происхожденіи села и о старинѣ вообще жители передаютъ: «У старыну бувъ чоловикъ Овсюкъ и по ёму становылыся Овсюкы. Годивъ трыста йе селу. Въ старовыну забигы булы, народъ выйде жать, ставлять виху на могыли. Якъ той виху похылывъ, такъ люде тикають на село. Которе не втече, такъ у плинъ забиралы». Впослѣдствіи село числилось въ Пирятинской сотнѣ, а по учрежденіи уѣздовъ—въ пирятинскомъ уѣздѣ до 1803 г., когда причислено къ лубенскому[1]). Посрединѣ вдоль всего села тянется узкій выгонъ, по обѣ стороны котораго располагаются разныя части села. На сѣверъ отъ выгона къ рѣкѣ прилегаетъ кутъ Заярье, отдѣленный отъ села оврагомъ, жилье козаковъ Шевченковъ. Далѣе идутъ параллельно два кута: отъ выгона Лисокобылки, населенный казенными крестья-

[1]) Грановскій. Полт. еп. 408.

нами того же имени, и Жаданивка, широкая улица отъ рѣки, жилье: Галагановъ, пришедшихъ изъ Погребовъ, пирятинскаго у., Жадановъ и Карпенковъ. Еще далѣе располагается оваломъ вдоль рѣки, называющейся въ этомъ мѣстѣ Чевельчой, кутокъ того же имени, населенный козаками Чевельчами, повидимому вышедшими изъ Денисовской Чевельчи. Рядомъ съ Чевельчой Плисивщына, древнѣйшій кутъ, жительство Плисивъ, за ней Басивщына—Басивъ и Жалобецкихъ-Внуковъ; «воны видтиля зъ Польши прыйшлы». Отъ Басивщыны особый переулокъ ведетъ къ четырехъугольному поселенію среди выгона въ три двора дворянъ Жалобецкихъ-Внуковъ. За Басивкой лежитъ Рубанивка, населенная Рубанами, и Натягайливка, новая часть въ полѣ, занятая козаками перечисленныхъ фамилій. Къ югу отъ выгона у полей расположены три кута: Кашпуривщына, со стороны Яблонова, жилье Кашпуривъ, Холошивщына—Холошъ, и Андрушивщына, на которой прежде жилъ помѣщикъ Андре, а теперь выморочные за его смертью крестьяне: Тищенки и Ярмоленки [1]. Посреди села стоитъ третья по счету Троицкая церковь. Первая маленькая, построенная въ 1734 г., крытая гонтомъ, вторая 1827 г., иконостасъ изъ которой поставленъ въ правый притворъ новой церкви, выстроенной въ 1878 году [2]. Въ этой послѣдней три образа Пр. Дѣвы останавливаютъ на себѣ вниманіе: два—патріархальной заботливостью прихожанокъ, привѣсившихъ къ этимъ образамъ: ленты, намисто и рушныкы, а третій—прелестью кисти, изображающей Богоматерь малорусскаго типа съ круглымъ лицомъ, полными щеками и маленькимъ ртомъ, но съ идеальными, нѣсколько печальными глазами. Въ алтарѣ помѣщенъ образъ Спасителя, похожій на изображенія французской школы. Въ Овсюкахъ 2500 душъ въ огромномъ большинствѣ козаковъ. Нѣсколько дворянскихъ семей: Воронъ, Жалобецкихъ-Внуковъ, Чевельчей

---

[1]) Вокругъ села нѣтъ хуторовъ, а лишь незначительные выселки.

[2]) Первымъ овсюковскимъ священникомъ былъ Стефанъ Ворона.

и Чернышей, также козацкаго происхожденія, выслужившихъ дворянство въ мѣстныхъ присутствіяхъ, какъ доказываютъ и уличныя ихъ прозвища, напр. Секретаренки. Овсюки состоятельное село. Двѣ козацкія семьи имѣютъ по 60 десят., нѣкоторые по 20, большинство по 3—4, по безземельныхъ лишь нѣсколько пришельцевъ. Казенные крестьяне первоначально получили по пятнадцать безъ малаго десятинъ, потомъ имъ прибавлено еще по 7 десятинъ «на вѣнецъ», такъ что семьи, имѣвшія по 2—3 неотдѣленныхъ сына, обладали 40 десятинами. Андрушевцы получили по 6 дес. надѣла. Наемная цѣна земли 12—16 руб. толочная и 10—12 руб. остальная. Пѣшіе обрабатываютъ землю съ 6 снопа безъ отработка. Толоки въ 600 десятинъ даютъ возможность содержать общественныя стада: скота, лошадей, овецъ и свиней съ уплатой пастуху по пуду зерна за пару воловъ, по 1 ф. муки за каждую голову мелкаго скота и по 10 коп. деньгами. Для отвѣшиванія и измѣренія зерна пастуху есть традиціонная пудовая коробка. Кормленіе пастуха производится поочередно. Народъ въ Овсюкахъ красивъ, строенъ, съ темными волосами и глазами, но склоненъ къ спорамъ, неуступчивъ и надмененъ. Козаки называютъ крестьянъ мужиками. Одежды красивы: корсетки короткія темныхъ цвѣтовъ, «до 3—12 усивъ», обшиты зеленой тесмой, литнячки и ватянки длинныя, темныя. Женщины и дѣвки «запынаются» платками.

Выше Яблонова, на лѣвомъ берегу Гнилой Оржицы до пирятинской границы, расположились три небольшія поселенія, составлявшія прежде съ Лазорками, ихъ окрестностью и дѣвственной степью у Асауловщины на самой пирятинской границѣ одно цѣлое, достояніе фамиліи Боярскихъ, извѣстное подъ народнымъ названіемъ Боярщины. Ближайшее къ Яблонову небольшое село Тимки, названное такъ по имени перваго жителя Тимка (Тимофея) [1]), прилегаетъ къ просторному выгону въ сорокъ десятинъ съ прелестной небольшой церковцей св. апостоловъ Петра и Павла, въ которой помѣщены копіи извѣстныхъ изображеній свя-

[1]) По другимъ Тумка или Демка.

тыхъ Васнецова, взамѣнъ обыкновенныхъ иконъ. Къ выгону примыкаетъ обширная усадьба Боярскихъ съ большимъ красивымъ домомъ, построеннымъ въ 1869 году, по плану архитектора Червинскаго, на мѣстѣ прежняго одноэтажнаго. Надъ домомъ мезонинъ съ гербомъ Боярскихъ наверху. Въ усадьбѣ заключаются: теплица съ лаврами, лимонами, пальмами и рѣдкими цвѣтами, старинный фруктовый садъ, лужайки, цвѣтники и паркъ съ тѣнистыми аллеями, изъ которыхъ липовая достигаетъ протяженіемъ версты. Боярскіе принадлежатъ къ древней шляхетской фамиліи, пришедшей въ Лубенщину изъ Побужья кружнымъ путемъ чрезъ Слободскую Украину [1]. Начало фамиліи—какъ сказано въ протоколѣ Кіевскаго намѣстничества 30 октября, 1784 г.,—«покрыто неизвѣстностью»; по фамильнымъ преданіямъ извѣстно только, что предокъ Боярскихъ ушелъ изъ покоренной турками Славоніи въ подольскую Украину «на кресы», и основалъ тамъ двѣ слободы: Маньковку и Боярку на Бугѣ, которыя и отстаивалъ своими силами отъ турокъ и татаръ, вторгавшихся въ польскіе предѣлы обыкновенно съ этой стороны. Первоначальная исторія фамиліи символически выражена въ гербѣ Боярскихъ, данномъ Сигизмундомъ II, вмѣстѣ съ утвержденіемъ владѣнія тѣми селами. Гербъ изображаетъ вола въ зеленомъ полѣ щита, привязаннаго къ горящему пню дерева, подъ которымъ изображенъ лукъ со стрѣлами, т. е. постоянно угрожаемое и защищаемое оружіемъ хозяйство. Затѣмъ родоначальникъ харьковскихъ и полтавскихъ Боярскихъ, Ѳедоръ, переселился изъ Подоліи въ половинѣ XVII в. на земли при рѣчкахъ Мерли и Колонтаевѣ, отведенныя царемъ Алексѣемъ Михайловичемъ Ахтырскому полку. Ѳедоръ Боярскій занялъ въ 1665 г. сотницкій урядъ въ этомъ полку, его сынъ Григорій былъ полковымъ обознымъ, а внукъ Михаилъ подполковникомъ, въ отставкѣ полковникомъ Ахтырскаго гусарскаго

---

[1]) Всѣ свѣдѣнія о Боярскихъ сообщены въ нѣсколькихъ письмахъ и фамильныхъ бумагахъ представителемъ лубенской вѣтви Боярскихъ, Петромъ Михайловичемъ, за что приносится ему живѣйшая признательность.

полка. Въ аттестатѣ 1766 г. онъ изображенъ какъ храбрый, честный, вѣрный солдатъ и искусный офицеръ». Всѣ эти предки еще не жили въ Лубенщинѣ. Только секундъ-маіоръ Иванъ Михайловичъ жилъ въ семидесятыхъ годахъ XVIII в. въ Рудкѣ, возлѣ Тимокъ, и памятникомъ своего пребыванія оставилъ двѣ церкви: въ Лазоркахъ и Рудкѣ, но затѣмъ въ 1804 году онъ избранъ Богодуховскимъ предводителемъ дворянства, а въ 1806—уѣзднымъ начальникомъ Богодуховскаго ополченія. У него было большое семейство: 6 сыновей и 2 дочери [1]), и 6000 крестьянъ въ полтавской [2]) и харьковской губерніяхъ. Изъ его сыновей Иванъ Ивановичъ наслѣдовалъ Лазорки [3]), другой Дмитрій Ивановичъ былъ женатъ, жилъ въ Лазоркахъ и занимался хозяйствомъ; послѣдній, прослуживъ въ лейбъ-гвардіи Преображенскомъ полку и выйдя въ отставку поручикомъ, избранъ въ 1805 году лубенскимъ хорунжимъ и, замѣщая предводителя, устраивалъ въ 1807 году, народное ополченіе, а затѣмъ въ 1815—избранъ лубенскимъ дворянствомъ въ предводители. Избранный и на второе трехлѣтіе, вышелъ по болѣзни въ отставку и съ 1818 года занимался исключительно хозяйствомъ. Послѣднее, несмотря на дробленіе семейнаго имущества, было весьма значительнымъ и заключалось: въ землѣ при Тимкахъ, Яблоновѣ, Лазоркахъ, Должкѣ, Асауловщинѣ [4]), Савинцахъ, Золотухахъ, Вязовкѣ и Чудновцахъ,

---

[1]) Въ моей ст. «Средн. Лубенщ.» («Кіев. Ст.» 1903 г., X, 35), младшая дочь И. М. Боярскаго Софія ошибочно названа вдовой Боярскаго, тогда какъ она была его дочерью, а вдовой штабсъ-капитана Я. Савицкаго.

[2]) Въ лубенскомъ у. ему принадлежали имѣнья въ Тимкахъ, Рудкѣ, Горбѣ, Лазоркахъ, Семакахъ, Асауловщинѣ, Воронинцахъ, Біевцахъ, Лучникахъ, Небораковщинѣ, Савинцахъ, Лукомьи; въ хорольскомъ уѣздѣ въ Ходолѣевкѣ, и въ харьковской губ. въ Пожаровкѣ.

[3]) Ему принадлежалъ кварталъ домовъ въ Пирятинѣ; онъ не былъ женатъ, какъ ошибочно сказано въ «Средн. Луб.» (Ib кн. XII), по показанію лазорскихъ жителей, смѣшавшихъ его съ отцомъ.

[4]) Степь при ней, 1000 десят., нанималась гуртовщикамъ прежде за 750 р., теперь за 10,500 р.

20 парахъ воловъ, изъ которыхъ 5 паръ ходило въ Крымъ за рыбой и солью съ крестьянами: С. Мартынцомъ, Д. Симоненкомъ и С. Бурякомъ, 24 коровахъ и быкѣ сѣрой украинской породы, 25 маткахъ гнѣдой масти при 3 жеребцахъ: гнѣдомъ безъ отмѣтъ, гнѣдомъ съ проточиной, бѣлокопытомъ и караковомъ, и въ 500 головахъ овецъ, охранявшихся двумя чабанами: Зубомъ и Харькомъ съ 6-ю овчарками. Охотничьихъ собакъ было три смычки съ ловчимъ П. Коноваломъ. О размѣрахъ свиноводства свидѣтельствуютъ ежегодныя двукратныя гекатомбы для кормленія рабочихъ и дворни предъ Рождествомъ и свѣтлымъ праздникомъ по 12 кабановъ каждый разъ. Кромѣ обычныхъ въ лубенскихъ большихъ имѣніяхъ: винокурни (въ 40 пудовъ затора, управляемой Гр. Мартынцомъ), и селитреннаго завода (управляемаго Н. Шулякомъ), въ Тимкахъ была еще суконная и красильная фабрики, на которыхъ выдѣлывалось 14-ю рабочими—8-ю дѣвками и 6-ю парнями подъ управленіемъ Л. Отточованнаго и А. Зосоменка—сукно изъ тонкой шерсти и шло частью въ продажу въ Ромны, частью изнашивалось домашними. Былъ и свой портной К. Бурякъ, ученикъ знаменитаго нѣкогда Гросса. Фрукты изъ сада, которымъ завѣдывалъ садовникъ В. Рѣдька, запродавались на деревьяхъ или сбывались на пирятинскомъ и лубенскомъ рынкахъ. Крестьянъ при всѣхъ имѣніяхъ числилось 273 человѣка ревизскихъ. Теперь ихъ въ однихъ Тимкахъ 787 душъ мужчинъ и женщинъ, распредѣленныхъ такимъ образомъ: въ старѣйшей части села, отъ царины живутъ: Бигуны, Гаркавенки, Мирные, Николаенки, Сухенки, Шовкоплясы, Шуляки и Черненки, на Закути—Бондаренки и Стрильци, и на Новоселовкѣ, къ Яблонову,—Сердюки и однофамильцы перечисленныхъ жителей. Нѣкоторыя фамиліи указываютъ на лазорское происхожденіе предковъ. При крѣпостномъ правѣ крестьяне не отрабатывали тридневку. Въ косовицу выходило до 100 косарей, которымъ, кромѣ обычныхъ галушокъ и кулиша съ рыбой, давалось по рыбѣ каждому, и по осьминѣ водки трижды въ день, а атаману—двойное количество. Уборка хлѣба производилась на общемъ основаніи съ 3-го снопа. Крестьяне жили зажиточно, не хуже средней руки

козаковъ: у многихъ было по парѣ воловъ и даже по лошади. Воспоминанія старыхъ крестьянъ изображаютъ покойнаго лубенскаго маршала справедливымъ и гуманнымъ помѣщикомъ. Въ трудныя минуты онъ поддерживалъ крестьянъ хлѣбомъ и надѣлялъ скотомъ. «Дмитрій Ивановичъ не обижавъ людей. Бувало дасть хазяину пару воливъ, шобъ хазяйнувавъ. Хазяинъ той каже перегодомъ: «У мене уже воливъ нема.—А дежъ?—Одынъ однявсь, а другого продавъ та дитямъ хлиба купывъ.—Ты пропывъ.—Роспытайте людей. Ну, дае опять панъ вспомоществованіе». Для больныхъ крестьянъ держалась аптека и фельдшеръ Х. Скрилецъ, учившійся въ Лубнахъ у доктора Волкова, обязанный ежедневно обходить село и лѣчить больныхъ. Въ случаѣ тяжкой болѣзни приглашался докторъ Волковъ изъ Лубенъ. Дмитрій Ивановичъ скончался въ 1843 году, оплаканный крестьянами, оставивъ семилѣтняго сына на попеченіи вдовы Анны Львовны, урожденной Огранович. Михаилъ Дмитріевичъ по окончаніи образованія провелъ всю жизнь въ Лубенщинѣ. Онъ наслѣдовалъ какъ рыцарскія черты характера предковъ—искренность, прямоту, такъ и гуманное отношеніе къ крестьянамъ, почему былъ любимъ послѣдними, также козаками и передовымъ дворянствомъ, избирался въ гласные, а иногда замѣщалъ предводителя какъ его кандидатъ. При освобожденіи крестьянъ отъ крѣпостной зависимости далъ имъ обширный выгонъ, хорошія усадьбы, прилегающія къ рѣкѣ и земли вблизи села, чѣмъ невыгодно растянулъ экономическую землю. Добрыя отношенія къ крестьянамъ поддерживались до самой смерти въ 1896 году. Прахъ его заключенъ въ фамильномъ склепѣ подъ церковью въ Тимкахъ.

Смежное съ Тимками село Рудка получило названіе отъ слова рудка, означающаго—по разъясненію А. М. Лазаревскаго [1])—обсыхающую лѣтомъ ложбину рѣки съ ржавыми лужами. Какъ сказано выше, она также входила въ Боярщину, о чемъ свидѣтельствуетъ, между прочимъ, и мѣстная Покровская церковь, построенная въ 1775 г. секундъ-майоромъ Иваномъ Боярскимъ,

---

[1]) Прилукск. полкъ. «Кіев. Ст.», 1900 VII, VIII, прил. 57.

вмѣстѣ съ эсауломъ Георгіемъ Троцкимъ [1]), въ видѣ корабля, непропорціонально узкаго въ сравненіи съ высотой. Прежде со входа она была съ потолкомъ. Внутри церкви замѣчательна копія Почаевской Божьей Матери [2]) съ надписью: «Сію икону Пресвятой Богородицы древнюю, отъ предковъ оставшуюсь, и кіотъ отмѣнилъ рабъ Божій Василій Юрьевичъ Троцкій премеръ (sic) маіоръ въ храмѣ св. Покровы въ селѣ Рудкѣ, которая поставлена по его желанію на лѣвой сторонѣ въ притворѣ 1897 года, 27 марта. Въ оной ризѣ отъ благоговѣнія приложилъ серебра одинъ фунтъ Никифоръ Ивановичъ Кодинецъ, бунчуковый товарищъ. Всего серебра на ризу дано три фунта». Кромѣ того въ церкви хранятся еще три старыхъ иконы Богоматери: копія Юсковской, лохвицкаго уѣзда, спускная, пожертвованная въ 1835 году Пелагеей Ограновичъ, и Одигитрія—въ алтарѣ. На погостѣ—могилы Боярскихъ и саркофагъ въ видѣ удлиненной пирамиды надъ Сапковской. Рудка подраздѣляется на два владѣнія, изъ которыхъ одно сохранилось въ потомствѣ помѣщика Л. Г. Ограновича, уже прекращающемся въ мужскомъ колѣнѣ; другое же давно переходитъ изъ рукъ въ руки. Нѣкогда оно принадлежало прилукскимъ помѣщикамъ Галенковскимъ [3]). Изъ нихъ Аркадій Осиповичъ, женатый на Н. Л. Чертовой, женщинѣ необыкновенной красоты, выдалъ дочерей замужъ: Надежду Аркадьевну за М. Д. Боярскаго, а Елизавету Аркадьевну за Г. М. Астряба, уроженца Галиціи. Затѣмъ Рудка перешла къ Щербакамъ, а отъ нихъ къ М. Е. Скаржинскому. Рудковская церковь стоитъ на краю села. Отъ нея продольная улица—Григоровщына, заселена съ одной стороны крестьянами: Басами, Богушами, Махинами и Сербинами, а съ другой: Кибцями, Кириченками, Муравчиками,

---

[1]) Грановскій. Полт. епар. 416.

[2]) Почаевской слѣдуетъ признать эту икону, между прочимъ, по положенію младенца Іисуса на правой рукѣ Богоматери, тогда какъ во всѣхъ другихъ изображеніяхъ Богоматерь держитъ младенца на лѣвой рукѣ, какъ всѣ матери.

[3]) Лазаревскій. Прил. полк. «Кіев. Ст.», 1901 г., XII, прил. 123.

Наточіями и Романюками. Слѣдующая часть села вокругъ усадьбы Ограновичей, такъ называемая Гранивщына, населена до усадьбы: Буцями, Буйными, Гуринами, Козыренками, Махновскими, Ратниченками и Хижняками, и за усадьбой: Даценками, Иченскими, Мартыненками, Мякотами. Всѣхъ жителей 1600. Обѣ экономіи были при крѣпостномъ правѣ— по разсказамъ крестьянъ—приблизительно одинаковы; въ обѣихъ имѣлось по нѣсколько плуговъ, коровье стадо, табуны. Люди были на половину тяглые, обязанные пахать и свозить хлѣбъ, а пѣшіе зажинали за 3-й снопъ. Надѣлъ полученъ среднiй. Теперь земля сдается крестьянамъ по 10—12 руб. десятина съ обязанностью убрать десятину экономической земли въ счетъ платы за цѣну 4—5 руб.

Послѣдняя деревня лубенскаго уѣзда на пирятинскомъ рубежѣ Высокій Горбъ, часть которой называется Александровкой, протянулась линіей вдоль дороги. Осажденная Боярскими, она вскорѣ перешла въ фамилію Троцкихъ, обладавшихъ еще Лазорками въ лубенскомъ, Повстинымъ и Березовымъ въ пирятинскомъ уѣздахъ. Одинъ изъ Троцкихъ, Максимъ, былъ въ 1710—1719 г. лубенскимъ полковымъ судьей, [1]) но затѣмъ фамилія эта, оставивъ лубенскій уѣздъ, сосредоточивается въ пирятинскомъ, а Высокій Горбъ отходитъ за дочерью В. Ю Троцкаго, Анной, въ приданое Островскому. Благодарная дочь устроила въ 1854 году церковь пророчицы Анны на гробахъ родителей, въ настоящее время приписную къ Рудкѣ [2]). Форма церкви—правильный крестъ, иконостасъ голубой, иконъ немного. Въ ней хранится старинный серебряный крестъ съ частицами мощей. О старомъ житьѣ-бытьѣ крестьяне разсказываютъ: «Пидъ Троцького пидходылы, тутъ мало ёго крипосныхъ, уси пидхожи. Трудно було жыть козакамъ, платежи булы велыки: одъ оконка платылы, а паны давалы земли скилькы хочъ пахать. Троцькый утишався людьмы якъ своимы дитьмы. У Горбы пидийшлы: Калыны зъ-за Пырятына, Журьбы зъ Карпыливкы, Дерезы, Задорожни зъ

---

[1]) Лазаревскій. Ист. оч. Полт. Луб. 75.

[2]) Грановскій. Полт. епарх. 416.

Лытвы, Галенкы, Кутови, Недоборы, Ночовки, Никули, Рынди, Соняшни, Шкурки и Шути, а въ Александровку: Корчуби, Латыши, Лушни, Мусіенки, Третяки, Черепановы—изъ Казани. Усихъ теперъ 400 душъ. Почты уси булы тяглы. Таки булы хазяины, що и жеребцивъ держалы на конюшни». У В. Ю. Троцкаго было значительное состояніе, заключавшееся въ 3000 десят., топчакѣ, винокурнѣ, 10 плугахъ, стадѣ въ 100 головъ при нѣсколькихъ быкахъ, табунѣ въ 150 матокъ, преимущественно рыжихъ, съ 6-ю жеребцами. Потомъ его экономіи раздробились и обѣднѣли. Обѣднѣли крестьяне Высокого Горба и стали пѣшими. Но имъ не выдавался 3-й снопъ, какъ повсемѣстно, а по окончательной уборкѣ хлѣба весь онъ сохранялся у помѣщика (Островскаго), крестьянамъ же назначалось по 2 п. на каждаго ежемѣсячно. Такая мѣсячина только и встрѣчалась въ этомъ удаленномъ уголкѣ Лубенщины.

Настоящей статьей оканчивается рядъ очерковъ лубенскаго уѣзда, напечатанныхъ въ «Кіевской Старинѣ» подъ различными названіями: «Снѣтинская старина», «Къ вопросу о колонизаціи Посулья въ XVI и XVII в.», «Лѣсная Лубенщина» и «Средняя Лубенщина». Въ этихъ очеркахъ изображалась по возможности природа, типъ населенія, прошедшая и настоящая жизнь каждаго поселка, кромѣ города, требующаго отдѣльнаго изученія, въ ихъ разнообразной индивидуальности. По наблюденію же геологовъ и статистиковъ, общій видъ природы лубенскаго уѣзда, мѣстности и почвы, какъ извѣстно въ значительной степени опредѣляющихъ характеръ населенія, предрѣшающихъ и направляющихъ его дѣятельность,—отличается разнообразіемъ. Такъ, сѣверовосточный уголъ уѣзда, орошенный Сулой, частью суглинистый, частью супесчаный, изобилуетъ садами, лугами и холмами, между прочимъ и Исачковскимъ roche moutonnée съ сплошной глыбой діабаза. Южнѣе, за Комышанской дорогой, этотъ участокъ переходитъ въ степь, сначала волнистую и тучную, потомъ, къ Лубнамъ, солонцоватую и песчаную. Сѣверная часть уѣзда между Удаемъ и Луб-

нами полна рощъ и лѣсовъ—настоящая страна садовъ и прозрачныхъ ключей; къ югу же отъ Лубенъ садовъ и рощъ меньше; здѣсь глазамъ представляются одни лишь вѣтвящіеся во всѣ стороны овраги Такой же обнаженный и печальный видъ имѣетъ предстепье и берега Слѣпорода, за которымъ къ югу вдоль торфяныхъ долинъ Оржицы и Чумгака разстилаются широкія, безбрежныя степи, съ востока ограниченныя Сулой, съ юга и запада сливающіяся съ золотоношскими и пирятинскими степями. Какъ въ началѣ славянской колонизаціи этого края, такъ и потомъ, почти въ теченіе всего героическаго періода малорусской исторіи, жизнь ютилась въ защищенныхъ самой природой углахъ. Всѣ лѣтописные городки по Сулѣ: Снѣтинъ, Лубны, Лукомль, также Оржица и Яблоновъ по Оржицѣ выстроены почти по одному плану: на гористомъ выступѣ берега, [1]) окруженномъ съ двухъ-трехъ сторонъ водой, а съ остальной примыкающемъ къ степи перешейкомъ, прегражденнымъ валомъ, иногда широкимъ рвомъ, наполненнымъ водой. И позднѣйшія поселенія: Денисовка, Карпиловка, Онишки, тѣснились на полуостровахъ, на островахъ даже, какъ Лушники. Гдѣ не было такихъ природныхъ закрытій, тамъ села строились сообразно условіямъ мѣстности или линіей по берегамъ рѣкъ на взгорьи, какъ: Шеки, Мгарь, Лука, Біевцы, Мацковцы и др., или кругами и полукругами, какъ Литвяки, Юсковцы, Остановка и т. д. Такимъ образомъ, главными условіями существованія поселенія предки признавали защищенность мѣстности и близость воды. Кромѣ природныхъ защитъ, поселенія охранялись еще сторожевыми курганами, на которыхъ стояли конные сторожа и наклоненіемъ значка на село объявляли о набѣгѣ. По этому знаку народъ скрывался за валы, а гдѣ ихъ не было—за рѣку, въ недоступные конницѣ лѣса и болота.

Переходя къ изслѣдованію самаго населенія Лубенщины, прежде всего представляется вопросъ о томъ: осталась ли какая-нибудь жизнь въ окрестностяхъ древнѣйшихъ славянскихъ поселеній великокняжескаго періода послѣ погрома ихъ татарами въ

---

[1]) Сравн. Бопланъ. Опис. Укр. 11.

XIII в., или вся Лубенщина въ теченіе цѣлыхъ столѣтій была пустыней? Въ подтвержденіе сохраненія древнѣйшаго населенія Переяславской Украины изслѣдователи [1]) приводятъ фактъ сохраненія лѣтописныхъ названій городовъ и селъ, переданныхъ потомкамъ скрывшимися въ укромныхъ мѣстахъ жителями. Но такихъ лѣтописныхъ названій въ Лубенщинѣ сохранилось немного, большинство же названій селъ, ихъ частей, окрестныхъ урочищъ, собранныхъ и приведенныхъ мною въ настоящихъ очеркахъ въ значительномъ числѣ, получились недавно или отъ свойствъ почвы и мѣстности, или отъ именъ осадчихъ и владѣльцевъ, сравнительно недавнихъ. Притомъ лишь нѣсколько поселеній отновлено, большинство же построилось на новыхъ мѣстахъ, а не на старыхъ городищахъ и селищахъ, зачастую лежащихъ неподалеку. Напротивъ, всѣ историческія, письменныя свидѣтельства говорятъ о совершенномъ запустѣніи Переяславскаго края и въ томъ числѣ Лубенщины, бывшихъ послѣ разоренія лишь татарскимъ кочевьемъ и только позже временно посѣщаемыхъ козаками охотниками. Но и козацкая, и послѣдующая панская колонизація подвигались туго [2]), и только со временъ Богдана Хмельницкаго, а особенно въ такъ называемую руину, цѣлыя толпы народа перешли на лѣвый берегъ Днѣпра. «Въ 1674 году, послѣ турецкихъ опустошеній, сёгобочная Украина до того малолюдная, тогобочными людьми украинскими наполнилася и умножилася»,— говоритъ Величко [3]). Такъ что изслѣдователю прошлой народной жизни Лубенщины, кромѣ поставленнаго выше вопроса о сохраненіи остатковъ первоначальнаго славянскаго населенія въ краѣ, естественно представляется новый: откуда пришли новые поселенцы при Вишневецкихъ и послѣ? Этотъ послѣдній вопросъ легче поддается рѣшенію, чѣмъ первый, а именно: какъ письменныя данныя, такъ и сходство историческихъ сказаній, обрядовъ и пѣсенъ, уцѣлѣвшія воспоминанія о переселеніи, особенности рѣчи и мѣстныя названія приводятъ къ заключенію, что въ составѣ населенія нынѣшней Лубенщины замѣтны элементы:

---

[1]) См. Лясоронскій. Ист. Пер. зем. 179, 201, 404, 425, 486.

[2]) И. В. Лучицкій. Слѣды общ. землевл. въ Отеч. Зап. 1882 г., XI, 98.

[3]) Лѣтоп. 356.

кіевскій, черниговскій, сѣверно-малорусскій, частью бѣлорусскій [1]), также въ незначительной степени: волынскій, подольскій, польскій, сербскій, валашскій и восточный. Затѣмъ оба вида колонизаціи—козацкій и панскій—продолжались и въ XVIII в. передвиженіемъ козаковъ съ сѣвернаго лѣсного участка на югъ и переводомъ преемниками Вишневецкихъ—Новицкими, Орѣховскими, Кулябками, Боярскими и др.—крестьянъ изъ сосѣднихъ уѣздовъ въ степи. Съ размноженіемъ населенія путемъ такого разселенія и естественнаго прироста соединилось и другое связанное съ нимъ явленіе: разложеніе разнообразной по типамъ, обрядамъ, народному творчеству, но болѣе однородной по соціальному положенію народной массы на сословія: панское, козачье и крестьянское. Въ героическій періодъ малорусской исторіи козацкое сословіе, окрѣпшее духовно и физически на просторѣ степей въ безпрестанныхъ войнахъ и отраженіи набѣговъ, получаетъ преобладаніе въ краѣ. Уже войско Павлюка состояло большею частью изъ жителей лубенскихъ имѣній Вишневецкихъ. Затѣмъ наканунѣ возстанія отобрано было у жителей Вишневеччины нѣсколько тысячъ самопаловъ; но всё же въ 1648 году народъ отсюда толпами бѣжалъ къ Хмельницкому. И самъ Богданъ приказалъ набирать въ реестръ преимущественно жителей изъ Вишневеччины, а при Выговскомъ лубенцы составляли зерно Запорожья [2]). Съ переходомъ героическаго періода малорусской исторіи, послѣ неудачной вспышки Мазепы, въ новый періодъ—хозяйственный, рядовое козачество, хотя и отходитъ на второй планъ, уступая дорогу вновь образовавшемуся изъ старшины панскому сословію, но не исчезаетъ вполнѣ, а, занявъ пересѣченную, неудобную для крупной собственности центральную часть уѣзда, также участки въ долинахъ Сулы и Удая и большую половину южной Лубенщины, образовало классъ свободныхъ мелкихъ, частью среднихъ собственниковъ; классъ способный къ культурѣ,

---

[1]) Кулишъ. Ист. возсоед. Руси. II, 22.

[2]) Соловьевъ. Малор. козач. до Хмельн. въ Рус. Вѣст. 1859 г. IX, кн. 2, 177—196. Кулишъ. Польск. колон. Ю. З. Руси, Вѣстн. Евр. 1874 г., III, 539. Костомаровъ: Борьба коз. съ Польш. 247., Б. Хмельн. I., 171, и Гетм. Выговск. въ Основѣ 1861 г., IV, 26.

богатый непочатыми силами, какъ показываетъ примѣръ М. Т. Симонова, и таящій въ себѣ зерно будущаго. Паны заняли сѣверовосточный уголъ уѣзда, восточную, часть южной, западную степи, преимущественно окраины уѣзда и только отдѣльныя владѣнія средняго участка. На первыхъ порахъ хозяйство пановъ и козаковъ складывалось по одному образцу. Земля пахалась четырехпарнымъ плугомъ древнеримскаго образца въ размѣрѣ, необходимомъ для прокормленія, обезпеченія будущаго урожая и выкуриванія вина. Излишекъ урожая даже и не снимался козаками [1]). Народныя воспоминанія, документы, приведенные въ «Средней Лубенщинѣ», и указанія въ дневникѣ Маркевича приводятъ къ убѣжденію о преобладаніи скотоводства одинаково во всѣхъ частяхъ лубенскаго уѣзда. До самаго размежеванія, выдѣлившаго отдѣльные, отрубные куски изъ общихъ смѣнъ, по послѣднимъ свободно бродили табуны и стада. Даже надзоръ за ними не поручался первоначально особымъ пастухамъ, а лежалъ на обязанности каждаго хозяина поочередно, только потомъ выдѣлились пастухи, получавшіе 5—10-е овечье руно, хлѣбъ и деньги за свой трудъ. Какъ хозяйство панское и козачье были одного и того же образца, такъ и отношенія хозяевъ къ рабочимъ въ обоихъ случаяхъ были одни и тѣ же. Отношеніе старѣйшихъ пановъ къ крестьянамъ постоянно опредѣляется выраженіемъ: «воны втишалысь людьмы, якъ дитьмы». Допуская извѣстную идеализацію этихъ отношеній въ крестьянскихъ воспоминаніяхъ, все же необходимо допустить, что паны и крестьяне должны были согласовать свои интересы въ виду вольнаго перехода, при которомъ хозяинъ могъ лишиться рабочихъ, а послѣдніе—всего нажитого имущества. Но даже и отмѣна вольного перехода и закрѣпощеніе крестьянъ, стѣснивъ и поработивъ личность, оставили въ большинствѣ случаевъ безъ измѣненія чисто экономическія отношенія, и мѣстное крѣпостное состояніе до самаго освобожденія можетъ быть формулировано, какъ подневольное сельско-хозяйственное сотрудничество съ разверстаніемъ урожая въ двухъ третяхъ хозяину и въ одной трети рабочему.

В. Милорадовичъ.

---

[1]) Тепловъ. Зап. Въ Записк. о Южн. Руси Кулиша. 181, 182.

Останній Гирей [1].

I.

Давно колысь довелося мени зайихаты у Жванець, що на Днистри.

За тыхъ часивъ, якъ Бессарабія належала до Турціи, а Подилля до Польщы, Жванець стоявъ на самій граныци тыхъ двохъ державъ, и бувъ тамъ сыльный замокъ, видъ якого теперъ лышылысь тильки руины. Нема вже дидивъ тыхъ, що памьяталы часы польского панування,—лышъ такъ де-що розсказують стари люде про ти стародавни подіи, про яки чулы видъ своихъ батькивъ та дидивъ, та старезне, порепане каминня руинъ, поросле мохомъ, показуе, що колысь тамъ луналы боёви крыкы, гремилы рушныци та гарматы, лылася кровъ хрыстыянська та турецька...

Давно це було и мохомъ вже поросло.

Панувалы колысь у Жванци польськи магнаты: Калыновськи, Лянцкороньськи, Іорданы, а теперъ те мистечко безпаньське, и сыдять въ ёму жыды, що скуповують по околыцяхъ пшеныцю и сплавляють іи Днистромъ.

Зацикавывшысь Жванецькымы руинамы, я взявъ соби за провидныка Гершка-фактора и пійшовъ зъ нымъ по всихъ цикавыхъ закуткахъ старого городыща. Гершъ розсказувавъ мени

---

[1]) Переказано за Ролле, Лашковымъ та инш.

про ти подіи, яки ще держалысь у памьяти Жванецькыхъ старожылыхъ людей.

Оглядивши все, що було для мене цикаве, я думавъ вже вертатысь до свого зайизду, колы мій провидныкъ, довидавшысь въ розмови зо мною, що я ликарь, звернувся до мене зъ несмилывымъ проханнямъ.

— Пане... пане дохторе! Що я васъ попрошу, не прогнивайтесь...

— Ну?—спытавъ я.

— Зробить ласку, зробить Божеську мылость: туть йе одынъ бидный жыдокъ, такый бидный!.. Може-бъ вы потрудылысь до ёго, тутъ недалечко: винъ вже мисяць лежыть, такый слабый, несчасный!.. Будьте таки ласкави...

— Добре,—згодывся я.—Веды. А чымъ винъ недужый?

— Хиба я знаю? Де ёму взяты дохтора, або ликарства, колы винъ хлиба немае? Я такъ думаю, що у ёго певне сухоты—чехотка...

— А чымъ винъ заробляе?—спытавъ я.

— Тутъ, пры сплавахъ, вирныкомъ бувъ, хлибъ нагружавъ.

Гершко вивъ мене черезъ майданъ на край мистечка.

— Ось ёго хата,—показавъ винъ.

Окремо видъ иншыхъ жыдивськыхъ хатынокъ стояла нужденна, вбога хыжка, що почынала вже входыты у землю; латани виконця и двери іи покрывылысь, чорна стриха облизла и свитыла дирамы, облуплени руди стины давно вже не зналы глыны та вапна. Хатка стояла одыноко, мовъ вдова, або сырота, виддаля видъ иншыхъ хатъ, хочъ тако-жъ убогыхъ та облупленыхъ, але прытуленыхъ одна до однои, наче одна ридна громадка.

Увійшовшы въ ту хатку—нызеньку, зъ крывою горбатою стелею, я побачывъ у темному, зацвилому кутку хворого, що лежавъ на шырокому лижку, застеленому якымсь лахмиттямъ.

Це бувъ страшенно худый, довгый чоловикъ, зъ дуже темнымъ облыччямъ, сывымъ кучерявымъ волоссямъ и риденькою сывою бородою. Складъ лыця ёго бувъ незвычайный, не жыдив-

ськый: шыроки вылыци, пласкатый нисъ, вузеньки, укисни очи, що свитылысь видъ гарячкы, мовъ дви жарынкы, невысоке чоло— все те нагадало мени монгольськи типы, яки доводылось бачыты у Крыму, та за Ураломъ. Хворый важко дыхавъ и мигъ говорыты лышъ зъ перервамы, дуже сыплымъ голосомъ, бо не ставало ёму духу и мучывъ кашель. Здалека чутно було, якъ клокотило щось у ёго грудяхъ и свыстилы та шыпилы тамъ зловищи пыщыкы.

Недовго треба було мени прыслухатысь та миркуваты, щобъ перевирытысь, що Гершъ-провидныкъ сказавъ правду: у хворого булы сухоты, та такъ ёго высушылы воны та высналкылы, що вже не бильшъ тыжня, або двохъ можна було личыты ёго жыття. Зъ тяжкымъ серцемъ мусивъ я прызнатысь, що тутъ уже вся ликарська наука безсыльна,—хыба що тильки можно було трохы зменшыты ёму кашель та облегчыты задышку.

Запысуючы хворому ликарство, я спытавъ, якъ ёго звуть, и здывувався, почувшы зовсимъ не жыдивське прызвысько—Татарчукъ. Мымохить перепытавъ я у друге.

— Татарчукъ... Ёсь Татарчукъ,—сказалы мени.

Зновъ глянувъ я на хворого—якась дывна, незвычайна загадка була для мене: чысто-монгольськи рысы облыччя, прызвысько Татарчукъ...

Я выйшовъ зъ убогои хыжкы. Передъ очыма у мене ще манячыло те чудне облыччя, а въ ушахъ брепило не меншъ чудне прызвысько.

Татарчукивъ чымало трапляется середъ подильськыхъ селянъ по-надъ Днистромъ. Колысь, у давни часы, ихъ мабудь було ще бильше, але за польського панування багато Татарчукивъ перемпнылось у Татаржыньськыхъ, Татаровичивъ, Татаровськыхъ. Ричъ звычайна: усмихнется доля, погрубшае калытка—та й соромъ стае старого, дидивського прызвыща, кортыть переминыты просте на панське. Але щобъ жыдъ мавъ селяньське, бодай чы не козацьке прызвыще—того я ще доси не чувавъ.

Такъ роздумуючы, йшовъ я Жванецькымъ майданомъ, колы дигнавъ мене Гершъ-провидныкъ.

— Що вы скажете, пане дохторе, про слабого?—спытавъ винъ.

— Погано, голубе!—зитхнувъ я.

— Сухоты?

— Эге.

— Такъ що нема вже надіи?

— Нема... Скажы мени, Гершку,—спытавъ я згодомъ,—якымъ воно чыномъ сталося, що жыдъ мае селяньське, «гойше» [1]) прызвысько Татарчукъ? Такого я зроду не чувъ.

— Хе!—усмихнувся Гершъ,—воно справди дывно...

— Дывно-жъ,—казавъ я.—Чувавъ я жыдивськи прызвыська: Бондаръ, Коваль—то воно ричъ звычайна, бо бувають жыды ковали та бондари. Але Татарчукъ...

— Бо я вамъ скажу, пане дохторе,—почавъ Гершъ поважнымъ, трохы таемнычымъ тономъ:—винъ не простый жыдъ, якъ вси, винъ высокого роду.

— Высокого роду?—здывувався я.

— Эге. Стари люде розсказують, що туть у Жванци дуже давно, може сто литъ, може бильше—я не знаю, жывъ турецькый князь. Ну, то винъ уподобавъ соби одну жыдивочку, що гарна була дуже, тай взявъ іи за жинку. То вона, выходыть, була прабабка ось того Ёся Татарчука. Бувъ у неи зъ тымъ турецькымъ княземъ сынъ, и пійшлы видъ того сына Татарчукы.

— Якъ же винъ попавъ у таки злыдни та убожество, колы винъ княжого роду?—спытавъ я.

— Ну, я вже того не знаю,—видповивъ Гершъ.—Хиба воно не бувае на свити, що багатый зубожіе тай иде зъ торбамы, а якыйсь злыдарь, паршывый—розбагатіе такъ, що паны ёму кланяются?

— Бувае,—згодывся я.—А щожъ зъ тымъ княземъ сталося?

— Чы я знаю? може вмеръ, може вбылы на війни... Давно це було. Оцей Ёсь—винъ вже останній зъ того роду, бо нема у ёго ни дитей, ни бративъ, ни сестеръ. Колысь винъ йиздывъ у Турцію, чы куды—шукать свого роду. Це вже за моеи

---

[1]) Хрыстыяньське.

памьяти було. Мавъ винъ якись паперы, документы, то думавъ, що може знайде що—чы маєтки яки, чы гроши—пислят того князя. Ну йиздывъ, шукавъ, та мабуть ничого зъ того не выйшло, бо вернувся винъ такый сумный—ажъ чорный. Никому ничого не розсказувавъ тай ставъ знову за фактора пры сплавахъ та галерахъ. Отутъ винъ и хоробу соби прыдбавъ, бо це робота тяжка: и мокнуты, и мерзнуты по цилыхъ днях доводытся. Лыхо тай годи!—зитхнувъ Гершъ.—То вы кажете, пане, що зъ ёго вже ничого не буде?

— Ничого. Хочъ якыхъ хочете дохторивъ зберить, то вже ёму новыхъ легкыхъ не вставлять...

Гершкове оповидання про Татарчука не завдовольныло моеи цикавости. Якось навить и не йнявъ я ёму виры, бо дывно мени було, що у поганенькому мистечку, у якійсь нуждениій нори вмирае въ убожестви та голоди потомокъ якогось «турецького князя».

Але литъ черезъ двадцять пислят смерти Ёся Татарчука я перевирывся, що въ оповиданни про ёго, яке я чувъ видъ Гершка, було багато правды.

II.

Въ 18 столитти почалысь змагання Россіи здобуты соби выхидъ на пивденне Чорне море, а такожъ забезпечыты соби у власнисть багати пивденни степы, сумежни зъ Украиною, яка тоди вже втратыла була свою самостійнисть. На Чорному мори и ёго берегахъ хазяйнувалы туркы та крымськи татары, а у пивденныхъ степахъ—ногайськи татарськи орды.

Завелась війна Россіи зъ Турціею. Царыця Катерына задумала выдилыты Крымъ та ногайцивъ видъ Турціи въ окрему самостійну Крымську державу, щобъ такымъ чыномъ ослабыты Турцію, «видирваты у неи праву руку», якъ пысала Катерына Панинови, що командувавъ тоди пивденною россійською арміею. Зъ невелыкою Крымською державою легче було-бъ даты раду, нижъ зъ могутною тоди Турціею.

Саме тоди выступывъ на политычну арену Шагинъ-Гирей, чкый пизнійше бувъ самостійнымъ, але й останнимъ крымськымъ ханомъ.

Дывне, незвычайне було жыття того хана: здобувшы соби велыку, якъ на ти часы, науку та освиту, винъ вразъ зъ тымъ не збувся своихъ дыкыхъ азіатськыхъ звычаивъ; бажаючы просвитыты и своихъ дыкыхъ пидданныхъ свитломъ европейськои наукы и звычаивъ, винъ робывъ це нелюдськымы, азіатськымы способамы. Помазанець зъ воли Аллаха, винъ вирывъ, що одного ёго самовластного бажання стане на те, щобъ все подіялось по ёго думци. Винъ знавъ исторію, знавъ добре, чому впалы велыки державы—Вавилонъ, Персія, Греція та Рымъ; знавъ якъ зрослы и сталы могутнымы нови европейськи народы, а про те у себе не гадавъ навить, що, выйнявшы необережно одну цеглыну зъ виковичнои будивли старыхъ звычаивъ, винъ може завалыты іи. Воно-жъ такъ и сталося: впала велыка татарська держава колышнихъ завоёвныкивъ и, надаючы, прыдавыла и ёго, останнёго нащадка гризного Чингизхана.

Шагинъ-Гирей родывся року 1746 въ Адріанополи, у Румеліи, де Гиреи малы свои родови маеткы. Рано винъ лышывся сыротою писля смерти батька свого, крымського хана Махметъ-Гирея. Маты Шагинова, итальянка родомъ, вывезла ёго зъ Адріанополя у Салоникы, бо боялась за ёго жыття: тоди часто бувало, що наслидныкивъ державы зводылы зо свиту всякымы способамы ихъ родычы, щобъ не стоялы имъ поперекъ дорогы. Салоникы у ту пору булы осередкомъ торгивли у Македоніи и стягалы до себе купцивъ зъ усихъ европейськыхъ державъ: Англіи, Франціи, Италіи, Гишпаніи, Нимцивъ. Вдова ханська зъумила зацикавыты свого сына освитою та наукою Захиднои Европы; до того жъ винъ бувъ дуже кебетный та цикавый. Такымъ чыномъ молодый Шагинъ жывъ свои дытячи лита середъ освиченныхъ заморськыхъ купцивъ та мандривныкивъ, багато де чого навчывся и такъ вподобавъ соби науку, що колы на 16 годи ёго жыття вмерла ёго маты, то винъ перебрався жыты у Венецію, щобъ бильшу ще змогу маты вчытысь. Тоди вже винъ знавъ добре грецьку, ла-

тынську, итальянську та французську мову, арабську знавъ ще зъ малечку, а російськои навчывся пизнійше, прожываючы у Петербурзи.

«Вельмы здывувався я, колы ёго ханська мылость зволывъ промовыты до мене мовою латынською, та ще такъ expedite (гарно), мовъ бы якый Цицеронъ»,—такъ пысавъ пизнійше про Шагина до Тульчынського воеводы Потоцького Квяткевычъ, ёго посолъ до крымського хана та козакивъ.

У Венеціи прожывъ Шагинъ до 20 году свого жыття, колы дядько его, тодишній крымськый ханъ Керимъ-Гирей, людына такожъ освичена и поступова, поклыкавъ ёго до себе. Керимъ-Гирей дуже любывъ свого небожа и назначывъ ёго калгою и сераскиромъ всихъ нагайськыхъ ордъ. Ти орды жылы у прыморськыхъ пивденныхъ степахъ видъ гырлъ Дунная ажъ до Кубани, и було ихъ чотыри: буджацька, едысанська, едичкульська и джамбулуцька. Шагинъ оселывся у едысанцивъ, яки жылы у теперешній пивденній Херсонщыни, мижъ Днистромъ та Днипромъ. Ногайци дуже полюбылы и шанувалы свого молодого воеводу за ёго розумъ, смилывисть и тверду волю. Шагинъ дуже дбавъ про порядокъ и справедлывисть въ ордахъ, старався залучаты торговыхъ людей зъ чужыхъ земель та зъ Турціи, щобъ завьязаты зъ ными постійну торгивлю, хотивъ завесты и кращый европейськый ладъ у війську, але зъ тымъ ёму не посчастыло, бо трудно було переробыты дыки, кочови звычаи татаривъ.

Жывъ винъ просто, трохы на европейськый ладъ, одягався не пышно, не державъ гарема, обидавъ пры столи, а не доли—на кылымы, якъ звыклы татары: дуже кохався у ловахъ, найбильше зъ хортамы та соколамы. Вси ханськи прыказы выповнявъ докладно, але при двори, у Бахчысараи, бувавъ не часто, бо старшына ханська недобрымъ окомъ дывылась на ёго, маючы ёго за противныка стародавнихъ звычаивъ. Не любылы ёго такожъ и за те, що винъ тягнувъ до Россіи: Панинъ зумивъ нахылыты на свою сторону Шагина, та ще едысанського мурзу Джанъ-Мамбета, и перевирыты ихъ, що россійськый урядъ, бажаючы добра татарамъ и вичного ладу мижъ ными та Россіею, хоче вызволыты

ихъ зъ пидъ турецькои власти и зробыты самостійне, могутне Крымське ханство.

Але недовго бувъ Шагинъ ногайськымъ сераскиромъ. Почалась війна Россіи зъ Турціею, и саме тоди вмеръ Керимъ-Гирей ханъ.

Новый ханъ Селимъ-Гирей, ставленный Турціею, бувъ не прыхыльный до Россіи. Тягнучы за Турціею, винъ пославъ ногайцивъ руйнуваты Украину, а Шагина заклыкавъ у Бахчисарай. Ногайцямъ бувъ назначеный новый сераскиръ. Війна 1770 року була несчаслыва для Турціи: Румянцевъ розбывъ туркивъ пидъ Ларгою и Кагуломъ, Панинъ взявъ Бендеры и загнавъ далеко поза Днистеръ ногайськи орды—едысанцивъ та буджакивъ.

Ногайци побачылы сылу Россіи и немоць Турціи; Панинови не трудно було теперь нахылыты ихъ до Россіи, бо винъ зайнявъ своимъ військомъ ногайськи степы.

Одныхъ страхомъ, другыхъ пидкупомъ та дарункамы винъ прымусывъ видступытысь видъ Турціи и пидъ тою умовою пропустывъ едысанцивъ та буджакивъ черезъ Днистеръ назадъ у ривни степы.

Тоди Панинъ пославъ скилькохъ прыхыльныхъ ёму мурзъ до едычкуливъ, та джамбулукивъ, ц тп. за прыкладомъ своихъ братывъ—едысанцивъ та буджакивъ, видреклыся видъ Турціи и перейшлы на сторону Россіи.

Зъеднавшы соби ногайськи орды, Панинъ почавъ заходы, щобъ видирваты видъ Турціи и крымськыхъ татаривъ.

Зъ Петербурга бувъ прыказъ Долгорукову рушыты зъ військомъ на Крымъ и сылою прымусыты татаривъ видректыся видъ Турціи и прыстаты до згоды зъ Россіею.

Але попереду була зроблена спроба намовыты татаривъ, щобъ пишлы воны на це зъ добрюи воли.

У Крыму тоди булы велыки розрухы и колотнечи: одни тягнулы за Турціею и за ханомъ Селимомъ-Гиреемъ, що бувъ наставленый зъ Цареграду; други, за прыкладомъ ногайцивъ, тягнулы до Россіи.

Щобъ прыеднаты татаривъ, корыстуючысь тою незгодою, Панинъ пославъ у Крымъ посливъ зъ прыхыльныхъ ордъ: Джанъ-Мамбетового брата—Мавроени, Мелиссу-мурзу та Али-агу, видъ джамбулукивъ.

Хана Селимъ Гирея тоди не було дома: винъ бувъ у турецькій арміи на Дунаи, а мисце его заступавъ паша (наслиднykъ ханськый).

Якъ прыбулы Панинськи послы, паша засадывъ ихъ у тюрму, зибравъ раду зъ татарськыхъ старшынъ та вельможъ, и рада прысудыла на смерть посливъ за те, що прыйихалы воны бунтуваты народъ проты хана: Мавроени повисыты, а Мелиссу-мурзу и Али-агу спалыты жывцемъ. Проты такои постановы выступавъ ришучо Шагинъ-Гирей, якый такожъ бувъ въ ради. Винъ добре розумивъ, що видъ Турціи не можно сподиватысь теперъ пидмогы, бо сылу забрала Россія; винъ вирывъ, що Россія справди хоче утворыты самостійну крымську державу.

Оприче того, добре розуміючы непереможну сылу наукы, освиты та европейськыхъ порядкивъ, винъ мріявъ, що можно буде у незалежній крымській державі завесты европейськый ладъ и пидняты дыкый Крымъ до велыкои, могутнои Чорноморськои имперіи.

Себе одного винъ покладавъ здатнымъ переробыты дыкыхъ кочовныкивъ у освиченыхъ европейцивъ, пидвладный Крымъ зробыты незалежною имперіею, а першою умовою для такои реформы мусила буты незалежнисть Крыма.

Отже теперъ тая незалежнисть, якъ думавъ винъ, сама лизе въ рукы, и конче треба скорыстуватысь такою нагодою. Крimъ того винъ знавъ, що россійськый урядъ, знаючы его прыхыльнисть до себе, поможе ему вступыты на ханськый тронъ.

Мавроени прывизъ намову Панина видступытысь видъ Турціи и, яко самостійній державі, скласты умову зъ Россіею про вичну згоду, а представныкы видъ ногайцивъ—Мелисса-мурза и Али-ага—сповистылы крымськый урядъ державный, що ногайськи орды вже прысталы до такои умовы.

Шагинъ-Гирей у палкій та сыльній промови старався склонытy державну раду до угоды зъ Россіею. Винъ доказувавъ, що

ничого сподиватысь добра видъ Турціи. Россія сама протягае Крымови братню руку и хоче зробыты ёго самостійнымъ. Покаравшы на горло посливъ, державна рада ніякои шкоды не зробыть тымъ Россіи, а соби зъ друга зробыть ворога, и тоди вже ничого буде сподиватысь добра та прыхыльности видъ Россіи.

Шагинову мову пиддержавъ казамеръ-ефенди, старшый мулла, и хочъ мало не вся рада державна була вороже настроена проты Россіи, але посливъ выпустылы на волю и далы имъ до Панина лыста, въ якому хочъ и не приставалы на угоду, але старалысь завирыты въ своихъ добрыхъ почуванняхъ.

Мавроени, кримъ того, повизъ ногайцямъ лыста видъ ихъ колышнёго сераскира. Шагинъ-Гирей хвалывъ ногайцивъ за ихъ прыхыльнисть до Россіи.

У Крыму писля того ще бильше змоглыся розрухы та ворожнеча. А ногайци, одержавшы Шагинового лыста, зибралыся на раду и постановылы выбраты крымськымъ ханомъ Шагина-Гирея. Свою постанову воны объявылы Щербинину, губернатору слободськои губерніи—тобъ то и ногайськыхъ степивъ—и винъ про ту постанову напысавъ у Петербургъ, зъ свого боку пиддержуючы іи.

Але у Петербурзи на ти ногайськи выборы не покладалы велыкои надіи. Ногайцивъ похвалылы за прыхыльнисть, ихъ мурзамъ прыслалы багати дарункы, а Щербинину звелилы поперєводыты ногайськи орды пидъ Днистеръ та пидъ Донъ, щобъ очыстыты видъ ныхъ дорогу до Перекопу для россійського війська.

Долгоруковъ съ сыльною арміею вступывъ у Крымъ и дуже швыдко, безъ велыкои боротьби, позаймавъ вси крымськи городы та твердыни ажъ до Керчи.

Турція прыслала невелыку пидмогу крымцямъ, але ту пидмогу Долгоруковъ видбывъ у Кафи. Селимъ-Гирей видрикся свого ханства и втикъ у Турцію.

Не трудно було вже Долгорукову, маючы весь Крымъ у своихъ рукахъ, прымусыты татаривъ видступытысь видъ Турціи и прыстаты до угоды зъ Россіею.

Забравшы мурзъ та значнійшу старшыну татарську у Карасубазари, винъ прымусывъ ихъ пидпысаты умову и велывъ имъ

выбраты соби нового хана. Выбралы Сагибъ-Гирея, Шагинового старшого брата, а Шагина-Гирея выбралы пашою, тобъ-то наслидныкомъ хана.

Такымъ чыномъ Крымъ зробывся нибы-то самостійною державою, зъ выборнымъ ханомъ, незалежнымъ видъ Турціи, але дуже залежнымъ видъ Россіи. На таки выборы прысталы и ногайци.

Щобъ показаты свою прыхыльнисть до Россіи, новый ханъ пославъ у Петербургъ зъ прысяжнымъ лыстомъ Шагина-Гирея,

Въ кинци падолыста року 1771 Шагинъ-Гирей прыйихавъ у Петербургъ.

Россійськый урядъ поводывся зъ нымъ дуже ласково и прыхыльно: на дорогу ёму було вызначено по 50 карбованцивъ у день, а у Петербурзи далы ёму роскишне помешкання и вызначылы платню по 100 карбованцивъ у день.

У Петербурзи Шагинъ-Гирей видразу прычарувавъ усихъ: молодый, гарнои вроды, розумный, смилывый, зъ европейською освитою та по азіатськи щедрый, винъ зъеднавъ соби прыхыльнисть и пошану у всихъ, кримъ де-якыхъ заздрыхъ прыдворныхъ вельможъ.

Видразу винъ намагався, щобъ министръ царыци пешыр зъявывся до ёго на прывитання—але не добывся того. Потимъ винъ объявывъ, що на аудіенціи у царыци, буде у шапци, бо такый татарськый звычай. На це згодылась царыця и бувъ навить выданый указъ, якымъ дозволялось всимъ магометанамъ буваты у шапкахъ на всихъ послуханняхъ та церемоніяхъ. Зъ царыцею Шагинъ-Гирей говорывъ смилыво и дуже вподобався ій якъ своею вродою, такъ и розумомъ та освитою.

Царыця Катерына пысала до Вольтера: «у насъ теперъ гостюе султанъ-паша, братъ незалежного крымського хана, людына молода, литъ 25, розумный и цикавый до всякои освиты». А у другому лысти: «наслидныкъ крымського хана дуже прыемный татарынъ: гарный зъ себе, розумный, освиченый не по татарськи, пыше виршы, бажае все бачыты и все знаты докладно. Вси ёго полюбылы».

Справди, колы не вси полюбылы, то вси дуже зацикавылысь Шагиномъ-Гиреемъ.

Царыця засыпала ёго дарункамы: дороги шубы та одежи, срибне начыння, брылянтовый перстень, шабля, цвяхована дорогымъ каминнямъ, кримъ звычайнои платни по 100 карбованцивъ у день, ще пьять тысячъ на дрибни выдаткы.

И Шагинъ-Гирей роскишно зажывъ у Петербурзи, забувшы про всяку политыку та про свои мріи и замиры звелычыты и просвитыты татарськый народъ. Винъ бувавъ на всихъ прыдворныхъ церемоніяхъ, забавахъ, бенкетахъ та выставахъ у театри, на військовыхъ парадахъ, бувавъ и у вельможъ, прыймавъ гостей у себе; цикавывся всимы музеямы, фабрыкамы, школамы; бувавъ навить у Смольному институти и дывывся, якъ танцюють та спивають институткы.

Грошей втрачавъ винъ багато, и не ставало ёму тіеи платни, яка була ёму вызначена.

Панинъ выпросывъ ёму запомогы 10 тысячъ карбованцивъ, але й ти грошы швыдко розвіялысь. Шагинъ-Гирей позаставлявъ дороги дарункы царыци, и потимъ доводылось выкупаты ихъ: такъ выкупывъ ёму Панинъ перстень и табатирку за 8,500 карб.

А тымъ часомъ у Крыму не було ладу; боролысь тамъ дви стороны: одни тяглы до Турціи, други до Россіи, а ханъ Сагибъ-Гирей бувъ слабои воли, несмилывый и не мигъ даты порядку. Турція не прызнавала ёго ханомъ, бо винъ бувъ наставленый Россіею, а россійськый урядъ домогався видъ ёго, щобъ винъ виддавъ Россіи два прыморськи городы: Керчъ и Еникале. Шагинъ такожъ радывъ братови виддаты ти города Россіи. Сагибъ-Гирей не хотивъ виддаваты тыхъ городивъ, а турецька партія мурзъ та старшынъ нахыляла ёго пиддатысь Турціи.

Тымъ часомъ почалысь розрухы и середъ прыхыльныхъ до Россіи ногайцивъ, особлыво середъ едычкульцивъ и джамбулукивъ, що стоялы по той бикъ Дону: ихъ бунтувалы турецьки посланци зъ-за Кубани и нахылялы до Турціи.

Щербининъ пысавъ у Петербургъ и раявъ знову назначыты ногайцямъ сераскиромъ сыльного и смилывого Шагина-Гирея, бо ёго воны поважалы и слухалы.

Шагина-Гирея выправылы у Крымъ, щобъ полагодыты справы.

Але, покы ще винъ зибрався йихаты, справы крымськи полагодылысь иншымъ способомъ: Долгоруковъ зъ військомъ зновъ увійшовъ у Крымъ, розигнавъ и розбывъ де якыхъ мурзъ и, зибравшы раду у Карасубазари, зновъ прымусывъ іи видступытысь видъ Турціи, пидпысаты умову про вичну згоду зъ Россіею и «на знакъ тіеи згоды» виддаты Россіи Керчъ та Еникале.

Шагинъ-Гирей йихавъ у Крымъ заспокоиты своихъ земляkивъ и закрипыты ихъ прыхыльнисть до Россіи. Жывшы у Петербурзи, винъ бачывъ сылу Россіи, розумивъ, що боротьбою та змаганнямы Крымъ соби ничого не выборе; бачывшы ласку и щедроты царыци для себе, винъ думавъ прыдбаты таку жъ ласку и для свого народу.

Але той народъ, дыкый и своевольный, цурався россійськои ласкы. На думку Шагинъ-Герея треба було крымцямъ сыльного, розумного хана, якый прымусывъ бы ихъ, якъ малыхъ, нетямущыхъ дитей, робыть те, що для ныхъ буде корыстно. Такымъ ханомъ мигъ буты тильки винъ, и теперъ вже ёго не завдовольняла посада сераскира ногайськыхъ ордъ: ёму треба було ханського трону. Ханъ Сагибъ-Гирей зибравъ раду старшынъ и мурзъ, щобъ послухала вистей, яки прывизъ калга Шагинъ-Гирей зъ Петербурга.

Шагинъ почавъ намовляты раду покынуты всяку ворожнечу, забуты про Турцію и покласты вси свои надіи на ласку и мылость царыци Катерыны. Винъ выхвалявъ іи прыхыльнисть до Крыму, іи щедроты, называвъ себе вирнымъ и вичнымъ прыхыльныкомъ Россіи, видъ якои залежыть счастя, велычнисть и незалежнисть Крыма.

Неймовирни и уперти мурзы та старшына не пиддавалысь намовамъ Шагинъ-Гирея.

— Мы однаково боимося и Россіи, и Турціи, казалы воны. Колы насъ прытыснула Россія, мы мусылы прыстаты на угоду зъ нею, вона-жъ насъ пидвела и покрывдыла: забрала нашы земли и городы. А видъ Турціи мы не зналы лыха, зъ нею мы съ-поконъ-вику въ згоди и вира у насъ одна.

— Та николы зроду Россія не хотила вашои крывды, казавъ Шагинъ-Гирей. Хтивши, вона могла-бъ зробыты зъ Крыму пустыню, а про те—сами бачыте—вывела свое військо назадъ, ніякого лыха не зробывшы. Россія бажае незалежности Крыма и вичного спокою для себе. Колы Крымъ стане незалежный, Турція николы не посміе воюваты зъ Россіею, бо Крымъ—це жъ права рука Турціи.

Рада уперто мовчала.

Зъ Шагиномъ-Гиреемъ прыйихавъ зъ Петербурга князь Путятынъ. Розгниваный Шагинъ казавъ ёму: «зъ такымы невдячными и упертымы людьмы, зъ ворогамы моимы и Россіи, я ничого не можу вдіяты. Дорогою душею я постарався-бъ завесты ладъ у Крыму и вичну згоду зъ Россіею, але не сыла моя,—воны мене не слухають. Колы не зможу ничого бильше зробыты, то покыну Крымъ и буду просыты захысту и прытулку у царыци, якій я до вику буду вирный и вдячный».

Путятынъ пысавъ про це у Петербургъ и раявъ наставыты Шагина-Гирея крымськымъ ханомъ. Але у Петербурзи не дуже кванылысь зъ цимъ диломъ, бо не хотилы видразу ламаты незалежнисть Крыма, якый мавъ соби выбраного хана. До того ще и Турція не хотила прызнаваты Карасубазарську умову про незалежнисть Крыма, и колы-бъ побачыла такый вплывъ Россіи на крымськи дила, то сперечалась бы ще бильше.

И безъ того Турція почала заходы, щобъ вернуты Крымъ пидъ свою руку. На Кубань зъ Турціи выслалы Девлетъ-Гирея. Туды збиралысь вси незавдоволени и неспокійни крымци, туды перебралысь и недобыткы-мурзы, якыхъ розигнавъ зъ Крыму Долгоруковъ.

На Тамани оголосылы Крымъ зновъ пидъ захыстомъ Турціи и выбралы Девлетъ-Гирея крымськымъ ханомъ. Заворушылысь и джамбулуки и едичкулы, яки жылы по цей бикъ Кубани ажъ до Дону. У Крыму зновъ взяла сылу партія турецькыхъ прыхыльныкивъ.

Шагинъ покынувъ Крымъ и перебрався у Полтаву; тамъ ёго прыйнялы радо, и россійськый урядъ зновъ назначывъ ёму платню по 1000 карб. у мисяць.

Тымъ часомъ Девлетъ-Гирей перейшовъ за Кубань, розбывъ погайського сераскира Казы-Гирея, и едычкульци прызналы ёго крымськымъ ханомъ.

Турція пиддержувала ёго, и Россія почала теряты надію на самостійнисть Крыма.

Щобъ утрыматы пры соби хочъ нагайськи орды, Россія послала на Кубань вирного Джанъ-Мамбета и Шагина-Гирея, якого погайци давно хотилы соби за сераскира.

Але Девлетъ-Гирей тымъ часомъ перейшовъ зъ Кубани у Крымъ; тамъ ёго прыйнялы дуже радо; Сагиба-Гирея скынулы зъ ханства и оголосылы Девлета-Гирея крымськымъ ханомъ.

Утвердывшысь у Крыму, Девлетъ-Гирей заразъ назначывъ погайськымъ сераскиромъ Тохтамышъ-Гирея, а пашею, тобъ-то наслидныкомъ хана, Турція назначыла на мисце Шагина Гирея— свого прыхыльныка Бахти-Гирея.

Тымъ часомъ погайци прызналы вже своимъ сераскиромъ Шагина-Гирея. Але прыбувъ зъ Крыму Тохтамышъ-Гирей зъ 3 тысячамы війська, розбывъ Шагина-Гирея и утвердывся сераскиромъ. Крымъ и погайськи орды зновъ сталы пидъ владу Турціи.

Тоди Россія постановыла зновъ покорыты крымцивъ сылою. Прыйшовъ прыказъ зъ Петербурга Румянцеву выступыты на Крымъ зъ 30 тысячамы війська и настановыты ханомъ Шагина-Гирея.

Румянцевъ пидступывъ до Перекопу, а Шагинъ-Гирей зъ россійськымъ військомъ пійшовъ на Кубань. Винъ розбывъ и прогнавъ Тохтамыша-Гирея, и погайци, яки завжде булы прыхыльни до Шагина, прызналы ёго крымськымъ ханомъ. Тоди Шагинъ-Гирей зъ Кубани перейшовъ у Крымъ, а назустричъ ёму йшло россійське військо зъ Перекопу.

Ханъ Девлетъ-Гирей, зибравшы 40 тысячъ війська, ставъ до обороны своихъ правъ, але ёму не посчастыло: розбытый Шагиномъ-Гиреемъ и генераломъ Прозоровськымъ, винъ мусивъ вндректыся свого ханства и втекты зъ Крыму.

А незалежнымъ крымськымъ ханомъ бувъ наставленый Шагинъ-Гирей и крымцы мусилы прысягнуты ёму и зновъ видректыся видъ Турціи.

Було це у жовтни року 1776.

III.

Давня мрія Шагина-Гирея здійснылася: винъ ставъ головою свого народу и мигъ теперъ заводыты нови, кращи порядкы, щобъ зробыты зъ дыкаривъ освиченыхъ европейцивъ, а зъ незалежного Крыму—велыку, могутню Чорноморську имперію.

Винъ бачывъ и розумивъ добре, що найбильше лыхо було Крымови видъ непорядкивъ та розрухивъ, яки розбывалы народъ на рижни партіи. Найбильше у тому булы вынни мурзы, беи та инша старшына, яки малы велыку сылу и вплывъ пры попереднихъ ханахъ. Воны-жъ здебильшого и тягнулы до Турціи. Деяки мурзы и беи жылы якъ незалежни князькы у своихъ маеткахъ, держалы свое військо, не боялысь хана и не слухалы ёго. У военныхъ справахъ черезъ те выходывъ велыкый неладъ и безголовья, бо кожный такый мурза командувавъ самъ, якъ соби хотивъ. Тымъ то невелыке, але упорядковане и слухняне російське військо швыдко розбыло далеко бильшу сылу Девлетъ-Гирея.

Шагинъ-Гирей почавъ зъ того, що утворывъ державну раду, въ яку настановывъ своихъ прыхыльныкивъ. Винъ назначывъ имъ платню и воны цилкомъ залежалы видъ хана.

Потимъ винъ подилывъ Крымъ на шисть удиливъ и въ кожный удилъ самъ назначывъ *каймакама*. Кожне каймакамство було подилено на *кадилыкы*, якымы заправлялы *кадіи*, а ихъ зновъ такы назначавъ самъ Шагинъ-Гирей. Кадилыкивъ було у Крыму 44.

Такый подилъ бувъ заведеный на взирець російськыхъ губерній та повитивъ.

Повсякчасни войны, незгоды та розрухы дуже зруйнувалы Крымъ: народъ зубоживъ, скарбныця ханська була порожня, а податкивъ ніякъ не можно було стягнуты.

До того ще колышня старшына ханська звыкла обкрадаты казну и обдыраты народъ и купцивъ.

Дбаючы про грошови справы ханства, Шагинъ-Гирей завивъ справный и суворый порядокъ у грошовыхъ дилахъ скарбу; всякый найменьшый выдатокъ мусивъ запысуватысь у рахунковыхъ кныгахъ. Запысувалысь навить выдаткы на ханську кухню. А заправлявъ скарбомъ *дефтердаръ-ага*, тобъ то министръ финансивъ, якый мавъ помичныка *казнадара*, себъ-то казначея. Була заведена и монетарня у Кафи, де былы монету рижнои цины и за тры рокы выпустылы іи на 330 тысячъ карбованцивъ на наши грошы.

Щобъ не обтяжаты народъ подушнымы податкамы, Шагинъ-Гирей повиддававъ на видкупъ рижни доходы ханства: мытныци (таможни) у Перекопи, Козлови та Кафи, соляни озера, броварни та выпокурни; назначывъ налогъ зъ рогатои худобы, пчилъ. Подушне платылы тильки жыды и цыгане. Кримъ того давалы чымали доходы власни ханськи земли и маеткп, и ци грошы йшлы вже на удержання ханського двора.

Багато старання поклавъ Шагинъ-Гирей, щобъ упорядкуваты військо. Доси крымське військо складалось зъ ногайськыхъ ордъ, зъ загонивъ, яки прыводылы мурзы и беи, и зъ турецького війська, що стояло у Кафи, Керчи та Еникале. Таке військо було дуже рижноманитне и безладне.

Ногайци булы дыки, хыжи наийзднықы и розбышакы: воны гаразди булы тильки грабуваты, палыты и руйнуваты и не моглы встояты проты статечного реестрового війська, особлыво проты гарматъ. Загоны мурзъ та беивъ тако-жъ булы безладни; мурзы и беи выступалы часто кожный самъ по соби, бувало сварылысь и грызлысь номижъ себе, и зъ такымъ збиранымъ військомъ трудно було даты ладъ. Турецького жъ війська не стало зовсимъ, скоро Крымъ объявывся самостійнымъ и видступывся видъ Турціи.

Щобъ упорядкуваты військову справу, Шагинъ-Гирей завивъ рекрутчыну: винъ звеливъ перепысаты увесь народъ и видъ пьяты дворивъ браты одного рекрута. Набравшы ихъ, винъ звеливъ муштруваты ихъ на европейськый ладъ. Кримъ того винъ на-

бравъ одынъ полкъ найкращого війська и той полкъ державъ пры соби; назывався винъ *сайменьі*, тобъ-то ханська гвардія.

У Кафи бувъ поставленый чугунный заводъ и кувалысь свои власни гарматы и пушкы, а биля Бахчисарая—пороховый заводъ.

Стари мурзы и беи важкымъ духомъ дыхалы на нового хана за те, що винъ забравъ видъ ныхъ всю сылу ихъ, вплывъ и військо.

Ремствувавъ и народъ за рекрутчыну. Але Шагинъ-Гирей не вважавъ на це и заводывъ скризь свои порядкы.

Ёму не сыдилось у Бахчисараи, що стоить у глыбокій, тисній котловыни мижъ горамы. Могутня, невсыпуща вдача шукала соби простору, шырокыхъ шляхивъ, еднання зъ заморськымы чужынцямы, зъ европейською торгивлею та освитою. И Шагинъ-Гирей задумавъ перебратысь зъ сонного Бахчисараю у кыпучу и рухлыву прыморську Кафу. Винъ заходывся будуваты соби багатый палацъ у Кафи и выклыкавъ для того итальянськыхъ майстривъ та ремесныкивъ.

Свое власне життя винъ обставывъ зовсимъ по европейськи. Вся челядь ёго була зъ чужынцивъ: кухарь нимець, лакей французъ, машталиры и фурманы—москали,ликари—Иванъ Ивановичъ и англычанынъ Робертсонъ.

Шагинъ-Гирей не любывъ йиздыты верхы, якъ велося споконъ вику, а бильше у карети; одягався просто, у довгу чорну керею, обидавъ пры столи, гарема не хотивъ держаты, и лышъ на превелыку сылу прыдворни муллы намовылы ёго взяты соби тры жоны.

Нови порядкы не подобалысь татарамъ. Муллы и инши духовни нарикалы, що ханъ не поважае старои виры, батькивськыхъ та дидивськыхъ звычаивъ и тягне до чужовирнои Россіи, видступывшысь видъ своихъ одновирцивъ туркивъ.

Мурзы, беи и старшына не злюбыла ёго за те, що винъ звивъ ихъ ни на що, забравшы видъ ныхъ и сылу, и військо, и вплывъ на державни справы; народъ ремствувавъ за рекрутчыну,

військо—за нови порядкы. Лышъ саймены булы вирни и покирни, бо ханъ дуже пиклувався нымы и любывъ ихъ.

А Турція тымъ часомъ не покынула своихъ заходивъ и змаганъ, щобъ знову завернуты Крымъ до себе; черезъ тайныхъ посланцивъ вона зносылась зъ непокирнымы мурзамы и беямы, пидтрымувала недовольнисть и сіяла зерна зрады. По крымськыхъ городахъ та селахъ вештались ти посланци, перебравшысь за купцивъ, муллъ та старцивъ, и бунтувалы народъ.

Лышъ невелычке чысло прыхыльныкивъ Шагина-Гирея, якыхъ винъ поназначавъ на державни уряды, та полкъ сайменивъ булы ёму вирни и щыро помогалы заводыты новый ладъ.

И у Крыму знову почались розрухы и бунты. Зибравшысь загонамы, бунтари ходылы по селахъ, побываючы и грабуючы ханськыхъ прыхыльныкивъ та чыновныкивъ, а народъ помогавъ бунтарямъ и прыстававъ до ихъ загонивъ.

Агаса-бей, зибравшы скилько загонивъ до купы, пидступывъ до Бахчисараю, але саймены видбылы его. Агаса подався до Карасубазару, але тамъ зустривъ ёго генералъ Прозоровськый зъ россійськымъ військомъ, що стояло у Перекопи, и видбывъ зновъ. Вертаючысь назадъ зъ-пидъ Карасубазару, бунтари наскочылы на Шагина-Гирея, якый выйшовъ проты нихъ зъ сыльнымъ військомъ. Ханъ розбывъ и роспорошывъ загинъ Агасы. Але тымъ часомъ инши бунтарськи загоны, довидавшысь, що ханъ забравъ трохы не всю сылу зъ собою, напалы на Бахчисарай, ограбувалы ханськый палацъ, перебылы челядь и прыблыжныхъ хана и розграбувалы всихъ ёго прыхыльныкивъ.

Почувшы про це, Шагинъ-Гирей взявъ на помичъ частыну россійського війська у генерала Прозоровського и повернувъ назадъ у Бахчисарай, розбываючы и розганяючы по дорози бунтарськи загоны. Не встыгъ ханъ дійты до Бахчисараю, якъ у Козлови скоилось нове, несподиване лыхо: туды высадывся зъ Очакова колышній скынутый ханъ Селимъ-Гирей До ёго почалы горнутысь вси бунтари и ворогы Шагина и зновъ оголосылы Селима-Гирея крымськымъ ханомъ.

Шагинъ-Гирей повернувъ назадъ до Козлова, а на пидмогу ишовъ ёму зъ Перекопу генералъ Прозоровськый. Селимъ-Гирей зъ безладными и невпорядковаными загонамы не мигъ встояты проты Шагинового и россійського війська. Не довго боровся винъ, оточеный ихъ потугамы, и мусивъ здатысь.

Покатувавшы лютымы карамы Селима-Гирея и своихъ ворогивъ, Шагинъ-Гирей зъ генераломъ Прозоровськымъ пройшлы увесь Крымъ, розбываючы и караючы бунтаривъ. Кровью залылась Крымська держава: бильшъ 12 тысячъ народу покарано на горло, а що вже погынуло жинокъ, дитей та старыхъ, немоцныхъ видъ голоду та холоду—бо діялось це зимою р. 1778,—того не зличыть.

Прыслала и Турція запомогу військомъ Селимови, але тая запомога опизнылась, й Суворовъ видбывъ іи, потопывшы 7 турецькыхъ кораблив и перебывшы бильшъ 7 тысячъ турецького війська.

Прыгнитывшы, але не погасывшы кровью загальне ремство, Шагинъ-Гирей зновъ взявся проводыты свои порядкы.

Винъ бачывъ, що безъ запомогы Россіи не зможе вдержатысь на трони. Тому-то пислятыхъ бунтивъ винъ ще тиснійше звязався зъ нею.

Зъ Россіи винъ вже заклыкавъ майстривъ, купцивъ, выпысувавъ зброю; россійськыхъ офицеривъ державъ пры війську для наукы. Щобъ легче було зносытысь и зсылатысь зъ Россіею, Шагинъ-Гирей завивъ почту и поставывъ 16 почтовыхъ станцій видъ Бахчисараю до Перекопу.

Але чымъ тиснійше винъ зблыжався до Россіи, тымъ бильше виддалявся видъ його татарськый народъ. Шагинъ-Гирей почавъ вже боятысь за свое жыття, бо скризь, навить у дворци, булы у його ворогы.

Мынуло два рокы писля велыкого повстання, и татары зновъ заворушылысь. Теперъ почалось зъ Кубани.

Турція выслала Сулеймана-Агу пидняты на Шагина-Гирея ногайцивъ. Орды заворушылысь. Писля лютыхъ каръ и розгрому

повстанцивъ у 1778 роци, ногайци зненавыдилы свого колышнёго любого сераскира.

Найбильшъ рухлыви и непокирни джамбулукы и едычкулы оголосылы крымськымъ ханомъ Богадыра-Гирея—Шагинового брата. Пиднялысь подекуды и крымци.

Хочъ Шагинъ-Гирей и покаравъ лютою смертью де-якыхъ непевныхъ и смилывійшыхъ, але тымъ не заспокоивъ народъ. Ногайци выслалы посланцивъ до царыци, прохаючы скынуты ненавыстного и лютого Шагина-Гирея и прызнаты ханомъ Богадыра. Але на те прохання царыця не вволыла и звелила татарамъ покорытысь Шагинови.

Тымъ часомъ вже и у Крыму знялося повстання пидъ прыводомъ Султанъ-Алима. Зновъ прыйшлося скрутно Шагинови.

Зъ Кубани находывъ Богадыръ зъ ногайцямы, а видъ Козлова Алимъ зъ 3 тысячамы повстанцивъ. Шагинъ-Гирей выславъ на Алима сайменивъ, але воны передалысь Алимови и зъеднались зъ повстанцямы.

Шагинъ-Гирей мусивъ покынуты все и, рятуючы свою голову, втекты въ Еникале, де стояло российське військо.

Зновъ пиднявся весь Крымъ и, выбравшы Богадыра ханомъ, пославъ до царыци и у Турцію грамоты, прохаючы скынуты Шагина и назначыты Богадыра.

Але зъ Петербурга прыйшовъ прыказъ Потемкину, тодишнему генералъ-губернаторови Новоросійського краю, усмырыты бунтъ и зновъ настановыты на крымськый тронъ Шагина-Гирея.

Зновъ российське військо увійшло въ Крымъ, розбыло и розпорошыло повстанцивъ, зновъ почавъ Шагинъ-Гирей лютымы карамы втыхомырюваты своихъ непокирныхъ пидданныхъ. И зновъ полылась татарська кровъ зъ рукъ татарського хана...

Потемкинъ, бачывшы, що Шагинъ-Гирей власною сылою не вдержытся на троні, почавъ намовляты ёго видректыся того ханства, де ёго ненавыдять и готови стратыты ёго зо свиту. Винъ раявъ ёму виддаты Крымъ Россіи, а за те обицявъ ёму ханство у Персіи за пидмогою Россіи.

Шагинови докучыла та неустанна боротьба зъ своимъ власнымъ народомъ. Винъ бачывъ, що не дасть зъ нымъ ладу, и згодывся на намову Потемкина.

Зибравшы старшыну татарську у Карасубазари, винъ, поклыкаючы судъ Божый на ихъ головы, объявывъ, що не хоче буты ханомъ такого непокирного и невдячного народу.

До татарськои старшыны промовывъ де-Бальменъ, посланый видъ Потемкина, намовляючы ихъ просыты царыцю, щобъ прыйняла Крымъ пидъ Россійську державу.

Татары бачылы руину свого краю видъ неустанныхъ війнъ та розрухивъ, ненавыдилы нови порядкы Шагина-Гирея, не надіялысь вже вернутысь пидъ турецьку владу, бо перемогла Россійська сыла, и згодылысь пиддатысь Россіи

24 сичня р. 1783 россійське військо зайняло Крымъ, и татары прысягнулы царыци. У манифести було сказано: «щобъ заспокоиты разъ на завжде всяки розрухы крымськи, прылучаемъ до нашои державы пивъостривъ Крымъ, остривъ Тамань и всю Кубань, якъ справедлыву заголу за вси шкоды и клопоты, яки мы понеслы на удержання въ ныхъ спокою и порядку».

Такъ скинчылося ханство Шагина-Гирея, а зъ нымъ и самостійнисть Крыма.

Симъ литъ правывъ винъ, щыро бажаючы добра свому народови, думаючы звелычыты Крымъ, зробыты его могутною, незалежною державою....

А замисць того знивечывъ, зруйнувавъ и залывъ братнёю кровью той багатый край и виддавъ ёго у чуже пиддапство.

IV.

Розвинчаный ханъ, звычайно, не мигъ лышытысь у Крыму, та й самъ не хотивъ.

Россійськый урядъ, назначывшы ёму 200 тысячъ платни на рикъ, указувавъ ёму перебратысь у Херсонъ. Шагинъ-Гирей

не хотивъ туды, думавъ довго, выбравъ соби Азовъ, потимъ зновъ передумавъ, ажъ на останку зибрався на Тамань.

Зъ Кафы перевезлы туды все добро ханське, жинокъ ёго, челядь, громадку ёго прыхыльныкивъ зъ ихъ добромъ, частыну вирныхъ сайменивъ, табунъ дорогыхъ арабськыхъ коней, верблюдивъ. Всёго перебралось зъ ханомъ за Тамань биля 2 тысячъ душъ.

На Тамани Шагинъ-Гирей прожывъ не довго. Ногайци, побачывшы, що Крымъ перейшовъ пидъ російську державу, а зъ нымъ и воны сами, не хотилы покорытысь. Частына ихъ почала перебыратысь за Кубань на турецьки земли, а инши задумалы вернуты соби незалежнисть, почалы бунтуваты проты наставленыхъ надъ нымы російськыхъ начальныкивъ и зсылалысь зъ Шагиномъ-Гиреемъ. Дійшло до того, що Потемкинъ мусывъ послаты військо, щобъ замыриты своевольныхъ ногайцивъ.

Шагинъ-Гирей пославъ одного зъ прыставленыхъ до ёго російськыхъ офицеривъ зъ лыстомъ до царыци, але Потемкинъ, довидавшысь про це, вернувъ зъ дорогы того офицера, а Шагинови пославъ прыказъ, щобъ винъ не смивъ безъ ёго дозволу пысаты до царыци и роспоряжатысь своимы прыставамы.

Взагали Потемкинъ не любывъ Шагина-Гирея, чынывъ ёму всяки прытычыны и утыскы, а у Петербургъ пысавъ, що Шагинъ-Гирей зсылается зъ ногайцямы и бунтуе ихъ.

Тоди царыця прыслала указъ, щобъ Шагинъ-Гирей заразъ перебрався у Воронижъ, и на той переиздъ назначено ёму було 20 тысячъ. Не прожывшы и року на Тамани, Шагинъ, покынувшы тамъ увесь свій двиръ, мусивъ перейихаты у Воронижъ.

Тяжко вильному степовому орлови жыты у неволи, у клитци,— ще тяжче було самовладному гордому ханови покорятысь прыказамъ Потемкина и наставленымъ видъ ёго прыставамъ-офицерамъ.

И Шагинъ-Гирей просывъ черезъ Потемкина царыцю дозволыты ёму перебратысь у Турцію. Винъ бачывъ теперъ, що обицяне ёму ханство у Персіи була дурныця.

Думаючы перемандрувать у Турцію, винъ не хотивъ таскаты у Воронижъ за собою свій двиръ и все добро.

Пивтора року прожывъ Шагинъ-Гирей у Воронижи, дожыдаючысь того дозволу, и диждався лышъ того, що прыказано було зъ Воронижа перевезты ёго у Калугу.

Правда, везлы ёго зъ пошаною и честью; скризь булы прыказы городнычымъ и губернаторамъ зустричаты ёго, якъ царську особу, але Шагинъ-Гирей почувавъ себе хочъ у добри, але у неволи, хочъ у золотій клитци, а все такы у клитци.

Зъ Воронижа у Калугу винъ перейихавъ зъ дуже невелыкымъ дворомъ: бувъ при ёму секретарь Терзи-Измаилъ-ефенди, двое мулливъ, капитанъ-ага ханьского корабля и чоловика 20 челяди.

Про цю подорожъ зъ Воронижа у Калугу переховалысь до нашого часу де-яки згадкы, запысани сучасныкомъ іи Болотовымъ.

Шагинъ-Гирей почувавъ у Богородицку у господи Болотова. Ось шо пыше той сучасныкъ:

«19 грудня у третій годыни пiсля полудня прыскочывъ верховень, повидомляючы, що гости йидуть; мало не вразъ зъ нымъ прыбула кухня ханська и челядь. Полицiймейстеръ зъ командою драгунивъ выйихавъ назустричъ Гиреєви, а я заходывся порядкуваты господу. Незабаромъ прыбувъ и высокый гисть. Прывиталы мы ёго на ганку, и я попросывъ Гирея у гостынну свитлыцю, де винъ почавъ роздягатысь. Челядь зняла зъ ёго дорогу соболячу шубу та чорну теплу хусту, мьягку та довгу, якою була закутана ёго голова. Ханъ одягненый бувъ у довгый чорный жупанъ, якый дуже скыдався на черпечу рясу, а на голови у ёго була невелычка шапка зъ гарныхъ чорныхъ смушкивъ.

Моя тепла хата дуже вподобалась ханови, и винъ сказавъ, що бажавъ бы тутъ почуваты. Лашкаревъ, офицеръ конвоя, охоче прыставъ на це, тымъ бильше, що треба було полагодыты ханськи сани, бо воны перевернулысь булы, дойизжаючы до города, и щось тамъ обламалося. Ханъ весело розмовлявъ зъ Лашкаревымъ по французськи про цю прыгоду.

Камердынеръ ханськый, ставшы навколишкы, подавъ ёму у срибній посуди кофій. Здывувавъ мене чы-мало цей азіатськый звычай. Писля кофію такымъ же чыномъ ханови подалы люльку, просту глыняну, на довгому чубуци, и винъ курывъ іи, похожаючы по свитлыци и балакаючы зъ Лашкаревымъ. Думаючы, що я не розумію французськои мовы, винъ пошанувавъ и мене короткою розмовою по россійськи. Потимъ ханъ пишовъ на спочынокъ, и у гостынній оставсь Лашкаревъ и дворяне ханськи: Измаилъ-ефенди та капитанъ-ага, люде высокого розуму и наукы».

Болотовъ бувъ художныкъ и, запамьятавшы соби облыччя Шагина-Гирея, намалювавъ потимъ ёго патретъ — якъ казалы ти, що зналы хана — дуже схожый. Литъ 35, гарнои вроды, высокый, худый, чорный, зъ чорною бородою и у чорній кереи, винъ дуже скыдается на монаха.

На другый день ханъ пойихавъ дали, багатымы дарунками подякувавшы всимъ за гостыну. Болотову винъ подарувавъ гарный золотый годынныкъ, ёго жинци и дочци два сувои дорогого аксамыту, а родычому золоту табатырку.

Але и у Калузи не довго прожывъ Шагинъ-Гирей. Довелось дизнаты ёму багато утыскивъ и перешкодъ, найбильше видъ Потемкина.

Платню ёму выдавалы дуже несправно, задержуючы іи на скилька мисяцивъ. А винъ звыкъ жыты роскишно, роздававъ щедри дарункы и разъ-у-разъ ёму не ставало грошей. Доводылось позычаты ихъ и платыты дуже велыки проценты. Такъ у Калузи ханъ наробывъ довгу до 130 тысячъ.

Въ тимъ клопоти взявся помогты ёму жыдъ Веніамынъ-бей, якый колысь державъ у Крыму, ще за панування Шагина-Гирея, горильчаный видкупъ.

Винъ предложывъ ханови зибраты аренды зъ ёго маеткивъ у Крыму; ханъ прыставъ на це и выправывъ ёго у Крымъ, давшы довиренносты.

Але Потемкинъ звеливъ арештуваты Веніамына, а Шагина-Гирея сповистывъ, що вси ёго маетки забраны у казну и винъ вже до ныхъ ніякого права немае.

Тяжко це засмутыло Шагина-Гирея. А тымъ часомъ двиръ ёго зъ усимъ добромъ сыдивъ на Тамани, не знаючы, що зъ собою подіяты. Шагинивъ братъ Арсланъ пысавъ ёму зъ Кубани: «глянь на Бога и пожалій насъ. Дай намъ звистку, що думаешъ чыныты зъ собою и куды намъ прыкажешъ подитысь, або дозволь намъ самимъ подуматы и роспорядытысь собою, якъ знаемъ».

Шагинъ-Гирей выславъ на Кубань довиренного чоловика Кугаса зъ лыстамы до бративъ и Исламъ-бея, якого винъ лышывъ старшымъ надъ своимъ дворомъ.

Але, писля арештовання Веніамына-бея, Потемкинъ веливъ стежыты добре на Перекопи, Арбати и кругомъ Тамани, щобъ не мигъ зсылатысь Шагинъ-Гирей зъ своимы.

И Кугаса перейнялы блызъ Перекопу, а лысты хана видислалы до Потемкина.

Тоди Потемкинъ пославъ прыказъ крымському губернаторови Коховському, щобъ объявывъ Шагиновому дворови, що лышывся на Тамани, щобъ прысягалы на вирнисть и пидданство російськії державп, а хто не схоче прысягнуты, щобъ выбырався соби у Турцію.

Исламъ-бей и султанъ Али-ага (начальныкъ гарема) видповилы, що воны прысягалы свому ханови и безъ ёго дозволу не можуть прысягаты никому иншому.

Також и тры жоны Шагинови не схотилы російського пидданства и просылы, щобъ ихъ видправылы або до ихъ хана або у Турцію.

Тымъ часомъ и Шагинови прыйшовъ нарешти зъ Петербурга дозвилъ выйихаты у Турцію. Йихаты винъ мавъ на Кыивъ, Камьянець-Подольській до Хотина. Зъ ёго дворомъ роспорядывся Потемкинъ такъ, що Исламъ-бея, 1200 татаривъ и сайменивъ переправылы за Кубань, у Турцію (бо въ ту пору ще Кавказъ належавъ до Турціи); гаремъ, брата Арслана та Али-агу и 117 чоловика челяди на ханському корабли выправылы у Турцію моремъ, а 50 колышнихъ сайменивъ та челяди, табунъ коней, верблюдивъ и добро ханське выправылы на Кыивъ, назустричъ Ша-

гинови. Старшымъ надъ нымы бувъ Кугасъ, якого выпустылы зъ арешту.

Кугасъ трохы забарывся у Перекопи: зима була люта и винъ просывъ Потемкина дозволыты ёму перезимуваты у Крыму, щобъ не погынулы видъ холоду верблюды; але ёму того не дозволылы, и винъ мусывъ покынуты верблюдивъ, а все добро переклавъ на коней и зустрився зъ своимъ ханомъ у Кыиви, на зымнёго Мыколу р. 1786. Шагинъ-Гирей вырушывъ зъ Кыива у Бердычивъ, а передъ Риздвомъ бувъ вже на Довжку, нидъ Камьянцемъ. Тутъ винъ спочывавъ тры дни и посылавъ гонця у Хотынъ, до турецького пашы, повидомляючы про свій замиръ йихаты у Турцію. Але паша, не маючы ніякого прыказу зи Стамбулу, боявся пропустыты Шагина-Гирея. Треба було посылаты у Стамбулъ пытаты прыказу султана.

А Шагинъ-Гирей чымъ блыжче бувъ до турецькои землы, тымъ бильше стававъ неспокійный и нетерплячый.

Почалысь нови клопоты и труднаціи: російськый урядъ переставъ платыты грошы Шагинови и ничымъ було жыты ёму зъ дворомъ своимъ.

Полковныкъ Вельяминовъ, прыставленый до хана, пысавъ у Петербургъ, прохаючы не задержувать платни, и на превелыку сылу выпрохавъ, що продовжылы іи ще на мисяць. Але, покы прыйшлы ти грошы, треба було ихъ якось добуваты и довелось ханови зновъ позастановляты де-яки дороги клейноды зъ скарбу та продаты частыну коней.

Кони булы дороги арабськи, и купывъ ихъ у хана управытель маеткивъ пана Лянцкоронського Адамъ Чайкивськый. И довго ще потимъ велася у того пана порода арабськыхъ коней и звалы ихъ гиреямы.

Шагинъ-Гирей хотивъ буты ще блыжче до турецькои землы и, спочывшы на Довжку, перейихавъ у Жванець. По той бикъ Днистра винъ бачывъ вже ту землю, бачывъ замокъ турецькый у Хотыни.

У Жванци довелося ёму оселытысь у руинахъ замчыська Лянцкоронськыхъ, де було лышъ скилька кимнатъ теплыхъ и

здибныхъ для жытла. Камьянецькый комендантъ Витте для почоту и охороны Шагина прыславъ сотню польського війська.

Трохы не мисяць довелося ждаты Шагинови видповиди зи Стамбулу, а нудьга и непевнисть мучылы ёго страшенно: винъ бачывъ турецьку, якъ-не-якъ, а ридну землю и не мигъ ступыты на неи.

Збигався звидусиль народъ, щобъ подывытысь на татаривъ; де-яки диды памьяталы ще найизды и погромы татарськи. А теперъ ти сами татары, та ще й зъ ханомъ своимъ, смырненько сыдилы у замчыську. Збигалась и шляхта цикава, перебигалы и туркы зъ Хотына, щобъ подывытысь на своихъ одновирцивъ и ихъ Гирея. И юрба народу натовпомъ стояла що-дня передъ воритьмы Жванецького замку.

Шагинъ-Гирей сыдивъ и не показувався, а нудьга и журба сушылы ёго.

Почалы прыдворни намовляты хана пройихатысь трохы, щобъ розважыты тугу и щобъ показатысь народови, якый хотивъ поклопытысь и прывитатысь ёго свитлисть.

И Шагинъ выйихавъ верхы, оточеный своимы татарамы и командою польського війська.

Зъ пошаною прывитавъ ёго народъ, а туркы сталы навколишкы и поклонылысь до земли потомкови калифа. Прыгадавъ соби бидный ханъ безъ ханства давни часы, колы витавъ ёго такъ само пидданый ёму народъ татарськый, и може хочъ на хвылыну забувъ, що винъ теперъ не повелытель, а самъ невольныкъ.

Тяжко було Шагинови сыдиты у Жванци въ непевности. Зъ тугы не мигъ винъ йисты, сонъ пропавъ и цилымы ночамы винъ молывся Богу. Муллы прыдумалы, що треба ёму пошукаты жинку; може вона якось розважыла бъ ёго смутокъ. Ханъ прыставъ на це.

Знайшлы у Жванци гарну и гожу жыдивочку, дочку заможнёго Орана, що арендувавъ паромы на Днистри.

У ту пору траплялось часто, що туркы, яки стоялы за Днистромъ, выкрадалы або купувалы соби дивчать до гаремивъ. У

хотынського пашы у гареми було чымало подильськыхъ жинокъ и зъ хрыстыянокъ, и зъ жыдивокъ.

Тому то старый Оранъ охоче прыставъ на те, щобъ статысь тестемъ хана Гирея.

Звычайно, не зъ порожнимы рукамы выйшовъ винъ видъ свого зятя, виддавшы ёму дочку за ханшу.

Бувъ кинець сичня року 1787, колы хотынськый паша одержавъ гатти-шерифъ (указъ) султана. Велыкый визиръ пысавъ до Шагина-Гирея: «Его величество султанъ назначывъ Измаила-агу щобъ прывитавъ вашу свитлисть, яко высокого гостя султана, и проводывъ васъ зъ честію, шанобою и всякымы выгодамы видъ Хотына до Бухарешта, а звидтиль черезъ Йерганъ до Адріанополя».

5 лютого Шагинъ-Гирей, щыро простывшысь зъ офицерамы, що булы до ёго прыставлени, обдарувавшы ихъ на памьять дарункамы и роздавшы 1400 червинцивъ команди військовій, перейихавъ черезъ Днистеръ у Турцію.

Зъ дворомъ ёго пойихала и нова ханша.

Радый бувъ Шагинъ-Гирей, що выбрався зъ чужыны, яка такъ непрывитлыво и невдячно повелася зъ нымъ; думавъ пидъ захыстомъ одновирнои Турціи знайты соби у родовыхъ маеткахъ своихъ у Румеліи спочынокъ писля бурлывого и несчасного свого жыття у Крыму та Россіи.

Та не такъ сталося.

Турція повелася зъ нымъ гиршъ, нижъ лыха мачуха. Вже выврушывшы зъ Хотына, Шагинъ-Гирей прымитывъ, що Измаилъ-ага поводытся зъ нымъ не «зъ честью и пошаною, яка належытся высокому гостеви султана», а якъ полоняныкомъ.

У Бухарешти Измаилъ-ага розигнавъ увесь двиръ Шагинивъ, а ёго самого, вже якъ вьязня, у кайданахъ, повизъ не до Адріанополя, а на острив Родосъ и кынувъ у тюрму.

Тамъ черезъ скилька мисяцивъ, по прыказу султана, ёму видрубалы голову.

Такъ скинчылося жыття останнёго, «незалежного», крымського хана Шагина-Гирея

V.

Про ти крымськи подіи та про жыття и долю останнёго хана багато запысано и въ архывныхъ паперахъ та реестрахъ, и въ запысахъ та денныкахъ сучасныхъ людей. Але життя и доли останнёи жинкы Шагина-Гирея, тои жванецькои жыдивочкы, нихто не запысавъ; мы не знаемъ навить, якъ вона звалася на имення: Оранова дочка—тай годи. Малій людыни маленька и намьять.

Такъ тильки де-що розсказувалы стари люде у Жванци и зъ того можно прыблызно дошукуватыся, що вона, покынута у Бухарешти, допленталась якось назадъ у Жванець до батька. Кагалъ жыдивськый не хотивъ прыйняты іи, потурчену и спогапену, але... Оранъ бувъ заможный хазяинъ, арендувавъ паромы, мавъ дила зъ багатымы панамы Лянцкоронськымы,—тожъ заможному та багатому и громада ничого не зробыть.

Мабуть несчасне було жыття тои жыдивкы-ханшы, мабуть не мало слизъ выплакала вона, черезъ людськи посмихы та поговоры. Породыла вона сына и, звычайно, бувъ вже винъ повернутый у жыдивську виру, а прозвалы его, памьятаючы батька, Татарчукомъ. Отже мабуть той Татарчукъ, законный сынъ останнёго хана Шагина-Гирея, бувъ прадидъ несчасного злыдаря Ёся Татарчука, якый факторувавъ пры сплавахъ на Днистри и згынувъ видъ сухотъ, у голоди та холоди, у нужденній, обдертій хыжци. Чы-жъ гадавъ гризный Чингизханъ, що така доля судылась ёго потомкамъ?

М. Л.

Кандидатъ на священство изъ „шкурниковъ“.

Въ 1763 году въ Нѣжинѣ, при Троицкой церкви, открылась вакансія викарнаго священника. Хотя мѣсто это далеко не было прибыльнымъ, такъ какъ викарій въ то время получалъ лишь четвертую часть доходовъ сравнительно съ настоятелемъ, но и на такую скудную должность не трудно было найти охотниковъ. Правда, «учительный человѣкъ», т. е. обучавшійся въ кіевской академіи по крайней мѣрѣ «по школу піитику», или въ крайнемъ случаѣ—послужившій нѣсколько лѣтъ въ канцелярской должности при консисторіи, не сталъ бы и смотрѣть на мѣсто викарія, а «промовался» бы не иначе, какъ на настоятельское мѣсто, и при томъ въ хорошемъ приходѣ; но въ то время въ Малороссіи много было безмѣстныхъ священниковъ, которые выпрашивали у архіереевъ такъ называемыя «пріискныя» грамоты и затѣмъ высматривали, не откроется ли гдѣ-либо въ епархіи хоть какое-нибудь іерейское мѣсто, такъ какъ продолжительное пребываніе въ званіи пастыря in partibus infidelium нерѣдко доводило ихъ до крайней нищеты и не позволяло имъ быть слишкомъ переборчивыми. Такой кандидатъ немедленно пріискался и къ мѣсту, открывшемуся въ Нѣжинѣ, и упросился хоть временно занять его въ надеждѣ, что онъ понравится прихожанамъ, заручится ихъ «презентами» и тогда станетъ хлопотать въ консисторіи о «довѣчномъ усыновленіи» его означенной церкви. Но прихожане видимо не были склонны поддерживать эту надежду временнаго викарія—и вовсе

не потому, чтобы новый священникъ оказывался очень ужъ плохимъ, а главнымъ образомъ благодаря вѣковой привычкѣ—имѣть пастыря изъ своей среды. Конечно, будь у умершаго викарія сыновья или, по крайней мѣрѣ, зятья, годные къ священству, они были бы самыми подходящими кандидатами для занятія открывшейся вакансіи. Въ глазахъ прихожанъ они были бы своими людьми, связанными съ приходомъ родовыми традиціями. Этимъ именно и объясняется, почему въ Малороссіи, при существованіи свободнаго выбора прихожанами кандидатовъ во священство, большинство приходовъ оказывались наслѣдственными въ одномъ и томъ же родѣ нерѣдко въ теченіе цѣлыхъ столѣтій. Но разъ такихъ наслѣдственныхъ кандидатовъ не было на лице, прихожане искали ихъ въ своей средѣ, и лишь въ томъ случаѣ, когда послѣднихъ браковала епархіальная власть, приходилось принимать за «душепастыря» чужого человѣка.

Такъ было и въ данномъ случаѣ, при замѣщеніи вакансіи въ троицкомъ приходѣ въ Нѣжинѣ. Нашелся и здѣсь свой кандидатъ, сынъ нѣжинскаго мѣщанина Григорій Темнянскій. Это былъ молодой человѣкъ, достигшій какъ-разъ того возраста (30-ти лѣтъ), ранѣе котораго въ тѣ времена никого не рукополагали во священники. Отецъ его, тоже Григорій *Темній* (такъ онъ писался) принадлежалъ къ кушнирскому цеху, т. е. чинилъ кожи, шилъ изъ нихъ «кожухи» и торговалъ ими на ярмаркахъ; сыну не нравилось это скромное ремесло, ему хотѣлось добиться лучшей «кондиціи», и онъ, по обычаю тогдашнихъ выскочекъ, прежде всего передѣлалъ свою простонародную фамилію на болѣе шляхетскую и сталъ именоваться *Темнянскимъ*, хотя отецъ его и вся родня продолжали именоваться прежнимъ фамильнымъ прозвищемъ. Выскочить ему въ настоящее шляхетство нельзя было и думать: помимо мѣщанскаго происхожденія, главнымъ препятствіемъ къ этому служила недостаточность его образованія. Григорій Темнянскій ни въ какихъ латинскихъ школахъ не учился; все его образованіе ограничивалось тѣмъ, что, научившись у дьячка грамотѣ, онъ нѣкоторое время обучался письмоводству въ магистратской канцеляріи. Съ такимъ образовательнымъ цензомъ нельзя

было въ то время сдѣлать никакой карьеры; даже для полученія должности священника, въ званіи настоятеля прихода, обязательно требовалось прохожденіе по крайней мѣрѣ младшихъ классовъ кіевской академіи, и только для кандидатовъ на мѣста викарныхъ священниковъ это требованіе замѣнялось испытаніемъ ихъ въ церковномъ чтеніи, пѣніи и знаніи катихизиса.

Для Темнянскаго такое испытаніе не могло представить никакихъ трудностей. Еще въ дѣтскіе годы, обучаясь въ дьячковской школѣ, онъ былъ пріученъ читать и пѣть на клиросѣ, съ возрастомъ полюбилъ это занятіе и пріобрѣлъ въ немъ такую опытность, что съ успѣхомъ замѣнялъ своего бывшаго учителя, когда тотъ почему-либо не могъ участвовать въ богослуженіи. Это сблизило Темнянскаго съ настоятелемъ, іереемъ Іоанномъ Даниленскимъ, и онъ то именно внушилъ молодому человѣку мысль искать священства; а когда Темнянскій еще и породнился съ нимъ, женившись на его племянницѣ, то въ лицѣ настоятеля онъ пріобрѣлъ вліятельнаго протектора, усердно помогавшаго ему «промоватися» въ священный чинъ.

Первымъ актомъ такой «промоціи» было соглашеніе съ прихожанами. Какъ мы сказали уже, въ Малороссіи издревле приходу принадлежало право выбора членовъ клира. Это было фактическимъ выраженіемъ стариннаго права патронатства, въ силу котораго лица или общины, построившія церковь и доставлявшія ей необходимое матеріальное обезпеченіе, имѣли право «подаванія» (избранія) къ ней достойныхъ служителей. Въ эпоху до Хмельницкаго, пока въ Малороссіи повсемѣстно существовало вотчинное землевладѣніе, право выбора священнослужителей принадлежало не одной «громадѣ», но и владѣльцу села, а въ городахъ—не однимъ прихожанамъ, но и цѣлой общинѣ, въ лицѣ магистрата. Въ правобережной Малороссіи, по силѣ Андрусовскаго договора снова доставшейся Польшѣ, такой порядокъ продолжалъ практиковаться до XIX в., при чемъ, по мѣрѣ усиленія помѣщичьей власти, право сельскихъ «громадъ» выбирать для себя пастырей все больше умалялось и почти совсѣмъ перешло въ руки помѣщика или его управляющаго. Въ лѣвобережной Малороссіи,

или «Гетманщинѣ», дѣло приняло противоположное направленіе: благодаря отсутствію въ ней (по крайней мѣрѣ, въ первое время послѣ Хмельницкаго) владѣльческаго института, право выбора причта всецѣло перешло въ пользованіе прихожанъ и лишь въ видѣ почета испрашивалось еще и согласіе мѣстныхъ козацкихъ старшинъ, чаще всего участвовавшихъ въ выборахъ на ряду съ остальными «парохіанами». Но по мѣрѣ того, какъ старшины стали получать гетманскіе универсалы и царскія грамоты на владѣніе цѣлыми селами, вновь народившіеся «державцы», на ряду съ другими владѣльческими претензіями въ духѣ старой шляхетчины, вспомнили и о старинномъ правѣ «подаванья», принадлежавшемъ «державцамъ», и отказывались принимать въ свои маетности священниковъ, не испросившихъ предварительно ихъ соизволенія на занятіе прихода. Наконецъ, бывали и такіе случаи, что епархіальные архіереи по собственному усмотрѣнію «насылали» священниковъ, не справляясь съ желаніемъ прихожанъ. Все это порождало нестроеніе и безпорядки, для устраненія коихъ потребовалось вмѣшательство центральнаго правительства, до котораго доходили частыя жалобы по такимъ дѣламъ. И вотъ 19 іюня 1735 г. на имя св. синода данъ былъ именной высочайшій указъ, коимъ повелѣвалось: «къ имѣющимся въ малороссійскихъ Кіевской, Черниговской и Переяславской епархіяхъ въ городѣхъ и уѣздѣхъ церквамъ поповъ и діаконовъ безъ согласія старшинъ и владѣлцовъ и прихожанъ насилно не насылать, но таковое въ священный чинъ на убыліе мѣста произвожденіе чинить по избранію самихъ старшины и владѣлцовъ, такоже и приходскихъ людей, и по выборамъ за ихъ руками». Съ тѣхъ поръ этотъ порядокъ замѣщенія священнослужительскихъ должностей надолго утвердился въ Малороссіи, и если прихожане какой-либо церкви почему-либо медлили замѣщеніемъ іерейской вакансіи, то консисторія посылала въ мѣстное духовное правленіе указъ: объявить владѣльцамъ даннаго села (если таковые были) и прихожанамъ такой-то церкви, «чтобы они, парохіане, вси необходно къ той своей церкви по сущей справедливости и такъ совѣстно, какъ они имѣютъ суду Божію предстать, трёхъ или двохъ кандидатовъ не-

медленно выбрали изъ людей учителнихъ, въ латинскихъ школахъ въ кіевской Академіи или гдѣ индѣ латинского діалекта обучавшихся, буде же изъ учителнихъ крайне не сыщется, то и зъ неучителнихъ[1]), толко бъ они были разумніи, въ чтеніи и пѣніи искусніи, къ священному писанію прилѣжніи и житія безпорочного, и тѣ выборы объ нихъ протопопу съ правленіемъ за своими руками подали; когда же вскорѣ оніе парохіане таковыхъ кандидатовъ не сыщутъ, представили бы о томъ его преосвященству съ прошеніемъ опредѣленія къ той ихъ церкви священника по усмотрѣнію его преосвященства». Но до этого дѣло рѣдко доходило.

Не дошло оно до того и въ нѣжинскомъ троицкомъ приходѣ. Какъ только Григорій Темнянскій заручился протекціей мѣстнаго настоятеля, послѣдній въ ближайшій воскресный день, за литургіей, оповѣстилъ прихожанъ, чтобы они по окончаніи богослуженія не расходились по домамъ, такъ какъ онъ намѣренъ совѣтоваться съ ними о важномъ церковномъ дѣлѣ. Разоблачившись и выйдя на погостъ, настоятель повелъ рѣчь о томъ, что необходимо избрать кандидата на мѣсто викарнаго іерея и что, по его мнѣнію, лучшаго кандидата, какъ Темнянскій, и искать не нужно. Тутъ выступилъ передъ громадой и самъ Григорій Темнянскій и заявилъ, что онъ съ полнымъ усердіемъ готовъ послужить церкви Божьей и честнымъ парохіанамъ, если имъ будетъ угодно избрать его своимъ пастыремъ. Прихожане ничего противъ этого не имѣли: Темненко (такъ они его называли) былъ для нихъ своимъ человѣкомъ, знали они его съ дѣтства и были довольны его дьячковскимъ искусствомъ; кромѣ того, въ приходѣ немало было его родственниковъ, которымъ было лестно имѣть пастыремъ родича; словомъ, кандидатура его не встрѣтила никакихъ возраженій и была принята единогласно. Теперь оставалось еще сдѣлать «постанову» о томъ, «какими ему, Темнянскому, по удостоеніи его во священство, доволствоватись доходами». Темнян-

[1]) Послѣдняя оговорка дѣлалась лишь въ томъ случаѣ, когда рѣчь шла о замѣщеніи должности викарнаго священника.

скій не сталъ торговаться и прямо заявилъ, что онъ согласенъ довольствоваться тою же таксою, какая издавна установлена въ приходѣ. Тѣмъ не менѣе, во избѣжаніе въ будущемъ всякихъ недоразумѣній, тутъ же, на сходѣ, былъ написанъ формальный договоръ прихожанъ съ будущимъ викаріемъ, гдѣ было точно обозначено, сколько давать ему «роковщины» и по чемъ платить за совершеніе разнаго рода требъ. Послѣ этого былъ составленъ и подписанъ прихожанами избирательный актъ такого содержанія: мы, прихожане такой-то церкви, «доброволное учиня между собою согласіе и по сущей справедливости, такъ совѣстно, какъ имѣемъ суду Божію предстать», избрали въ кандидаты Григорія Темнянскаго, «намъ въ добромъ состояніи и годности къ священству свѣдомого, которого единогласно желаемъ имѣть при оной церквѣ викарнымъ священникомъ: а кромѣ его, Темнянского, болшъ никто правнѣйшій намъ и достойнѣйшій къ священству, ниже изъ учителнихъ латинского діалекта, не оказался». Получивъ этотъ актъ, Темнянскій, согласно старому обычаю, долженъ былъ пригласить будущихъ прихожанъ къ себѣ въ домъ для угощенія.

Но этого было недостаточно; ему нужно было еще имѣть «презентъ», или аттестатъ, отъ мигистрата. И здѣсь, конечно, дѣло не обошлось безъ угощенія магистратскихъ чиновъ, послѣ чего документъ былъ выданъ безпрепятственно. Въ немъ удостовѣрялось, что «оный Темнянскій, мѣщанина нѣжинского Григорія Темного сынъ, обхожденія доброго и никакихъ за нимъ пороковъ не имѣется». Оставалось еще добыть «презентъ», или одобрительное свидѣтельство, отъ нѣжинскаго духовнаго правленія, но хлопоты по этому дѣлу взялъ на себя настоятель Іоаннъ Даниловскій, самъ состоявшій членомъ правленія. Здѣсь же Темнянскій долженъ былъ подвергнуться испытанію въ церковномъ чтеніи и пѣніи и получилъ полную «апробацію» въ этомъ искусствѣ, послѣ чего правленіе выдало ему такую аттестацію, что онъ, Темнянскій, «есть человѣкъ честный, доброобходителній, постоянній, церковному чтенію и пѣнію навыкшій и въ немъ искусенъ, лѣта къ священству имѣетъ правилніе, 31 годъ». Еще болѣе лестною аттестаціею снабдилъ его настоятель Даниловскій.

Съ такими «презентами» можно было смѣло «промоватися во іерейство», и Темпянскій отправился съ этою цѣлью въ Кіевъ. Въ консисторіи его приняли благосклонно, и ему уже, по резолюціи митрополита, велѣно было готовиться къ рукоположенію «и въ катедральной конторѣ должности іерейскіе проходить», т. е. изучать краткое руководство къ прохожденію пастырской службы. Но тутъ случился непредвидѣнный казусъ, едва не разстроившій плановъ нашего «аколѣта» [1]).

Былъ у него землякъ, канцеляристъ нѣжинскаго полковаго суда Петръ Богдаревскій. Предки его, рядовые козаки, именовались просто *Бондаренками*, самъ же онъ передѣлалъ эту плебейскую фамилію на шляхетскую: *Бондаревскій*, а сдѣлавшись канцеляристомъ, не захотѣлъ имѣть ничего общаго съ какими-то «бондарями» и сталъ писаться «*Богдаревскій*. Это былъ одинъ изъ раннихъ ростковъ того «крапивнаго зелья», которое такъ буйно разрослось въ Малороссіи въ концѣ XVIII и въ началѣ XIX ст. Близко знакомый съ порядками дѣлопроизводства и владѣя изрядно тогдашнимъ канцелярскимъ языкомъ, представлявшимъ для малороссіянъ того времени немалыя трудности, Петръ Богдаревскій, помимо своей службы, занимался еще «хожденіемъ» по судебнымъ дѣламъ частныхъ лицъ и любилъ сочинять каверзнѣйшія ябеды. Незадолго предъ тѣмъ онъ поссорился съ нѣжинскимъ поповичемъ Даниломъ Савицкимъ, и когда тотъ сталъ хлопотать о предоставленіи ему отцовскаго мѣста въ преображенскомъ приходѣ, то Богдаревскій подбилъ вдовую попадью Марію Минченкову подать въ консисторію жалобу, будто ея покойный мужъ умеръ отъ побоевъ, нанесенныхъ ему поповичемъ Савицкимъ. Жалоба эта при слѣдствіи не подтвердилась, но Савицкій потерпѣлъ отъ этого «немалые убитки и волокиту». Такую же каверзу Богдаревскій задумалъ устроить и Темнянскому. Въ маѣ 1763 г. онъ подалъ лично кіевскому митрополиту Арсенію Могилянскому слѣдующее «доношеніе»:

---

[1]) *Аколитомъ* (отъ греч. ἀκόλουθος) именовали въ Малороссіи ставленника, готовившагося къ рукоположенію.

«Святотроецкой нѣжинской церкви іерей Іоаннъ Данилевскій промуетъ вашему преосвященству къ рукоположенію и благословенію во іерея за викарія къ тоей церквѣ нѣжинского жителя, кушнѣра Григорія Темного, на что и презента на его, Темного, выданыи. Но понеже оной іерей Данилевскій утаилъ предъ вашимъ преосвященствомъ, что объявленній Григорій Темній съ малихъ лѣтъ даже доселѣ майстерствомъ бадался (занимался) кушнѣрскимъ и чинилъ разніе кожи, яко то: овечіе, волчіе, медвежіе, лисичіе, заячіе, бабаковіе, гарностаевіе, кошечіе и собачіе, такожъ бѣлочіе, норчіе и всякихъ звѣрей мерзскихъ, работая оніе своими руками и очищая съ тѣхъ кожъ мясо и кровъ и всякіе мерзости (какъ то по обычаямъ ихъ должно), да и нынѣ въ его домѣ таково майстерство дѣлается; а при томъ и сего оной Данилевскій не упомянулъ, яко оной Григорій Темній неучителній и совершенно законовъ не вѣдаетъ и не токмо поученіемъ просвѣщать христіянъ, но и о себѣ разумѣетъ ли въ касаючихся до христіянства важностяхъ, не надеждно: того ради о вышеписанномъ вашему преосвященству доношу. А что оній Темній подлинно марался съ малихъ лѣтъ даже доселѣ около всякихъ нечистотнихъ кожъ и кровей, о томъ и самъ, уповательно, потаиться не долженъ. При объявленной же святотроецкой церквѣ вѣкарій честного во всемъ состоянія и управителемъ опредѣленній отъ духовного правленія имѣется».

Хотя въ канонахъ нѣтъ запрещенія рукополагать въ священный санъ бывшихъ кожевниковъ, и апостолъ Петръ, какъ извѣстно, не гнушался подолгу гостить въ Іопіи у нѣкоего Симона «усмаря», однако митрополитъ приказалъ провѣрить доношеніе Богдаревскаго. Призванный для этого въ консисторію, Темнянскій «сказкою показалъ», что онъ «съ малихъ лѣтъ какъ не учился майстерства кушнѣрского, такъ въ немъ и не бадался по сіе время и кожъ, прописаннихъ въ доношеніи канцеляриста полкового Петра Богдаревского, разнихъ звѣрей, не чинилъ, но первѣе съ малихъ лѣтъ руской грамоти, потомъ въ канцеляріи магистрата нѣжинского писать обучался, а наконецъ одружился. Отецъ же его Темнянского, Григорій Темній, въ домѣ своемъ

имѣя людей, майстерствомъ кушнѣрскимъ бадается, только шкуръ собачихъ, кошечихъ и другихъ звѣрей мерзскихъ не чинитъ и люде его не чинять, кромѣ лисичихъ, овечихъ, бѣлочихъ, барсуковихъ и песковихъ. По женитбѣ же его, Темнянского, когда было отецъ его оный Григорій Темній отлучится куда, онъ Темнянскій спитіе кожухи временно, по повелѣнію отца своего, на торгу продасть было. Сіе же онъ, Богдаревскій, по нѣякойсь злобѣ къ отцу его, Темнянского, и къ нему прописалъ въ своемъ доношеніи неправедно и измышленно, забирая (разсчитывая) по своей ябеднической приобиклости получить что отъ его, Темнянского, зъ датковъ» (т. е. взятку).

Члены консисторіи[1]) дали полную вѣру этому показанію и, зная съ самой невыгодной стороны Богдаревскаго, пришли къ заключенію, что «означенный полковій канцеляристъ Богдаревскій и подлинно (какъ сказкою оный аколѣтъ Темнянскій показалъ) по нѣякойсь злобѣ, чимъ бы въ промоціи его, Темнянского, пріостановку и волокиту причинить, подалъ тое доношеніе и, не ожидаясь по оному надлежащого разсмотренія и рѣшенія, заразъ невѣдомо куди отъехалъ», а потому «приложили мнѣніе: оное его, Богдаревского, доношеніе, яко затѣечное и, повидимому, ябедническое, безъ дѣйствія оставить, реченного же Темнянского, яко человѣка честного и ни въ чемъ не подозрителного, по презентамъ духовного нѣжинского правленія, настоятеля святотроецкой нѣжинской церкви іерея Даниловского и прихожанъ, къ оной церквѣ во іерея за вѣкарія рукоположить».

Митрополитъ Арсеній на этомъ «мнѣніи» консисторіи положилъ резолюцію: «Быть по сему. А сверхъ сего велѣть означенного Петра Бондаревского (sic) за оное его затѣечное и ябедническое, поданное въ обиду и волокиту послѣдовавшое Григорію Темнянскому доношеніе, дабы и другіи отъ таковихъ затѣечнихъ, яко жъ того много по дѣламъ является, доносовъ оберегались, къ

---

[1]) Кіевобратскій архимандритъ и ректоръ Самуилъ, кирилловскій игуменъ Павелъ, протопопъ кіевоподольскій Романъ и намѣстникъ подольскій іерей Іаковъ.

причащенію святыхъ божественныхъ таинъ не допущать дотоль, пока онъ реченного Темнянского не перепроситъ и прощенія отъ него не получитъ и тѣмъ покаяніе свое окажетъ».

Спустя нѣсколько дней такую же точно резолюцію положилъ митрополитъ и на докладѣ консисторіи о другомъ «аколѣтѣ», нѣжинскомъ поповичѣ Данилѣ Савицкомъ, оклеветанномъ тѣмъ же Богдаревскимъ.

Ор. Левицкій.

Хто-жъ вьшенъ?

Була недиля. Вже сонечко геть-геть пидійшло выще дерева, колы пидъ повиткою почалы ворушытыся сухи постати бондаривъ. Натруджени рукы й ногы бажалы спочывку, а въ поясныцю—мовъ що сокырою рубало. Пидійшла недиля—свято, треба жъ и спочыты!

Де хто зъ старійшыхъ вже вставъ, умывся, надивъ чысту одежынку и стоить на колинахъ, лыцемъ на схидъ сонця—молытся Богу. Молодши чоловикы та парубкы ще лежалы въ холодку: де яки спалы, а инчи вже и выспалысь, та вылежувалысь.

Зъ села почувся далекый дзвинъ. Сумно-прывитный згукъ ёго роскотывся по лисовій долыни и замеръ въ повитри. Одынъ за другымъ летилы ти згукы; одынъ за другымъ почалы вставаты трудовныкы, мовъ соромляючысь, що въ сели люде йдуть до церквы, а воны у лиси сплять!

Черезъ яку годыну вже вси повставалы, прычепурылыся, перекусылы хлиба, покы обидъ выспіе, и сыдилы розмовляючы про всяки справы.

Зъ-за дерева по гори замаячыла чоловича постать верхы на кони: то Васыль, хазяйськый прыказчыкъ, визъ зъ города почту.

— Може що мени прывезе!—мовывъ самъ соби коженъ.

Васыль, тымъ часомъ, поривнявся зъ повиткою и здержуючы баского коня, гукнувъ до гурту: «Остапе, тоби гостынець зъ дому!» И винъ вытягъ зъ юхтового гамана чымалого пакета на

тры маркы, и пиднявъ ёго высоко, мовъ на показъ. «Иды, на́ скорійше, бо, бачышъ, кинь не стоить!»

Зъ-пидъ повиткы прожогомъ выскочывъ маленькый чоловичокъ, сухый якъ триска. Ёго куценьки ногы дрибнесенько затупотилы по сухій земли, и черезъ якый ментъ винъ вже бувъ биля Васыля.

— Ось тоби лыстъ зъ дому.

— Мени?

— А тоби, якъ що ты Евстафій Савченко—каже той осмихаючысь.

— Та, до якого часу, люде добри Остапомъ звуть, а на сей разъ хай вже буду й Стахвіемъ!

— Зъ тебе могорычъ?

Васыль, давшы въ рукы Остапови пакета, поихавъ до хазяйськои конторы, а Остапъ вже стоявъ на однимъ мисти, повертаючы того пакета на вси бокы, наче миркуючы: «ну, зъ якого боку ёго почынать?» Дали, зирвавшы одынъ краечокъ, винъ вынявъ лыстъ, кругомъ спысаный дрибненькымы, але выразнымы литерамы; кримъ лыста вынявъ ще фотографычну карточку, на котрій було тры дивчачыхъ постати. Дви дивчынкы, у вышываныхъ сорочкахъ, зъ виночкамы на головахъ, булы ще зовсимъ диткы: веселеньки очыци свитылыся прывитно и мовъ осмихалыся. Диткы булы рокивъ по дванадцять-трынадцять. Третя постать була дивкы рокивъ пидъ двадцять; вышывана сорочка, керсетка, картата плахта—выдавалы іи за украинку.

Пыльно подывывся Остапъ на ту карточку; на очахъ заблыщалы слёзы и винъ мовывъ тыхо, наче самъ до себе: «Галя—якъ жыва!..—и поцилувавъ одну зъ меньшыхъ дивчатокъ.—А це Мотя Панасенкова, по́друга Гали... а це й старша Панасенкова дочка Софійка, що десь далеко вчытся. И що то—школа? Ривняе и багатыхъ и бидныхъ! У Панасенка своя экономія, а у мене... та що въ мене?—злыдень я, та й бильшъ ничого!.. А це жъ и лыстъ мабуть Галя сама пысала... Спасыби Богови, маю вже свого пысаря!—И винъ зновъ поцилувавъ свою дочку, що мовъ осмихалася до батька.

Тымъ часомъ Остапа обступыло товарыство. Тутъ булы и стари й молоди. Всихъ стукнуло въ саме серце: коженъ прыгадавъ свою симейку, и зъ десятёхъ грудей, мовъ по змови, вырвалося тяжке зитхання: «Якъ то тамъ мои»?..

— Зъ Остапа могорычъ!—обизвалося де килько чоловикивъ зъ гурту.

— Та якъ що дома діется гараздъ, то й могорычъ справымо!—каже Остапъ и подавъ лыста парубкови рокивъ симнадцяты.—На, Грыцьку, прочытай, будь ласка, що тутъ дочка́ пыше?

Взявъ Грыцько лыста, подывывся на нёго, здвыгнувъ плечыма, та й каже: «та це напысано такъ, що я й не втну!»

— Якъ?!

— Напысано по нашому, по мужычому, зовсимъ не такъ якъ у тыхъ кныжкахъ, що я колысь вчывъ.

— Э... э!.. Грамотни, бисъ вашому батькови!—обизвався Йванъ, пидійшовшы до Грыцька:—самъ каже, що напысано по нашому, а прочытать «не втну!» Дай сюды! Якъ колы, то й рота не дасть роззявыть: «я вчывся», каже. Васъ тильки вчать «козликовъ», та «бурёнушокъ»! Ходимте пидъ повитку, въ холодокъ,—зверпувсь винъ до гурту.

Пишлы. Пидъ повиткою для недили було прыбрано. Струментъ высивъ на килочкахъ и тильки колодкы стоялы нерухомо на своихъ мисцяхъ. Посидалы. Видкашлявся Йванъ, сплюнувъ на бикъ, обитеръ свои довги вусы и почавъ чытаты.

«Таточку мій риднесенькый! Яка я рада, що маю змогу сама напысаты вамъ лыста! Вамъ тежъ мабуть весело, що ваша Галя сама пыше. Сей рикъ для мене дуже счаслывый: я скинчыла нашу народню школу и получыла першу награду. На екзамени мени було кругомъ пьять и за се мени далы похвальный лысть. Сю награду далы тильки мени та Моти Панасенковій... Мы вдвохъ и подругуемо, мовъ сестрычкы!.. А инчи—зосталыся на другый рикъ у школи... Якъ жаль ихъ бидныхъ! Попечытелька нашои школы, добродійка Панасенчыха, купыла хорошыхъ кныжокъ, щобъ роздаты тымъ, хто скинчыть школу. Кныжкы ти—наши, украинськи, та ще й прызвыще мають чу-

дове: «Божи диты». Якъ тамъ хороше напысано про Меласю, та про Костыка!.. Якъ прыйидыте до-дому, то я вамъ почытаю!.. Кныжкы—не велыки, але гарно оброблени у голубу калинкорову оправу, а якъ у мене, то ще й зъ золотымъ снопомъ жыта и серпомъ—се-бъ-то перша награда. Кримъ того, Софійка, такы жъ Панасенкова, подарувала мени видъ себе другу кныжку: «Кобзарь Т. Г. Шевченка», роскишне выдання, въ дорогій оправи зъ золотымы квиточкамы. Не можу вамъ и розсказаты, яка я рада! Чытаю, та чытаю!.. Багато де чого ще не розумію, але мени помогають розумиты Мотя й Соня... Отъ хто чытае, якъ бы вы почулы!.. Дали, якъ бачыте, мы втрёхъ зпялыся. Мени ажъ ніяково, що я стою порядъ зъ такымы панночкамы! Воны мене люблять и радять, щобъ я поступала вчытыся до гимназіи; обицялы просыть свого татка, щобъ выпросывъ земську запомогу. А вы те-жъ пышить прошеніе за мене до земськои управы. Яка бъ я була рада, якъ бы я вчылась у гимназіи!.. Мамочка булы хвори тыжнивъ зо-два. Де килько разивъ бувъ ликарь... Хто ёго клыкавъ—я певне не знаю... Свитъ не безъ добрыхъ людей!.. У насъ бувъ велыкый дощъ зъ витромъ: зирвало частыну покривли на хати, доцемъ промочыло прычилкову стину и вона одвалылась до самисинького дерева. Мамочка бидкаются, що немае грошей. За те, що я хороше вчылася, мамочка обицялы купыть мени стричку, але й доси не купылы! Немае, кажуть, грошей... У Моти я часто буваю, тамъ и обидаю и Васылькови прыношу до-дому: у ихъ багато всёго зостается видъ обиду и те все дають мени, щобъ я видносыла до-дому. Васылько вже пидрисъ и частенько васъ, таточку, згадуе. Мамочка дуже бидкаются за гришмы: и хату лагодыть, и мени стричку купувать, а грошей немае. Кажуть: «якъ бы у татка булы гроши, то винъ бы прыславъ!» Я трычи зрывалася пысать, та все и не доведу до кинця. Першый лыстъ я напысала тіею мовою, якою насъ вчылы въ школи, але Софійка якъ побачыла, то порвала той лыстъ на шматочкы, та ще й прыстрамыла мене, що я не можу слова напысаты на ридній мови. Це мене запалыло и я напысала такъ, якъ бажалося Софійци; та и вы, таточку, за се

не погниваетесь. Не думала я и не гадала, щобъ Софійка такъ мене любыла й жалувала! Спасыби ій! Вона така хороша панночка! Бувайте здоровеньки! Не забувайте жъ, що у насъ стина впала, а грошей немає. Напышить, чы вы здоровеньки и чы вы не забороняете мени вчытыся въ гимназіи? Вси вамъ нызенько кланяемося и цилуемо васъ. Ваша дочка Галя».

Скинчывъ Иванъ лыста, похытавъ головою, та й промовывъ: «да й молодчына жъ у тебе, брате Остапе, дочка! Адже жъ... тильки що вдержався, щобъ не плакать! Не забороняй, братику, вчытыся,—зъ неи будуть люде!

— Правда, правда—озвалося килько чоловикивъ—що правда то правда! Молодчына, именно молодчына!

А Остапъ сыдыть на колодци, та тильки слёзы втырае. Радіе батькове серце, що ёго ридна дытына потишае ёго своимъ таланомъ. Мигъ бы, полетивъ до дому, обнявъ бы, поцилувавъ бы свою дорогу Галю, та далеко... Бильшъ сотни верстовъ видъ того ридного куриня, де ёго симейка тильки що зъ голоду не вмирае!.. А винъ робыть, винъ кривави пухыри понадавлювавъ на рукахъ, щобъ бильшъ заробыть, щобъ нагодувать и себе й жинку зъ диткамы!.. Охъ, заробиткы, бодай не диждалы такыхъ и наши диткы!..

— Зъ неи будуть люде,—каже дали Иванъ:—не забороняй ій вчытыся!

— Та я жъ и не забороняю! Нехай вчытся, якъ що добри люде поможуть гришмы,—каже Остапъ.

— Та вже, якъ Панасенкови дочкы визьмутся за це дило, то напевне запомогу дадуть!

— Колы бъ то Господы! Я не ворогъ своій дытыни!.. А покы що, треба йты до хазяина, хай дае одынадцять карбованцивъ: десятку пошлю до дому, а карбованець—на обихидку.

— Я тежъ хочу просыть пьятерычку,—каже Иванъ.

— Та и я, мабуть, пошлю—каже Опанасъ:—бо и въ мене дома... Э... хъ!.. та й бильшъ ничого!

— Ходимте вси!—каже Борысъ. А теперъ у хазяина й гроши маются. Васыль хвалывся, що зъ Хорола зъ ярмарку прывезлы сотъ симъ!

— Ходимъ!..

Вси робитныкы, скильки було пидъ повиткою, пишлы до хазяйськои конторы. Хазяинъ—высокый русявый чоловикъ, тонкоголосый, зъ лукавымы очыма—сыдивъ биля столу и выкладавъ щось на счотахъ. Побачывшы такый гуртъ людей, своихъ робитныкивъ-бондаривъ, винъ зразу-жъ догадався, що це прыйшлы по гроши. По ёго облыччу пробигла осиння хмарка, але винъ весело видповивъ на добрыдень.

— А що, хлопци, скажете?

— Та до васъ, Кырыло Марковычъ...—почавъ Остапъ, та й замовкъ, и тильки чухавъ потылыцю, вынувато осмихаючысь, наче піймався на якій шкоди.

— Та бачу, що до мене, а що скажете?

— По гроши до васъ, Кырыло Марковычъ,—озвався Йванъ— та вже, будь ласка, и не видкажить!

— По скильки жъ вамъ?

— Та мени ..—вынувато каже Остапъ:—я просывъ бы... Тильки не видкажить, бо такъ треба, такъ треба, що ажъ...—и винъ, не доказавшы, махнувъ рукою.

— Скильки жъ тоби треба?

— Та треба-бъ одынадцять карбованцивъ!

— Скильки?!—перепытуе хазяинъ.

— Одынадцять...

— Чы-маленько!.. Мабуть стильки немае й зароблеңыхъ!

— О-це! Пивъ лита проробывъ, та ще немае й одынадцяты карбованцивъ?

— А ты-жъ бравъ!

— Та що жъ тамъ?! Трычи просывъ по десятци, щобъ переслаты до-дому, а вы жъ по карбованцю далы, та й тильки!..

— И сёгодня дамъ карбованця!

— Ни бо вже, Кырыло Марковычъ, будь ласка, на сей разъ дайте що прошу.

— И не выгадуй!—махнувъ рукою Кырыло и повернувся до Ивана.—А тоби скильки?

— Пьять.

— А ты хиба не бравъ?

— Посłавъ же объ Тройци пьять до дому, та двичи по карбованцю бравъ—оть и вси!

— Ну, то дамъ и тоби карбованця! Всимъ вамъ дамъ по карбованцю, а за бильше... и языкивъ своихъ даремно не чешить, и мене не гайте! Мени байдыкы быть ни́колы! Здается, я вамъ уже казавъ, а якъ що не казавъ, то скажу, що до Покровы, покы я не прыйиду зъ Лубень, зъ ярмарку, бильшъ якъ по карбованцю никому не дамъ! Мени треба грошей за для дила, а вамъ за для чого? Я васъ харчую! Що треба кому—чы тютюнъ, чы що инше—вы берете на сели у Мусія Мыкытовыча по кнызи и я самъ плачу́ за васъ...

— Нашымы жъ гришмы!..

— Колы-бъ ще своимы! Це гарно!.. Ну, выходыть, що вамъ грошы потрибни тильки на пропій!..

— Якъ? А у насъ же дома симейства́!—гаряче перебывъ Борысъ.

— А мени то що за дило? Треба буде навищо грошей, то жинка позычыть!

— У кого?!

— У кого схоче! Всякъ знае, що писля Покровы чоловикъ виддасть!

— Кырыло Марковычъ! Та це жъ розбій!—озвалося де-килько чоловикъ.—Мы жъ просымо свои, зароблени, грошi! Дайте намъ наше, мы вашого не просымо!..

— Та и я скажу, що розбій! Вы прыйшлы гуртомъ и вчыняете бунтъ! Васылю!—гукнувъ винъ, сипнувшы за мотузочку, що була проведена до дзвинка у другу половыну будивли.—Васылю, иды сюды!

— Слухайте, хазяину!—каже Йванъ.—Не роздувайте вы велыкои пожежи, бо однаково ваше дило не выгорыть! Мы у васъ не строкови, а видъ дижкы робымо! Скильки я заробывъ, за стильки заплатить мени й грошей!

— А вже жъ що такъ!—гукнувъ Опанасъ и ще де хто зъ гурту.—Мени мое давай,—тай рештъ увесь! Мы заробылы и маемо право взять свое до копийкы!

— Лякапого не злякаете! Вы робылы, а я вамъ платывъ! Де ваши умовы?

— А совисть! А хазяйське «слово»! Мы на «слово» йшлы робыть, на «слово» счытаемось, на «слово» й гроши беремо...

— Та-акъ!.. Про це треба й мени помиркуваты!..

— А що таке, Кырыло Марковычъ!—каже Васыль увійшовшы въ контору.

— Та... вже не треба, покы що. Геть зъ хаты, та не далеко заходь.

Васыль выйшовъ. Се бувъ парубокъ рокивъ двадцяты пьяты. Шыроки плечи и товста шыя показувалы, що зъ нымъ жарты коротки! Вырисъ Васыль бильшъ по ярмаркахъ, йиздячы зъ днжкамы; у Кырыла Марковыча служыть не выходячы рокивъ десять, и воны одынъ другымъ булы завдоволени. Винъ бувъ пысьменный, але пысьменство ёго не йшло дали того, щобъ пысать те, що повелыть хазяинъ, и балакать—чому ёго навчать. Бондари тежъ ёго не цуралыся и нидъ часъ, за чаркою горилкы, воны спильно судылы хазяина. Тильки крыводушывъ Васыль! Сёгодня зъ бондарямы судыть хазяина, а завтра—зъ хазяиномъ лае бондаривъ.

Вси замовклы. Кырыло Марковычъ нидперъ рукою нидбориддя и нибы ставъ до чогось прыслухатыся, не зводячы очей зъ викна. Въ хати тильки й чутно було, якъ кругли часы на стини выбылы: «не-такъ», «не-такъ», «не-такъ»... Що жъ «не такъ»? Чы «не такъ» хазяинъ шануе своихъ робитныкивъ, чы «не такъ» робитныкы обиходятся зъ хазяиномъ? И те «не такъ», и те «не такъ»! Мало ще йе на свити хазяинивъ, котри-бъ обиходылысь зъ робитныкамы «такъ», такъ... якъ зъ людьмы!..

Важко, голосно, черезъ нисъ, дыхалы сухи, загорили люде. Чорни груды, прыкрыти билымы сорочкамы, высоко нидіймалысь и зъ ныхъ, що хвылыны, вырывалысь тяжки зитхання.

— Та-акъ!..—протягъ хазяинъ и лукаво осмихнувшысь, обернувся до робитныкивъ.—Вы трохы грубенько обійшлыся сёгодня зо мною, та дарма! Я цёго въ гнивъ не покладу. Краще—мы помырымось!—Винъ вставъ, одимкнувъ шкафу и вынявъ звидты

четвертну сулію и велыку чарку.—Грошей у мене сёгодня немае; хазяйка забрала въ городъ—тамъ йе дильце. Дамъ я вамъ, хлопци, по карбованцю, а якъ прыйнде хазяйка зъ города, тоди дамъ, кому скильки треба. А покы що—выпыйте по чарци горилки и йдить обидать.

— Кырыло Марковычъ,—озвався Йванъ—вже не першый разъ мы чуемо цю писню! Пора бъ вже яку другу спивать!

— А пора!—пиддержуе Борысъ—намъ вже ця дуже обрыдла! .

— Стійте, стійте, не гарячиться!—перебыва хазяинъ.—Кажу жъ вамъ; выпыйте по чарци, та по другій, а я ось и грошп знайду. Иване, йды, твоя перша чарка!

— Не хочу! Хай почынае хто старійшый.

— Почавъ!.. Хе-хе-хе!..—роблено засміявся хазяинъ—И почне выгадувать! По моему, не сыва, а розумна голова велыко стóить, а по твоему... Ну, хай по твоему!.. Диду Омелько! Мабуть вы найстарійши, йдить выпьемо зъ вамы першу.

— Та чы йты, то йты!..

Пидійшовъ Омелько, выпывъ дви зряду, втерся рукавомъ, сказавъ «спасыби» и одійшовъ. За Омелькомъ пидійшовъ Матвій, потимъ ще де хто зъ старійшыхъ. Иванъ, Борысъ, Опанасъ и Остапъ уперто дывылысь въ землю и не ворушылыся зъ миста. Вже й молодши выпылы, а воны все стоялы и тильки зитхалы.

— Ну, а вы! Иване, Борысе!.. Хиба вы въ Бога не вируете? Чого понадувалысь, якъ сычи?!

— Кырыло Марковычъ!—почавъ твердо Опанасъ,—до якого часу вы будете водыть насъ за носы? То грошей немае, то ярмарокъ не доладній, то се, то те!.. Нашн диткы зъ голоду мруть, а мы будемо потурать вамъ! Пора-бъ уже и совисть маты!..

— Опанасе! Ты жъ такы чоловикъ, не скотына! Я жъ кажу, що завтра, або пислял завтрёго, дамъ усимъ, кому скильки треба, а сёгодни намае грошей. По карбованцю всимъ, а бильшъ не можу дать!

— Що мени зъ карбованця!—озвався Остапъ.—У мене хата розвалылася, треба жъ лагодыть, а за вищо! Вы жъ сами бачылы лыста! Просять грошей. А за карбованця тильки горилкы можна напыться.

— А ты, краще, выпый якъ даю, не церемонься! Теперъ лито, не померзнуть тамъ десь у твоій хати!..

— Такъ соромъ же зъ боку глянуть! Чоловикъ выробляе въ лито по сотни, а жинка й диты у разваленій хати жывуть!—ажъ скрыкнувъ Борысъ.

— Прошу не крычать! Скильки васъ? Тры, шисть, десять, трынадцять. Получить пьятнадцать рубливъ!—И хазяинъ кынувъ на стилъ тры золотыхъ.—Остапови тры, хай лагодыть хату, та дочку до гимназіи виддае, а вамъ по карбованцю! Завтра дамъ бильше, а сёгодня—зъ Богомъ! Хто схотивъ выпыть—выпывъ, а хто не схотивъ—хай закусуе! Тратыть часу даремно я не можу,—у мене йе дило!

Кырыло Марковычъ московавъ сулію й чарку и сивъ до столу выкладаты впьять на счетахъ, а хлопци, взявшы гроши, выйшлы зъ конторы. До повиткы йшлы мовчкы. Коженъ думавъ свою думку, коженъ по своему думавъ про хазяина.

Дидови Омелькови кращои ласкы й не треба, якъ два половынчыкы та карбованець, бо у нёго, якъ кажуть: «ни хаткы, ни паниматкы!». Жинка ёго давно вже вмерла. Диткы де яки померлы, а яки жыви; вже сами хазяинують, кому якъ поталапыло. Бильшъ десятка рокивъ винъ жыве у Кырыла Марковыча и ни разу ще не досчытувалысь, хто кому зъ ныхъ выпуватый. Видома ричъ, що хазяинъ себе не обсчытувавъ! Йдучы зъ конторы, Омелько наперёдъ знавъ, де дине свого карбованця, и ждавъ тильки, докы розминяють пьятерычку.

У всихъ, кримъ Омелька, та двохъ-трёхъ парубкивъ, була одна думка, тильки коженъ по своему іи ясувавъ. Вси думалы про те, що хазяинъ, даючы имъ по карбованцю, скорійше заплутуе кинци, а тымы грншмы, що зостаются недоплаченными робитныкамъ, винъ до Покровы ще не разъ покорыстуется! А воны, заробывшы за лито по сотни, або й бильшъ, прынесуть до дому

писля Покровы хыба по четвертпій! А дежъ гроши диваются? По карбованцю, та по два, позабирають и смаку въ ныхъ не знайдуть!.. Дома жинка зъ диткамы жыве якъ Богъ дасть, а тутъ на того карбованця, що визьмешъ, пе що зробышъ. Покы розминяешъ, покы купышъ тютюну, а тамъ, дывысь, жинка зъ села правыть гроши за те, що прала сорочкы, а тій за сояшныкове насиння виддай... Та всёго й не перекажешъ! Въ село йдешъ зъ срибнымъ карбованцемъ, а зъ села не несешъ и мидпои копійкы! Та, на́ лыхо, ще й завынуватывся! Мусій Мыкытовычъ запысавъ по кнызи за тютюнъ, та за сирнычкы, та ще де за вищо—що бу́цимъ то й не бравъ!.. А пидъ часъ... бодай не казать, та й годи! Тій за сорочкы, а тій за насиння!.. Лыха нетеча пиднесла знакимця: купывъ могорыча, бый його сыла Божа! Винъ купывъ, я видкупывъ, а винъ зновъ купывъ, а я зповъ видкупывъ... Десь бувъ, зъ кымъ-сь йшовъ, кудысь прыйшовъ... Прокынувся—якъ не на болоти, то середъ купцивъ!.. И такъ, що педили, що празныка!..

Зоставшыся самъ въ контори, Кырыло Марковычъ пройшовся по хати разивъ десятокъ, заклавшы рукы назадъ, а дали й почавъ миркуваты въ голосъ.

— Э-ге!.. Такъ оце хлопци нагадалы мени про те, про вищо я й не догадувався! И якъ такы я, даючы людямъ гроши, не беру зъ ныхъ роспысокъ?! Що ты зъ нымы зробышъ? Прыйде осинь, скаже—давай вси гроши за лито—и давай! У мене немае ніякого документа! Вси знають, що такый-то бувъ у мене, робывъ, а чы я платывъ ёму, чы пи, про це нема ніякого доказу! Треба завесты прыходо-расходну кныгу для робитпыкивъ. Що вечеръ—прыёмка товару... треба доглядаться, якъ посудына зъ якымъ зъяномъ—замичать, а потимъ высчытувать!.. Це все пыщечкомъ, а наренти, пидсунуть хай роспышутся—и дило зъ концемъ! А за гроши—якъ взявъ, такъ и роспышысь!.. Хоча... Гм... прыпысать не можно буде!.. Ну, дарма!.. Мусій Мыкытовычъ поможе: хай беруть въ його крамныци, хай беруть!.. А винъ гавъ не ловыть!.. И мени

перепаде!.. Кримъ того, горлатійшымъ можно буде по пьятаку скынуть на пари, та на аршынци, а на шестерыкови—по грывеныку, и край! Хай не баламутять людей! Про цину у кнызи—а ни чычыркъ! Хай на совисть, якъ каже Йванъ. Э... дурень!.. Каже: «совисть, хазяйське слово!» Теперъ вся совисть у гербовій бумази, а хазяйське слово—це нотаріусъ! Сёгодня скажу те, а завтра—зовсимъ друге! И хазяинъ своему слову—я! Сёгодня кажу—грошы дамъ завтра, а завтра скажу—грошы будуть писля завтрёго... и хай балакають зо мною, що хотять! Гулящымъ днемъ якъ небудь вывертюсь, зъ дому пойиду, а въ будень—винъ и самъ не схоче дня гаять! А мени—ковинька на́ руку: за лито, на ихни гроши, я зароблю соби рубъ на рубъ! Хх-е! Комерція—велыка ричъ!

Пройшовшыся ще килько разивъ, винъ перекынувъ думку на Остапа.—А той злыдень! Дочку до гимназіи виддае! Бачъ! У мене десять тысячъ капыталу и дочка не вчытся, а йиздыть по ярмаркахъ зъ дижкамы, йиздыть, доглядае, щобъ прыкащыкы не кралы, не пехтувалы батькивського добра, а винъ, злыдень... Ну що, якъ бы голоти та давъ волю?! Що, якъ бы порваты ти налыгачи, якымы щоденно мы ихъ скручуемо?! А якъ бы до того та давъ имъ ще й грошей?! Адже жъ пидійшовъ бы бисивъ голодранець до хазяина, до стóющого чоловика, плюнувъ бы у пыку и назвавъ бы у вичи дурнемъ!.. Хоча бъ такый, якъ Иванъ: дай ёму волю, попусты хочъ трошкы поводы—и винъ почне мени, своему хазяинови, вказуваты, якъ весты росплату зъ робитныкамы, якъ ихъ харчувать!.. Та .. краще хай не дижде голота водыты за носы нашого брата! Давы ёго, покы винъ у тебе въ рукахъ, а якъ выпрысне зъ рукъ—тоди вже не піймаешъ! Ни, треба не такъ коло ныхъ!..

— Чы я тоби, Васылю, казавъ, чы ни, щобъ вси лысты, яки прыходять моимъ хлопцямъ, ты прывозывъ мени, а я вже самъ буду роздавать кому треба?

— Ни, вы цёго ще не казалы.

— А якъ ще не казавъ, то кажу: все, що буде имъ на почти, щобъ ты мени дававъ до рукъ!

— На що жъ це такъ?

— Не твое дило! Ты у мене грошы берешъ, ты мій прыкащыкъ,—и повыненъ все те робыть, що я тоби велю! А проте, на що такъ, а не инакше—це не твого ума дило!

— Та чы такъ, то й такъ!

— Кримъ того: прыслухайся, що хто зъ ныхъ буде колы балакать про мене, и мени все до словечка кажы—слухаешъ?

— Та слухаю.

— Дали: скильки я колы грошей прывезу зъ ярмарку, або й самъ, якъ колы посылаю—никому, а ни словечка!

— Чую.

— Прывезешъ сотню, кажы десять карбованцивъ.

Ярмарокъ бувъ поганый, посуда, за малымъ чымъ, не вся зосталась и покынута въ склади, а якъ яка й продана, то за безцинь!

— Слухаю!

— Слухай же, та намьятай! А про це никому, а ни пары зъ устъ!

Васыль выйшовъ, а Кырыло Марковычъ почавъ миркуваты дали: хазяйське дило знать, хто яку звистку мае зъ дому. А тымъ часомъ треба кынуты писку у вичи тымъ, що цина на посуду надае. Треба умовытысь про це зъ товарышамы, хай и вони зъ мене зразокъ беруть, та й у себе таке заводять, бо якъ хто зъ моихъ хлопцивъ покыне мене та наймется до котрого зъ ныхъ, то щобъ зразу жъ збывъ оскому! Треба прыборкать крыльця, щобъ и не стрипнувся—тоди наше право! Робы зъ нымъ тоди що хочъ! А перша ричъ—себе обгородыты, щобъ не зробывъ якого злочыньства такый пьяныця, якъ Опанасъ, або Борысъ: що имъ? черкнувъ сирнычокъ—и квитъ!.. Недогадлывый, недогадлывый Кырыло Марковычъ! стыдъ, срамъ: складъ посуды не застрахованый! Черкнувъ сирнычокъ якый дурень—и тысяча карбованцивъ пиде дымомъ!.. Шутка!.. А якъ застраховано—палить! Мое мени повернется, а вы за свое—наберить у запилъ жару... Кримъ того... гмъ.. агентъ знаёмый—дильце можна буде обробыты якъ пысанку!

Ажъ осмихнувся Кырыло видъ останнихъ думокъ,—такъ воны ёму подобалысь. Пройшовшыся ще килько разивъ по хати, винъ диставъ зъ шкахвы грахвына, выпывъ дви чаркы «очыщенои» и пишовъ у кимнату обидать.

Порадывшысь пидъ повиткою, що кримъ «монопольки» бильше нигде не розминяешъ трёхъ золотыхъ, вси робитныкы знялыся и пишлы до села. Йдучы порядъ зъ Остапомъ, Иванъ почавъ балакаты, що дуже бъ було добре, якъ бы Панасенко поклопотався,—та показавъ Гали стежку до гимназіи.

— Та й ты—каже дали Иванъ—подай прошеніе до земськои управы, може й справди поталаныть! А наука... Це, братъ, ричъ не абы-яка! Якъ намъ трапылася невесела доля, не жыть, а видживать, то може хочъ нашымъ диткамъ вона прывитненько усмихнется!

-- Ни, брате!—видповидае Остапъ:—докы сонце зійде, роса очи выйисть!

— Не кажы цёго! Це було за нашыхъ батькивъ, а за нашыхъ дитокъ все зминытся! Дочка твоя правду каже: «свитъ не безъ добрыхъ людей!»

— Малá вона, дурна! Не жыла вона мижъ людьмы! Пожыве—побачыть!..

Ричъ обирвалась на якый ментъ.

— Тепера, Иване, и батько ридный не може буты такымъ, якъ треба... Чы легко мени слаты до-дому два карбованци?!..

— А мы пошлемо шисть, або симъ!..

— Де жъ мы визьмемо?

— Про це вже я́ знаю!..

Хтось зъ гурту обернувся до Ивана зъ своимы пытаннямы и повернувъ мову зовсимъ на другый ладъ.

Тымъ часомъ, до села зосталося вже гинъ двое. Зъ сильськыхъ будивель перш усёго кынулась у вичи «монополія». Вона стояла край села, на выгони, и выразно, по зеленому полю садкивъ, червонила своимъ зализнымъ верхомъ. Дали, за садамы,

прывитненько билила своимы срибными банямы церква и блыщала проты сонця своимы золотымы хрестамы. Надъ усе село була выща церква, та до неи вже прывыкло око: диды й прадиды бачылы скризь церквы́, молылыся въ ныхъ, звыклыся зъ нымы, якъ зъ риднымы: церква й церква! А монополька—це ще зовсимъ новына! Батькы й диды пылы горилку по шынкахъ, а диждалыся монопелькы... Диждалыся! Увійдешъ—зовсимъ аптека! И пляшкы й пляшечкы, и панночка билолыця у жовтыхъ черевычкахъ—зовсимъ не выдае шынкаркою. Не такъ давно була вона вчытелькою, та буцимъ то мало грошей платылы ій за працю, та ще й ганялы зъ села въ село, видъ школы до школы—и вона змыняла народню освиту на народню отруту.

Биля монополіи вже зибралося чымало чоловикивъ. Не вважаючы на те, що пивденне сонце пекло якъ зъ печи, люде—знай, одынъ за одынмъ—ходылы та выходылы въ монопольку та зъ монопелькы. Вже и черепыкы чоловикивъ по пьять и бильше маячылы скризь по выгону. Не мало було й одынцивъ, яки не вважаючы на кумпанію, хылылы зъ шкалыкивъ, ажъ шапка назадъ падала. Хто не посцивъ пидъ чергу, той ще бывъ шкалыкомъ объ руку и, набывшы долоню, вытягавъ зъ кышени гвиздокъ и видтыкавъ затычку. Здалека було вже чутно, якъ биля одного гуртка жинка верещала на весь выгинъ, лаючы свого чоловика, не вважаючы и на «чесну кумпанію». Друга—вже пидтюпцемъ бигла до-дому и за нею, шукаючы спотыкачивъ, йшовъ чоловикъ, выробляючы рукамы всяки муштры, наче салдатъ; давно вже винъ нагнавъ бы свою Ганку, та ногы не слухалы бидолахы! А на шляху, наче якый бисъ концы покопавъ: пиднявъ ногу, хотивъ ступыть на ривну стежку, але кинець и кинець!..

Кумпанія зъ лиса пидійшла вже до монопелькы и облюбовала мисто геть дали, пидъ садкомъ, де ще зосталася смужка холодку.

— А ну,—каже дидъ Омелько—хто зъ молодчыхъ, беры золотого ти йды миняй! Скилько насъ? Одынъ, два...

— Трынадцять,—озвавсь де-хто зъ гурту—трынадцять пьятакивъ, шистьдесятъ пьять... хай бере кварту, докынемъ по копійци.

Прынеслы горилку. Дидъ Омелько вынявъ зъ кышени чарку и окраець хлиба. Де у кого тежъ бувъ хлибъ. Обійшлы по чарци, по другій.

— Оце, шановни добродіи,—почавъ Иванъ.

— Ще й шановни! Ге, ге, ге...—засміявся одынъ зъ парубкивъ.

— Цыть, блазень!—грымнувъ Опанасъ.—Иване, кажы, слухаемо!

— Якъ бы намъ помогты Остапови полагодыты ёго хату?

— Якъ се такъ?—пытае дидъ Омелько:—йты до ёго лагодыты хату—далеко, сотня верстовъ зъ гакомъ!

— Та може я не такъ почавъ... Остапови треба переслаты до дому грошей карбованцивъ десять, а у ёго тильки тры. Мы вже сёгодня не посылатымемъ до дому, бо нічого: у кождого карбованець, та й той уже не цилый. Отъ мы зкыньмось по полтыннику, це бъ то въ позыку Остапови, та ёго троячка, отъ и хай посылае. А потимъ, кому другому такъ само зъ гурту поможемо...

— Та не що жъ робыть, колы дае по карбованцю, наче старцямъ!..—гарячé озвавсь Борысъ.

— Такъ якъ, чы до дила моя ричъ?—пытае Иванъ.—Остапе, позычаешъ?

— Якъ бы то ваша ласка, люде добри, а то... якъ же?! Дочка сама пыше, просыть... Поможить, братикы, будь ласка!

— А що жъ! Хай иде миняе другого золотого, дамо!—озвалось де-килько чоловикивъ.

Зибравъ одынъ зъ хлопцивъ пляшкы, пишовъ минять золотого и обминяты порожни на повни, а другый пишовъ до Мусія у крамныцю, щобъ узяты десятокъ тарани, та вьязку бублыкивъ. Обыдва хлопци булы дуже проворни; чарка вньять заходыла видъ рота до рота и балачка пишла гуртова.

— А хазяинъ, бый ёго сыла Божа, бачъ якъ насъ шануе?!

— И такъ що недили, що празныка!

— Немае, щобъ сказаты: пышить, хлопци, лысты до дому, кланяйтесь и посылайте по десятци, а я буду въ городи, здамъ на почту, а вамъ прывезу квиткы.

— Таке й дило! Отакъ по карбованцю видтыкае, а писля Покровы—ни грошей немае, и дома жинка по вуха налеткается по крамныцяхъ та по сусидахъ.

— Мы сами вынни! Сёгодня пишлы—не дае; а мы, мовъ зайци—чы казать що, чы мовчать! Кынувъ пьятнадцять на трынадцять душъ, та тымъ и скинчылось!..

— Та ще йды до монопольки минять!..

— А де жъ ты розминяешъ? У Мусія Мыкытовыча беремо що треба, по кнызи, а минять—однаково запыше по пьятаку на рубъ промину.

— Бида, та й бильшъ ничого! Лыхо за лыхо такъ и зачипается!..

Тымъ часомъ обминялы впьять дви порожнихъ на дви повныхъ, прынеслы другый десятокъ тарани и вьязку бублыкивъ, и чарка впьять заходыла. Иванъ вставъ и пишовъ до монопольки. Повернувшыся звидтиля, винъ промовывъ, ударывшысь объ полы:

— Мабуть у нашого хазяина таки закляти гроши, що зъ нымы такъ не таланыть!

— Якъ?—озвалося скилько голосивъ.

— А такъ: уже друга годына, сёгодня недиля и почта вже зачынена! Опизнылыся! А ще й до почты верстовъ десять!

— Якъ бы за мисто оціеи монопольки та була почта, отъ и не опизнывся бъ!

— Та тутъ и школы мабуть немае, не то що почты!

Обійшлы впьять по чарци, и пляшкы впьять лежалы порожни.

— Мои пивкварты!—каже дидъ Омелько, достаючы зъ кышени два семыгрывенныкы—доложить, хто хоче! Тилько й нашого, що немае ничого!

Доложылы. И вже йдучы селомъ до крамныци по тютюнъ, воны шукалы спотыкачи по дорози, та жалибно спивалы «чайкы».

Вже сонечко зовсимъ за гору сховалося, вже роса впала на траву, колы Остапъ прыйшовъ у лисъ, пидъ повитку. Де хто вже

спавъ на трискахъ, нехтуючы чысту одежынку. Опанасъ лаявся зъ куховаркою, що та глевкый хлибъ пече. Дидъ Омелько пишовъ до хазяина просыть половынчыка. Борысъ, хыляючысь биля хазяйськои конторы, лаявъ Омелька, що той пидлызуется до хазяина.

Остапъ, знайшовшы лыста и патретъ дочкы, пыльно ставъ дывыться на неи. Втыраючы слёзы, винъ каявся передъ нею, що не пославъ до-дому й копійкы.

Побачывшы це, Йванъ, що тильки що повернувся зъ села, пидійшовъ до Остапа и, обнявшы ёго, промовывъ:

— Темни мы, братику, люде!.. Несчасни мы, братику!... Пьяныци мы окаянни!.. Чы можуть буты черезъ насъ счаслывымы наши жинкы й диткы?!.. Несчасни, несчасни!..

И обыдва гирко заплакалы.

М. Непійвода.

Деревня и ея развлеченія.

(*Очерки и наблюденія*).

Въ послѣднее время все чаще и чаще раздаются голоса о необходимости приложить стараніе къ развитію въ деревнѣ народнаго театра, которому слѣдуетъ отдать предпочтеніе предъ чтеніемъ съ картинами, предъ народными гуляньями и концертами. По выраженію одного изъ защитниковъ этой мысли (см. Полтав. Вѣстн. 1903 г. № 86), «театральное представленіе—почти тоже, что и чтеніе; но при томъ—чтеніе, снабженное обстановкой, которую не можетъ замѣнить никакая картина въ текстѣ книги. Въ народномъ театрѣ—читаемъ далѣе—передъ неграмотнымъ и малограмотнымъ зрителемъ разворачивается книга, и онъ ее читаетъ такъ выразительно, понятно, съ такими дополненіями и объясненіями, съ такими картинами и съ такимъ вниманіемъ, какъ это можетъ сдѣлать только совершенно культурный человѣкъ». Даже болѣе: деревенскому театру, по мысли автора, предназначена чрезвычайно высокая миссія: «деревенскій театръ, кромѣ того, долженъ оказывать нравственное вліяніе непосредственно на зрителя, что вполнѣ зависитъ отъ извѣстнаго подбора пьесъ; онъ долженъ быть ареной проповѣди добра, и эта проповѣдь наиболѣе доступна, наиболѣе удобна и наиболѣе проста».

Зная сельскій бытъ родной Полтавщины не изъ прекраснаго далека, я позволю себѣ возразить, что, при совокупности существующихъ хозяйственно-экономическихъ условій, деревенскій театръ для массы сельскаго населенія, за самымъ ничтожнымъ исключеніемъ, все равно, что «вареныкы Божи хваленыкы; ихъ уси хвалять, та не вси мають», т. е. недоступная роскошь для бѣдняковъ; во всякомъ случаѣ современный малорусскій театръ народился на нашихъ глазахъ и держится пока главнымъ образомъ въ болѣе значительныхъ городахъ. Думается, что при самомъ энергичномъ стремленіи «искреннихъ доброжелателей народа» не мало утечетъ воды прежде, чѣмъ театръ станетъ достояніемъ заурядной деревни, и съ прискорбіемъ приходится сказать: «докы сонце зійде, роса очи выйисть». Вѣдь на нашихъ же глазахъ деревенскій бытъ измѣняется до неузнаваемости, и гибнетъ и глохнетъ народная пѣсня и музыка.

Я помѣщаю въ выноскѣ списанную съ натуры въ дни моего дѣтства извѣстнымъ И. С. Аксаковымъ картину малороссійскаго быта [1]). Мнѣ и моимъ сверстникамъ (живущимъ седмой деся-

---

[1]) Въ Малороссіи нѣтъ такого рѣзкаго раздѣленія сословій по занятіямъ, какъ въ Россіи, такого разъединенія, какое существуетъ въ Россіи между сословіемъ образованнымъ и простымъ народомъ. У насъ бытъ купеческій, соприкасаясь съ высшими классами общества и въ то же время къ народу, отлился въ ту особую, странную форму, которая породила типы комедій г. Островскаго. Эти типы совершенно непонятны въ Малороссіи; ничего подобнаго не найдете въ малороссійскомъ купечествѣ. Небогатый панъ, козакъ-хуторянинъ, гильдейскій купецъ, мѣщанинъ, всѣ живутъ на одинъ ладъ, однимъ образомъ жизни, говорятъ однимъ языкомъ: подходятъ подъ одинъ уровень образованія. Вы ихъ никакъ не отличите между собою; женщины еще менѣе носятъ на себѣ отпечатокъ своего званія: природная грація, вкусъ къ изящному, художественный складъ мысли, утонченность, доведенная до нельзя въ области чувствъ (чему доказательствомъ служатъ простонародныя пѣсни)—равно присущи всѣмъ малороссіянкамъ и заслоняютъ недостатокъ образованія, тогда какъ въ Россіи купчиха есть явленіе типическое и рѣзко выдѣляется изъ ряда женщинъ прочихъ сословій. Въ Россіи—существенную примѣту купечества составляютъ бороды; въ Малороссіи—всѣ сословія брѣются».

токъ лѣтъ) доподлинно извѣстно, что въ дореформенное время развѣ на Ильинской ярмаркѣ въ Ромнахъ, а затѣмъ въ Полтавѣ, появлялись наѣзжіе заправскіе актеры и давали спектакли для панства и купечества, а на всѣхъ остальныхъ ярмаркахъ невзыскательная публика довольствовалась плохими «кумедіями», иногда развлекалась дрессированными медвѣдями и т. п. Правда, на рождественскихъ святкахъ молодежь ходила «со звѣздой», кое-гдѣ «зъ вертепомъ», иногда изображали «Максимиліана», но театральныхъ спектаклей въ прямомъ смыслѣ не существовало въ деревняхъ до настоящаго времени. Только въ первой половинѣ 50-хъ гг., наприм. въ г. Хоролѣ, впервые состоялся любительскій спектакль. Въ то время доживали свой вѣкъ въ уѣздѣ нѣсколько пѣвческо-музыкальныхъ капеллъ, сформированныхъ при крѣпостномъ правѣ [1]), которые распались послѣ 19 февраля 1861 г., и только во второй половинѣ 70-хъ гг. мнѣ пришлось слышать въ Сокиренцахъ (прилук. у.) уцѣлѣвшій у Г. П. Галагана пѣвческій хоръ, превосходно исполнявшій, наприм., литургію по партитурѣ кіевскаго лаврскаго напѣва, а также «Вертепъ» по напечатанной въ «Кіев. Стар.» и сохранившейся въ родѣ Галагана партитурѣ XVIII в.

Я не имѣлъ возможности наблюдать въ тѣхъ селеніяхъ, гдѣ существовали крѣпостные пѣвчіе и музыканты, какое вліяніе оказали они на туземное церковное и народное пѣніе и музыку. Могу только сказать, что многіе пѣвчіе и музыканты по полученіи «воли» превратились въ заправскихъ хлиборобовъ, и только болѣе способные и предпріимчивые, также какъ и бывшіе лакеи, парикмахеры, кондитеры, повара и т. п., разбрелись по городамъ и нашли работу по своей спеціальности. Аналогичная судьба по-

---

[1]) Лучшими считались музыканты и пѣвчіе В. П. Сахно-Устимовича, а также были капеллы у Родзянокъ: П. Г., С. П., Н. А, у А. С. Алексѣева и музыканты у А. А. Бузановскаго. Много говорили о капеллѣ Паульсона въ лохвицк. у., но особенно славилась капелла княгини Лопухиной въ кіев. губ., куда хорольскіе помѣщики посылали своихъ музыкантовъ для подготовки въ качествѣ солистовъ.

стигла многихъ «крепаковъ» служилыхъ и мастеровыхъ на бывшихъ помѣщичьихъ заводахъ: винокуренныхъ, свеклосахарныхъ, а также на фабрикахъ прядильно-ткацкихъ: суконныхъ, ковровыхъ, полотняныхъ и др.

Однимъ словомъ вся насажденная при крѣпостномъ правѣ культура, поглощавшая массу дарового труда и вызванная исключительно прихотливыми потребностями помѣщичьяго быта и обстановки, рухнула вмѣстѣ съ крѣпостнымъ правомъ и оставила значительное число сельскихъ пролетаріевъ, имѣвшихъ несчастье числиться «дворовыми» и не получившихъ земельныхъ надѣловъ при составленіи уставныхъ грамотъ. Слѣдуетъ замѣтить при этомъ, что какъ, напр., музыканты, такъ и столяры-токари, ткачи и коверщицы и т. п. очутились на «волѣ» безъ орудій труда, т. е. безъ инструментовъ и т. п., какъ равно безъ всякихъ денежныхъ средствъ, и потому не имѣли возможности пользоваться своими знаніями въ качествѣ предпринимателей кустарей или ремесленниковъ, и при томъ многія спеціальныя знанія оказались не соотвѣтствующими условіямъ малоземельнаго пахарскаго быта. Достойно вниманія, однако, то обстоятельство, что по даннымъ статистической подворной переписи по губерніи (1882—89 г.) регистрировано болѣе 100 разнообразныхъ кустарно-ремесленныхъ промысловъ съ цѣлыми десятками тысячъ кустарей и ремесленниковъ среди сельскаго населенія. А это служитъ неоспоримымъ доказательствомъ того, что въ реформенный періодъ живая жизнь и потребности городского и деревенскаго быта вызвали спросъ и предложеніе чрезвычайно разнообразныхъ знаній и умѣній, такъ что «свободный» уже трудъ нашелъ болѣе широкое приложеніе и доставляетъ насущное пропитаніе множеству тружениковъ изъ крестьянъ, бывшихъ крѣпостныхъ, а также состоявшихъ въ вѣдѣніи министерства государ. имуществъ крестьянъ казенныхъ (быв. монастырскихъ), государственныхъ (быв. ранговыхъ, магистратскихъ, воинскихъ поселянъ и т. п.), и малороссійскихъ козаковъ.

Въ отличіе отъ крестьянства разныхъ наименованій, козачество, какъ войсковое служилое сословіе, было всегда «вольнымъ», т. е. лично свободнымъ, и располагало своими потомственно-

наслѣдственными землями на правѣ личной собственности (съ нѣкоторыми ограниченіями въ позднѣйшее время въ отношеніи продажи земель въ постороннія руки). По своей численности оно составляетъ въ нашемъ краѣ около $^1/_2$ сельскаго населенія, и въ своемъ семейно-домашнемъ быту служило неизмѣннымъ хранителемъ и носителемъ народныхъ идеаловъ, историческихъ преданій и юридически-правовыхъ обычаевъ, въ особенности славное войско Запорожское, какъ вѣтвь того-же малороссійскаго козачества. Въ средѣ этого козачества образовались своего рода барды или баяны въ лицѣ такъ наз. кобзарей или бандуристовъ, воспѣвавшихъ исторію и бытъ народа въ стародавнихъ думахъ и пѣсняхъ историческихъ, ритуальныхъ, бытовыхъ съ придачею сатирическихъ и юмористическихъ. Словомъ сказать, кобзари (бандуристы) воплощали въ лицѣ своемъ традиціонное поэтическое и музыкальное творчество народа.

Какъ извѣстно, многія произведенія народнаго творчества, а въ особенности думы и пѣсни историческія, сложились неизвѣстно когда и какими авторами. Въ художественномъ творчествѣ принималъ участіе украинскій народъ въ обширномъ смыслѣ слова. Изъ историческихъ источниковъ извѣстно, что во времена гетманщины даже нѣкоторые полковники—не говоря о старшинѣ сотенной и заурядномъ козачествѣ—бывали неграмотны, а между тѣмъ еще въ первой половинѣ XVII в., по свидѣтельству Боплана, козачество отличалось нерѣдко познаніями, превышавшими уровень простонародья украинскаго. Что касается музыки, то извѣстно, что бандура или кобза была любимымъ инструментомъ козачества, не исключая высшей старшины. Такъ, въ музеѣ В. В. Тарновскаго мнѣ приходилось видѣть бандуру гетмана Мазепы; при томъ, напр., въ царствованіе императрицы Елисаветы Петровны фигурировали въ дворцовомъ штатѣ придворные бандуристы, а затѣмъ, во время окончательнаго разоренія Сѣчи Запорожской и уничтоженія войска Запорожскаго, злополучный послѣдній судья войсковой Антонъ Головатый услаждалъ петербургскихъ вельможъ пѣніемъ своихъ и традиціонныхъ пѣсенъ подъ аккомпаниментъ бандуры. Правдоподобно, что болѣе одаренные и

искусные въ музыкѣ и пѣніи лица изъ козацкой старшины не гнушались щегольнуть своимъ искусствомъ съ бандурой въ рукахъ и въ веселой компаніи исполняли думы и пѣсни, какъ унаслѣдованныя преемственно, такъ и произведенія собственнаго творчества, иногда юмористическія и сатирическія, которыя и поступали преемственно въ народное обращеніе. Къ числу интеллигентныхъ вкладчиковъ въ народную сокровищницу принадлежитъ, наприм., извѣстный поэтъ-философъ Г. С. Сковорода, а также И. П. Котляревскій и въ особенности безсмертный Т. Г. Шевченко.

Распространеніе кобзы или бандуры въ былое время возможно допустить потому, что, съ одной стороны, инструментъ этотъ въ умѣлыхъ рукахъ могъ удовлетворить самымъ разнообразнымъ настроеніямъ играющаго и слушателей, а въ то же время былъ весьма удобенъ для передвиженія какъ пѣшкомъ, такъ и на конѣ (съ перевязью черезъ плечо), и съ другой стороны—надо вспомнить, что даже въ концѣ XVIII в., во времена Шафонскаго, образъ жизни даже между знатнѣйшими малороссіянами «былъ простъ и не великолѣпенъ», такъ что до водворенія послѣдняго гетмана К. Г. Разумовскаго не были, наприм., въ употребленіи кареты, да по всей вѣроятности и объ клавесинахъ едва-ли имѣли понятіе всѣ тогдашнія заурядныя *паніи-полковницы* и ихъ дочери. Добавлю, что не знавшее треволненій и невзгодъ походной козацкой жизни приходское духовенство услаждало свои досуги въ XVIII и первой половинѣ XIX в. своими библейскими «гуслями», болѣе дорогими и болѣе громоздкими по сравненію съ бандурой; но количество гусляровъ, можно думать, не могло быть значительнымъ въ первой половинѣ XIX в., такъ какъ на своемъ вѣку я встрѣчалъ единственнаго батюшку, игравшаго на гусляхъ, а въ домахъ духовенства послѣ того не приходилось никогда видѣть гуслей.

Само собою разумѣется, сравнительно немногіе обладаютъ музыкальными способностми и въ частности къ игрѣ на бандурѣ. Въ свою очередь уничтоженіе Запорожья и вообще гетманщины, закрѣпощеніе части сельскаго населенія Малороссіи и дарованіе

части старшины козацкой правъ потомственнаго дворянства—ознаменовались рѣзкимъ отдѣленіемъ панства отъ массы народной и повели къ уничтоженію и упадку народной поэзіи и музыки Единственными ревностными хранителями творчества народнаго въ пѣснѣ и музыкѣ остались профессіональные *слѣпцы-кобзари* и лирники, странствовавшіе по Украинѣ, какъ непремѣнные посѣтители городскихъ и сельскихъ ярмарокъ. Слова думъ и пѣсенъ и напѣвы въ средѣ *слѣпцовъ* передавались отъ учителей ученикамъ преемственно; но въ видахъ конкурренціи, нѣкоторые учителя передавали свои знанія не полностью, такъ что иныя слова и въ особенности напѣвы съ ихъ пѣвцами и музыкантами сошли въ могилу. Вслѣдствіе техническихъ трудностей, искусная игра на бандурѣ не легко давалась слѣпцамъ, и потому для послѣднихъ оказалась болѣе доступною игра на лирѣ, дающей болѣе ограниченный и монотонный аккомпаниментъ къ пѣсенному тексту. Такимъ образомъ мало-по-малу сокращался контингентъ своего рода виртуозовъ-бандуристовъ, тѣмъ болѣе, что и искусство послѣднихъ оплачивалось съ теченіемъ времени и съ измѣненіями сельскаго быта уже совсѣмъ по-нищенски слушателями-бѣдняками, награждавшими мѣдными копѣйками и «шагами» (грошами=$^1/_2$ к. сер.) или бубликами и ломтями хлѣба пѣвцовъ-музыкантовъ на ярмаркахъ или въ шинкахъ и у себя на дому. Упадокъ *народной* музыки обусловливается до извѣстной степени существованіемъ крѣпостныхъ хоровъ и оркестровъ, организованныхъ на европейскій ладъ съ регентами и капельмейстерами, съ «партеснымъ» пѣніемъ и игрой по нотамъ оперныхъ и симфоническихъ произведеній разныхъ композиторовъ. Выше я насчиталъ въ одномъ только хорольскомъ уѣздѣ шесть хоровъ и оркестровъ; въ лохвицкомъ у. славился оркестръ Паульсона и въ Дегтяряхъ, прилукскаго у., музыканты и пѣвчіе Галагана; въ томъ же уѣздѣ изъ средняго достатка помѣщиковъ-меломановъ А. И. Тарновскій, какъ разсказывали, образовалъ оркестръ изъ 12 человѣкъ своихъ крѣпостныхъ и самъ дирижировалъ и игралъ партію первой скрипки [1]).

---

[1]) По словамъ моей жены, Тарновскій щеголялъ пьесой своей композиціи подъ названіемъ «косовица», въ которой эффектъ произ-

Понятно, что къ такому панству не могъ уже имѣть доступа слѣпецъ-кобзарь съ традиціоннымъ репертуаромъ. На моей памяти, въ 50—60-хъ гг., въ хорольскомъ уѣздѣ на балахъ и пирахъ помѣщиковъ крупныхъ и среднихъ, а также на свадьбахъ нѣкоторыхъ мелкопомѣстныхъ дворянъ, гремѣли панскіе хоры и оркестры; полупанки же и заурядное городское чиновничество доставляло молодому поколѣнію удовольствіе устройствомъ, во время храмовыхъ и семейныхъ пировъ, танцовальныхъ вечеровъ, на которыхъ вмѣсто оркестра—наигрывалъ популярный въ то время нѣкій «Михась» на скрипкѣ съ гармоникой, а потомъ съ гармони-флейтой, иногда еще и съ віолончелью. Этотъ «Михась» съ своими сыновьями зналъ почти весь не только хорольскій, но и смѣжные уѣзды, и по заранѣе составленному маршруту пускался въ музыкальныя путешествія, предварительно заручившись приглашеніями полупанковъ. Мнѣ непосредственно извѣстно, что семья Михася играла танцы (кадрили, польки, польки-мазурки, вальсы, мазурки, галопы, лянсье) и пѣсни по слуху, безъ нотъ, конечно съ значительными погрѣшностями въ мотивахъ и аккомпаниментѣ, но это не мѣшало молодежи танцовать иногда до упаду, и потому Михась и старшій сынъ его «Сашко» всюду были желанными и наигрывали иногда до разсвѣта и полнаго изнеможенія. Думаю, что въ каждомъ уѣздѣ были свои «Михаси», какъ въ Полтавѣ Мелентій, пользовавшійся широкою популярностью въ средѣ полупанковъ, періодически устраивавшихъ пирушки. И неудивительно, что былая слава кобзарей померкла, и сами они настолько стушевались, что въ началѣ 70-хъ гг. доставленный Г. П. Галаганомъ изъ Сокиринецъ въ Кіевъ бандуристъ Остапъ Вересай, съ легкой руки А. А. Русова, долгое время считался въ Кіевѣ и въ Петербургѣ послѣднимъ украин-

---

водилъ оригинальный аккомпаниментъ: разнообразные удары лопатками по сѣнокоснымъ косамъ съ разными варіаціями. Пьеса въ концѣ 50-хъ г. была напечатана въ партитурѣ съ отдѣльными партіями и исполнялась композиторомъ въ концертахъ на родинѣ и даже въ Москвѣ. Я много слышалъ объ этой пѣснѣ въ Прилукахъ, но партитуры видѣть не приходилось и не знаю, уцѣлѣла ли она.

скимъ кобзаремъ. На самомъ дѣлѣ, во время изслѣдованія въ 1884—85 г. кустарныхъ промысловъ по полтав. губ., мнѣ приходилось встрѣчать въ разныхъ уѣздахъ на сельскихъ ярмаркахъ и бандуристовъ, и много лирниковъ; но, посѣщая ярмарки мимоѣздомъ и имѣя свою спеціальную программу дѣятельности, я не располагалъ досугомъ для собесѣдованій съ бандуристами. Они не перевелись еще до нашихъ дней ни у насъ, ни въ Черниговщинѣ и Харьковщинѣ. Такъ, весной 1902 г. на всероссійской культурно-промышленной выставкѣ въ Петербургѣ появился доставленный музеемъ полтавскаго губернскаго земства изъ м. Великихъ Сорочинецъ, миргор. у., случайно обнаруженный единственный бандуристъ М. Кравченко, но уже въ августѣ того же года на XII археологическомъ съѣздѣ въ Харьковѣ, какъ извѣстно читателямъ «Кіевской Старины», инженеръ-технологомъ и виртуозомъ на бандурѣ И. М. Хоткевичемъ былъ огранизованъ небольшой хоръ изъ 6 бандуристовъ, 3 лирниковъ и «музыки троистои», дебютировавшій на музыкально-вокальномъ вечерѣ въ засѣданіи этнографическаго отдѣленія археологическато съѣзда. На Шевченковскомъ же вечерѣ въ Полтавѣ, благодаря г. Хоткевичу, опять появились тѣ же бандуристы и лирники, съ додаткомъ прибывшихъ изъ Диканьки двухъ скрипачей, двухъ віолончелистовъ и бубна, такъ что на самомъ дѣлѣ получился уже смычковый квинтетъ подъ именемъ музыки троистои. Говорю это на томъ основаніи, что каждый инструментъ исполнялъ, конечно по слуху, свою партію, причемъ одинъ изъ віолончелистовъ игралъ безъ смычка, посредствомъ «пиччикато», а игрокъ на бубнѣ оказался настоящимъ виртуозомъ по разнообразію техническихъ пріемовъ и оригинальности извлекаемыхъ звуковъ. Изъ бесѣдъ моихъ съ кобзарями мнѣ отрадно было узнать, что представители полтавской и черниговской губ. имѣютъ каждый въ своемъ краѣ нѣсколько человѣкъ знакомыхъ кобзарей, а всѣ 4 харьковскихъ были изъ подгородныхъ селъ; вообще же въ одномъ харьковскомъ уѣздѣ насчитываютъ они до 15 бандуристовъ; причемъ наиболѣе искусный игрокъ случайно не участвовалъ на концертахъ ни въ Харьковѣ, ни въ Полтавѣ.

Хотѣлось бы думать, что наши бандуристы пережили тяжкіе времена уничтоженія и упадка національной музыки и пѣнія, и что той и другому суждены въ XX вѣкѣ лучшіе дни возрожденія, признаки котораго обнаружились небывалымъ восторгомъ и сочувствіемъ многочисленной. разнохарактерной публики въ Харьковѣ и Полтавѣ.

II.

Въ «посланіи до Пархома»[1]) между прочимъ читаемъ: «Въ шынку наризують тоби цимбалы, кобзы и сопилки»; по счету выходитъ какъ-бы «музыка троиста», но подобнаго сочетанія инструментовъ мнѣ лично не приходилось слышать, а помню съ дѣтства на деревенскихъ и простонародныхъ городскихъ свадьбахъ и на праздникахъ для танцевъ молодежи музыку «троисту» изъ скрипки, цимбалъ и бубна; въ городахъ же въ позднѣйшіе годы цимбалы выходятъ изъ употребленія и замѣняются второю скрипкою и «басомъ» (віолончелью). Поэтому я склоненъ считать *стародавнею* «троистою» музыкою—скрипку съ цимбалами и бубномъ (съ маленькими мѣдными тарелочками нѣсколько паръ). Сопилка или свирѣль служитъ большею частью пастушьимъ развлеченіемъ и издаетъ у слышанныхъ мною иногда весьма искусныхъ игроковъ пріятные и оригинальные звуки, въ протяжномъ и быстромъ темпѣ—по фантазіи игрока. Разъ заходитъ рѣчь о возрожденіи національной украинской музыки, то извѣстный мнѣ полный наборъ музыкальныхъ инструментовъ будетъ слѣдующій: общераспространенный квартетъ смычковыхъ, и другой квартетъ изъ бандуры, лиры, цимбалъ и сопилки; дополненіемъ можетъ служить смычковый контрабасъ и ударный бубенъ съ мѣдными тарелочками, а иногда бубенчиками. Такимъ образомъ получается полный подборъ инструментовъ для разнохарактерной, своеобразно-прекрасной гармонизаціи украинской народной пѣсни. Не говоря объ оркестрахъ симфоническихъ, театральныхъ и военныхъ, мнѣ приходилось слышать также отдѣльные хоры рожечниковъ, гармонистовъ, балалаечниковъ, мандолинистовъ, румынскіе оркестры съ цимбалономъ, цитры съ балалайками, но съ искреннимъ убѣжде-

[1]) Гулака-Артемовскаго.

ніемъ говорю, что изъ этихъ хоровъ мнѣ больше пришлись по вкусу бандуристы съ лирниками и музыкою троистою. Впрочемъ, въ Харьковѣ и Полтавѣ дебютировалъ неполный комплектъ перечисленныхъ выше народныхъ музыкальныхъ инструментовъ. Было бы въ высшей степени интересно и поучительно услышать подъ управленіемъ народнаго композитора Н. В. Лисенка, такія произведенія его, какъ наприм., можно сказать, національный гимнъ «Слава нашимъ козаченькамъ», а также «Жалибный маршъ», «Бьють пороги», «Изъ-за горы зъ-за Лыману», «Дощикъ», «На бережку у ставка» и т. п., аранжированные композиторомъ спеціально для *полнаго народнаго* украинскаго оркестра съ смѣшанными (мужескими и женскими) хорами, чтобы получить полное представленіе о достоинствѣ и оригинальности національной музыки. Сознаю себя профаномъ въ теоріи музыки и позволилъ себѣ только что сказанное, какъ любитель народной музыки, не лишенный музыкальнаго слуха и индивидуальнаго вкуса. Я въ состояніи понимать отсутствіе оркестровыхъ деревянныхъ (флейтъ, кларнетовъ, гобоевъ, фаготовъ) и мѣдныхъ трубъ, но въ то-же время могу себѣ представить, что полный комплектъ нашихъ народныхъ инструментовъ, а тѣмъ болѣе въ удвоенномъ числѣ (примо и секундо) можетъ составить своеобразный оркестръ со всѣми національными особенностями, болѣе или менѣе рѣзко отличающимися отъ означенныхъ выше рожечниковъ, балалаечниковъ и т. п. При томъ я имѣю въ виду исключительно нашу родную пѣсню, которой столько души и таланта посвятилъ Н. В. Лисенко, и которому да поможетъ Богъ сдѣлать еще многое для возрождающейся національной музыки. Введеніе въ оркестръ *всѣхъ* народныхъ инструментовъ будетъ дальнѣйшимъ шагомъ музыкальнаго развитія въ національномъ направленіи, въ паралелль съ родною литературою—художественною и научно-популярною.

Само собою разумѣется успѣшное и правильное культурное развитіе вообще и музыкальное въ частности немыслимо безъ спеціальныхъ вокально-музыкальныхъ школъ. Отсутствіе малороссійскихъ музыкальныхъ школъ привело къ тому, что наша національная музыка обратилась въ буквальномъ смыслѣ въ ни-

щенско-слѣпецкое кобзарство и лирництво, съ самодѣльными примитивными инструментами; а между тѣмъ распространеніе среди сельской молодежи гармоникъ, балалаекъ и т. п. порождаетъ извращеніе національнаго музыкальнаго вкуса и нѣкоторое пренебреженіе къ роднымъ пѣснямъ и мотивамъ. Къ счастію, подъ вліяніемъ блестящаго успѣха слѣпцовъ-бандуристовъ и лирниковъ въ Харьковѣ, полтавская губ. зем. управа предположила устроить школу для обученія юношей-слѣпцовъ традиціонному пѣнію и игрѣ на бандурѣ, лирѣ, скрипкѣ, а также для изученія доступныхъ слѣпцамъ ремесленныхъ знаній; но, очевидно, попечительность и вниманіе земства къ горькому положенію *слѣпцовъ* истекаетъ изъ филантропическо-благотворительныхъ побужденій, но не спеціально во имя культурнаго развитія національной музыки и пѣнія. Слѣдуетъ, конечно, отъ всей души желать осуществленія прекраснаго намѣренія земства, дѣлающаго первый шагъ въ организаціи вокально-музыкальной *школы для слѣпцовъ*. Но вѣдь безспорно, что по сборникамъ Н. В. Лисенка съ каждымъ годомъ все болѣе и болѣе играетъ и поетъ нашу родную мелодію всероссійская образованная часть привилегированныхъ сословій; на родинѣ же не поютъ и не играютъ «по нашому» развѣ тѣ немногіе изъ привилегированныхъ или же дипломированныхъ уроженцевъ украинскихъ, которые сознательно цураются «ридноѝ мовы» настолько, что оффиціально отреклись отъ нея при первой всеобщей переписи населенія. Рядомъ съ этимъ знаменателенъ тотъ фактъ, что молодой и талантливый инженеръ-технологъ 1-го разряда И. М. Хоткевичъ публично выступилъ уже нѣсколько лѣтъ назадъ въ качествѣ интеллигентнаго кобзаря, вполнѣ усвоившій пѣніе кобзарскихъ думъ и пѣсенъ и достигнувшій замѣчательной виртуозности въ игрѣ на бандурѣ. Сколько мнѣ извѣстно, г. Хоткевичъ намѣренъ издать составленную имъ школу для игры на бандурѣ, а коль скоро это осуществится, то статься можетъ, нѣкоторая часть интеллигентной украинской и великорусской молодежи посвятитъ свои досуги и трудъ изученію игры на бандурѣ вмѣсто, наприм., мандолинъ, цитръ, балалаекъ, начинающихъ входить въ «моду» на Украинѣ.

Все сказанное наводитъ на мысль, что насколько достойна уваженія высоко симпатичная заботливость земства о слѣпыхъ, на столько же плодотворна можетъ оказаться вокально-музыкальная національная украинская школа *для зрячихъ*, безъ различія сословій, дабы предоставить украинскому юношеству возможность систематически изучить на томъ или другомъ народномъ инструментѣ *игру по нотамъ* и развить свои природныя способности. Все это говоритъ о назрѣвшей уже потребности въ учрежденіи малорусской вокально-музыкальной средней и низшей школы.

Здѣсь, конечно, не мѣсто, да и не мое дѣло спеціально трактовать о задачахъ и постановкѣ школьнаго музыкальнаго образованія. Но позволю себѣ выразить мысль, что отечество обогатилось уже нѣсколькими музыкальными консерваторіями, Императорское Русское Музыкальное Общество имѣетъ не малое число своихъ отдѣленій въ провинціи, въ частности напр. въ Полтавѣ успѣшно функціонируетъ и отдѣленіе музыкальнаго общества и спеціальные музыкальные классы,—такъ позволительно желать учрежденія на первый разъ хотя одного средняго *малороссійскаго* музыкальнаго училища и низшихъ школъ, благодаря доброму почину Полтавской губ. зем. управы.

Было-бы радостно, когда-бы на первый разъ желанное музыкальное училище было основано въ Кіевѣ, гдѣ протекла почти вся самостоятельная музыкальная дѣятельность неутомимаго собирателя и народнаго композитора Н. В. Лисенка. Не боюсь ошибиться, выражаясь, что онъ болѣе всѣхъ современныхъ отечественныхъ музыкальныхъ композиторовъ съ высшимъ образованіемъ положилъ труда для національной малороссійской музыки. Думаю, что подъ его личнымъ управленіемъ съ наибольшимъ успѣхомъ можетъ выказать всѣ свои достоинства и способности оркестръ въ составѣ всѣхъ народныхъ инструментовъ, при исполненіи приведенныхъ мною выше въ видѣ примѣра произведеній г. Лисенка. Но для осуществленія этого необходимо, чтобы и само общество позаботилось предоставить ему время и возможность сформировать хоръ и оркестръ изъ слѣпыхъ и зрячихъ исполнителей, и чѣмъ скорѣе осуществится подобное предпріятіе, тѣмъ лучше; во всякомъ

случаѣ не слѣдуетъ откладывать на долгое время настоятельнаго вопроса о возбужденіи ходатайства о разрѣшеніи устройства малороссійскаго музыкальнаго училища. Нужно имѣть въ виду, что ортодоксальные теоретики станутъ отрицать цѣлесообразность введенія въ курсъ музыкальнаго училища преподаванія игры на нашихъ нѣкоторыхъ народныхъ инструментахъ, не имѣющихъ пока права гражданства въ симфоническихъ оркестрахъ. Но вѣдь нужно-же вывести наконецъ нашу музыку изъ слѣпецко-нищенскаго положенія и открыть ей свободный путь для посильнаго развитія всѣхъ бытующихъ въ живой жизни орудій и для гармонизаціи своей родной пѣсни, достоинства которой уже признаны цивилизованнымъ міромъ.

Навѣрное—съ открытіемъ музыкальнаго училища и школъ найдется достаточное число украинскаго юношества, желающаго систематически изучить свою родную пѣсню. Болѣе или менѣе основательное знакомство съ народной музыкой и пѣніемъ, само собою разумѣется будетъ важнымъ культурнымъ шагомъ впередъ и будетъ способствовать развитію самосознанія и самодѣятельности, ничуть не умаляя значенія и достоинства отечественныхъ консерваторій и училищъ, какъ органовъ для высшаго вокально-музыкальнаго академическаго образованія. Съ утилитарной же точки зрѣнія малороссійское музыкальное училище можетъ подготовить своихъ питомцевъ въ качествѣ преподавателей элементарныхъ началъ нотной народной музыки и пѣнія и организаторовъ деревенскихъ пѣвческо-музыкальныхъ хоровъ. Вѣдь и теперь въ нѣкоторыхъ мѣстечкахъ и селеніяхъ Полтавщины, благодаря псаломщикамъ изъ семинаристовъ, иногда дьяконамъ и батюшкамъ, образовались церковные хоры, и также можно слышать народныя пѣсни, исполняемыя хоромъ по сборникамъ Н. В. Лисенко; но улучшенная народная музыка, можно сказать, отсутствуетъ, или не выходитъ изъ предѣловъ сравнительно ограниченнаго репертуара слѣпцовъ-бандуристовъ и лирниковъ; съ распространеніемъ-же музыкальныхъ школъ можно ожидать появленія, напр., бандуристовъ и цимбалистовъ между грамотною, зрячею деревенскою и городскою молодежью, бренчащею пока на нелѣпой балалайкѣ, или на при-

торной гармоникѣ и т. п. Въ свою очередь цѣннымъ культурнымъ успѣхомъ будетъ образованіе въ средѣ сельскаго населенія объединенныхъ на товарищескихъ началахъ профессіональныхъ вокально-музыкальныхъ хоровъ съ болѣе или менѣе обширнымъ репертуаромъ народной музыки. Если нашъ народный театръ, можно сказать, неразлученъ съ музыкой и пѣніемъ, то естественно желать, чтобы оркестръ состоялъ исключительно изъ своихъ-же народныхъ инструментовъ, конечно возможно улучшенной конструкціи и достоинства, такъ какъ нищенскіе—въ смыслѣ самодѣльщины и нужнаго качества и силы звуковъ — бандуры, лиры, цимбалы и т. п. несомнѣнно могутъ быть улучшаемы до безконечности. Усовершенствованіе же производства инструментовъ вызоветъ приложеніе труда опытныхъ и искусныхъ музыкальныхъ и инструментальныхъ мастеровъ—въ мѣру обезпеченнаго спроса или заказа издѣлій улучшенной конструкціи и качества, какъ спеціально для оркестровъ, такъ и для отдѣльныхъ болѣе или менѣе требовательныхъ любителей и знатоковъ народной музыки въ средѣ горожанъ и деревенскихъ обывателей.

III.

Заслуженная извѣстность и блестящіе успѣхи малорусскаго театра повсюду въ отечествѣ неразрывно связаны съ первоначально выступившими на сценическое поприще высокодаровитными артистами и артистками съ Кропивницкимъ и Заньковецкой во главѣ, продолжающими подвизаться еще до настоящаго времени. По примѣру родоначальницы «Наталки-Полтавки» Котляревскаго, почти въ каждую пьесу малорусскаго репертуара первоначально входило драматическое представленіе въ соединеніи съ пѣніемъ и весьма часто съ танцами—ради сценическихъ успѣховъ. Увлеченіе заранѣе разсчитанными эффектами доходило до того, что нѣкоторыя малосодержательныя пьесы представляютъ просто спекулятивную балаганщину, или въ лучшемъ случаѣ утрированную картину украинскаго яко-бы народнаго быта, изображающую «кохання», отчаянное пьянство, съ пѣніемъ и бѣшенными плясками, не имѣющими ничего подобнаго въ дѣйствительности. Впрочемъ

съ теченіемъ времени драматургъ-артистъ Карпенко-Карый и его послѣдователи дали цѣлый рядъ болѣе или менѣе глубоко захватывающихъ и потрясающихъ картинъ народнаго житья-бытья безъ шаблонныхъ эффектовъ, и въ концѣ концовъ образовался уже довольно разнообразный репертуаръ малороссійскаго театра, хотя нѣкоторыя пьесы остаются недоступными для общаго пользованія, такъ какъ составляютъ спекулятивную монополію ихъ авторовъ, заполучившихъ цензурныя разрѣшенія по рукописнымъ экземплярамъ, остающимся неотпечатанными. Во всякомъ случаѣ приходится признать, что, несмотря на значительные успѣхи, которые въ послѣднее время сдѣлала малороссійская драма, все-же имѣется очень мало піесъ, вполнѣ отвѣчающихъ потребностямъ и условіямъ народной сцены. По мнѣнію моему это слѣдуетъ объяснить главнымъ образомъ тѣмъ, что огромное большинство пьесъ является продуктомъ кабинетныхъ измышленій авторовъ, а не непосредственныхъ наблюденій народнаго быта. Поэтому такъ назыв. «обстановочныя» пьесы совершенно недоступны для деревенскаго театра, при отсутствіи матеріальныхъ средствъ и, главное, драматическихъ силъ и необходимаго помѣщенія. Думается мнѣ, что еслибы въ видѣ исключенія въ какой либо деревнѣ нашлось лицо, которое согласилось-бы руководить устройствомъ театра на первыхъ шагахъ и съумѣло бы привлечь деревевскую молодежь къ участію, то едва-ли можно разсчитывать на плодотворныя послѣдствія. Вѣдь деревенская простонародная молодежь, въ особенности дѣвицы, почти сплошь неграмотны; а для осмысленной игры даже грамотныхъ—нужно сперва имъ дать возможность видѣть на сценѣ въ нѣсколькихъ роляхъ, такихъ извѣстныхъ артистовъ, какъ Заньковецкую, Зарницкую, Суслову, Кропивницкаго, Карпенка-Карого, Садовскаго и Саксаганскаго, для того, чтобы деревенщина видѣла и поучалась. Но объ этомъ, конечно, и мечтать не приходится; разсчитывать не на *даровыя* силы городскихъ людей для представленій въ деревнѣ—въ видѣ примѣра—едва ли возможно, не говоря о томъ, что у многихъ любителей обыкновенно бываетъ гораздо больше самомнѣнія и самолюбія, чѣмъ драматическихъ талантовъ.

При самыхъ благопріятныхъ условіяхъ, возможно надѣяться, что, благодаря субсидіямъ со стороны комитета народной трезвости, впослѣдствіи могутъ быть сооружены болѣе или менѣе помѣстительные народные дома для чайныхъ съ библіотеками, но едва ли найдется много помѣстительныхъ залъ для народнаго театра. Такого рода зданія могутъ появиться развѣ въ болѣе многолюдныхъ мѣстечкахъ, при затратахъ общественныхъ, а для заурядныхъ селеній и деревень переспектива утопаетъ въ непроглядномъ туманѣ. Разсчитывать же въ будущемъ на сооруженіе помѣщеній для сельскихъ школъ съ раздвижными стѣнками, пригодныхъ для народныхъ собраній и спектаклей хотя бы въ болѣе значительныхъ селеніяхъ—почти иллюзія: «марево, панъ-оче, ввесь свитъ мороче»— и въ концѣ концовъ деревенскій театръ съ доморощенными драматическими силами—это журавль въ небѣ; синицей-же въ рукахъ скорѣе можно считать деревенскіе вокально-музыкальные хоры, и теперь бытующіе въ примитивномъ видѣ, какъ я говорилъ выше. Такимъ образомъ, деревенскій театръ въ захолустьяхъ, говоря вообще—пока не имѣетъ для себя почвы и на самомъ дѣлѣ представляется своего рода роскошью, которою не могутъ пользоваться посѣтители-бѣдняки безплатно; даже въ городахъ театръ посѣщаетъ сравнительно незначительная часть болѣе имущихъ горожанъ, а простонародье не участвуетъ въ увеселеніяхъ и развлеченіяхъ «панскихъ», не говоря о томъ, что въ послѣдніе годы въ Полтавѣ даже товарищество малороссійскихъ корифеевъ имѣло весьма скромные сборы со спектаклей.

И такъ, оставляя на этотъ разъ деревенскій театръ въ сторонѣ, слѣдуетъ признать настоятельнымъ національно-патріотическимъ дѣломъ—систематическое развитіе неразрывно связанныхъ съ народнымъ бытомъ родной пѣсни и музыки, путемъ организаціи школъ низшихъ и среднихъ. На первомъ же планѣ должно поставить практическое осуществленіе организаціи смѣшаннаго хора и полнаго оркестра изъ всѣхъ народныхъ инструментовъ въ составѣ слѣпцовъ и зрячихъ исполнителей. Съ практической точки зрѣнія слѣдуетъ желать, чтобы малороссійская капела, съ Н. В. Лисенкомъ во главѣ, предстала бы на судъ публики и истыхъ знато-

ковъ народной музыки, какъ въ обѣихъ нашихъ столицахъ, такъ и въ главнѣйшихъ городахъ намъ родственныхъ славянскихъ народовъ. Тогда мы будемъ знать, такъ сказать, судъ славянскаго міра надъ нашею родною музыкою, сопровождающей нашу пѣсню, которая вмѣстѣ съ славнымъ козачествомъ «не вмре, не поляже» уже потому, что своими многочисленными сборниками пѣсенъ съ голосами и сопровождающей музыкой Н. В. Лисенко обезсмертилъ себя и памятники народнаго творчества. Учрежденіе же въ Кіевѣ музыкальнаго малороссійскаго училища имени кобзаря-музыканта послужитъ воздаяніемъ ему за его поистинѣ самоотверженную и беззавѣтную любовь къ народной пѣснѣ и музыкѣ, съ которыми онъ далъ возможность познакомиться музыкальному міру цивилизованныхъ народовъ. Вѣдь за предѣлами отечества, въ соплеменной намъ Галиціи, существуютъ общества имени Т. Г. Шевченка и И. П. Котляревскаго, преслѣдующія цѣли литературно-научныя, и, статься можетъ, вскорѣ образуется вокально-музыкальное общество имени Н. В. Лисенка, такъ неужели же на родинѣ его нельзя желать и надѣяться на учрежденіе музыкальнаго училища?

В. Василенко.

Украинськи за̀пысы Порфирія Мартиновича.[1]

Записанный П. Д. Мартиновичемъ матеріалъ отъ *Кырыла Сайка* представляетъ не кобзарскій репертуаръ, а сказочно-повѣствовательный. Кырылъ Васыльевычъ Сайко, бывшій церковнымъ сторожемъ Николаевской церкви въ м. Вереміевкѣ, золотоношск. у., полтавск. губ., сообщилъ записывателю четыре сказки: 1) про запорозьця; 2) про правду; 3) подарунча; 4) два зъ торбою. Изъ нихъ сказка «Подарунча» имѣетъ сплошь стихотворный складъ, а сказка «Про правду» только вставляетъ мѣстами стихотворные отрывки; остальныя двѣ сказки являются въ чисто-повѣствовательномъ изложеніи. Надо прибавить при этомъ, что всѣ эти сказки больше похожи на обыкновенные бытовые разсказы, а не на настоящую сказку; особенно это бросается въ глаза при чтеніи разсказа «Про правду», который, хотя и названъ *казкою*, но по характеру своему представляетъ довольно вялый разсказъ изъ жизни рыбаковъ, очевидно вынесенный разсказчикомъ изъ этой среды въ то время, когда онъ служилъ въ *забродникахъ*, какъ о томъ свидѣтельствуетъ помѣтка записывателя.

Ред.

[1]) См. Кіев. Стар. № 3.

Кырыло Сайко́.

I.

Казка про Запорозьця.

Жыла соби вдова и бувъ у неи сынъ парубокъ, и жывъ дидъ и въ дида була одным одна дочка́.

Зачала маты просыть сына шукать соби невисточку: „Я“, каже, „стара,—нездужаю тоби сорочкы прать“. „Шожъ“, каже, „мамо! Багата не пиде за мене, а зъ бидною трудне жытьтя буде“. „Та попытайсь такы, сыну, по хазяинахъ. Не поганый, кажуть, той вовкъ, шо въ порожню кошару загляне“. Пишовъ винъ по хазяина́хъ. Не отдають хазяины́ за его дочкы́. „Ты“, кажуть, „бидный, а мы багати, то мы свого дождемо“. Прыйшовъ винъ до-дому. „А шо“, каже, „мамо! я й казавъ, шо не отдадуть за мене хазяины своеи дочкы“. „Ну, знаешъ шо, сыну? Засылай до старыка. Той отдасть“. Пишовъ, знайшовъ двохъ чоловика, пишлы у вечери до дида. „А одсуньте намъ“. Одсунувъ. „А пытайте, диду, чого мы до васъ прыйшлы?“.—„И скажете. Якъ-бы малыхъ дитей прысламы, такъ-бы мы и пыталы, а якъ сами прыйшлы, сами й скажете“. „Чы не можна-бъ диду та́къ: у насъ сынъ, а въ васъ дочка,—шобъ до купы звесты́?“ —„Отто, люде добри, въ мене дочка стоить,—де́ вашъ сынъ? Якъ шо вона согласна,—я не могу іи вдержать и спыныть“. Вклыкнулы хлопця въ хату. „Здрастуйте вамъ!“ „Здоровъ, хлопче. Сидай, хлопче“. „Та я й постóю“. „Сидай. Не соромсь“. Сивъ винъ. Дидъ и каже: „отто, дочко, дывысь. Це тоби не на годъ и не на два, а на ввесь викъ. Якъ шо ты

согласна за ёго замижъ иты, то й Боже тебе благословы". Дочка й каже: „Тату! Скилько не сыдить, а треба замижъ иты. Яки самі́, за такыхъ и пидемо". Найшла рушныкы,—подава́ла. Пивъ кварты вы-пылы,—на недилю й весильля. Весильля одгулялы,—зачалы соби жыть.

Пожылы воны годъ. Заобре́менила въ ёго жинка. Стыдно ёму стало, шо жинка дытыну родытыме. Совисть у ёго вдарыла. „Одійду одъ неи". Узявъ соби паляныцю за пазуху; тоди билетивъ не було въ старовыну,—бычъ на плечи,—пишовъ соби кудысь здря.

Иде степомъ та иде, иде та иде,—колы стоить хутиръ. „Дай", каже, „зайду воды напыться". У тому хутори жывъ дидъ Запорожець. Ввійшовъ винъ до ёго въ хату: „здоровъ, диду".—„Здоровъ". „Дайте воды напыться". Дидъ и каже до своеи старои: „дай, бабо, попоисты ёму. Чоловикъ якъ хоче исты, то пыть просе. Сидай, хлопче, попоисы чого-небудь". Усыпала ему баба борщу въ мыску, сыдыть винъ и исть. Дидъ пытаетьця: „чы ты, хлопче, жонатый?" „Ни", каже, „диду, я не жонатый". „Кудыжъ ты йдешъ?" „Та йду", каже, „такъ... де наняться". „Наймысь до мене. Я тоби, хлопче, цину дамъ таку́, шо повыще всихъ цинъ буде. У мене е й роботныкы. Робота тоби не велыка буде. Якъ тилько ты не жонатый, то будь у мене".—„Ни", каже, „диду, не жонатый". Побалакалы зъ дидомъ,—зоставсь у дида,—жыве. Не прызнавсь дидови, шо жонатый, а каже холостый.

Жыве винъ соби въ дида годъ и другый и третій... Разъ зачавъ винъ плугъ робыть. Выйшовъ дидъ съ цыпкомъ, ставъ коло ёго, по-дывывсь-подывывсь: „Э, не оратыме у тебе, хлопче, цей плугъ". „Ни, диду, оратыме". „Ни, не оратыме. Откынь чепигу, прыкынь дру́гу—буде ораты, а то́ не оратыме, хлопче". Послухавъ дида. Откынувъ че-пигу, прыкынувъ другу, ту, шо дидъ велыть; запряглы шисть воливъ, пишлы пробувать плуга,—не оре плугъ. „А бачъ, диду! Я казавъ, шо не буде орать. А позвольте, диду, я прыкыну чепигу ту, шо я бувъ откынувъ,—буде орать". Прыробывъ чепигу, ту шо й першъ була, зачалы орать, отъ ги́нъ до гинъ рукамы не держать—оре́. Взявъ дидъ цыпокъ тай каже хлопцеви: „хазяинуй, хлопче, якъ самъ знаешъ,—я тоби ни слова не скажу. Не буду я тоби мишать,—якъ знаешъ, такъ и робы. На́ тоби трыдцять тысячь грошей, чого треба у ха-зяйстви купуй: чы воливъ, чы плугивъ,—на те я тоби гроши даю; якъ знаешъ, такъ и робы". Узявъ винъ ти гроши,—зачавъ ха-зяинувать.

Хазяинуе винъ уже одынáдцять годъ у того Запорозьця.... На дванадцятый годъ повернýло, - якось празныкъ пидосьпивъ. По обиди лигъ дидъ спочывать, а хлопець сивъ коло столу—задумавсь. Дидъ руку спидъ головъ: „чого ты, хлопче, задумавсь? Мабуть ты, вражый сыну, чы не жонатый?“ „Ни“, каже, „диду не жонатый. А я“, каже, „зажурывсь того, що въ мене на голови хазяйство: що въ мене сорокъ визъ чумака!... Людськи попрыходылы, а про моихъ и чуткы нема!“ „А чогó-жъ ты, хлопче, журышься? У тéбе есть косякы коней... Пáру коней запряжы; наймычци прыкажы напекты палянынь, два бараны зарижъ, поидь, тай довидайся“. Винъ заразъ хлибъ пекты загадавъ. Два бараны заризалы. Пару коней запряглы. Поихавъ. Ихавъ день, ихавъ другый; ажъ на третій день зостривъ чумакивъ своихъ. „А, здорови, хлопци! Жыви здорови? Я вже за вамы скучывъ. Прыихавъ васъ уже 'дшукувать. Думавъ, васъ нема“.—„Та й спасыби вамъ, хазяине, що вы насъ 'дшукуете. Мы ще жыви здорови“. Повыпрягалы волы, прысочынылы пыръ. Видеръ двп горилкы прывизъ. Погулялы. Рощотъ усимъ давъ. Одъихавъ одъ чумакивъ одъ своихъ. Прыихавъ до дому. „Отже, хазяине, й справывсь. Третёго дни будуть чумакы дома“. „А я тоби казавъ, вражый сыну“. Днивъ черезъ тры прыйшлы чумакы въ двиръ.

Жыве въ дида, хазяинуе до чотырнадцяты годъ. Прыйшлось, празныка дождалы. По вбиди впьять лигъ дидъ спочывать, а сынъ сивъ въ кинци столу, згадавъ про жинку, задумавсь. Якъ заплаче сылно!... Дидъ пидводе руку „Э-э-э, вражый сыну! Мабудь, чы не жонатый лышъ ты?“ „Та ни“, каже, „дидусю,--не жонатый“.—„А чого-жъ ты, вражый сыне, заплакавъ?“ „Того я, дидусю, заплакавъ, що въ мене худоба, а сина мало накосывъ. Та здумавъ, та й заплакавъ, диду“.—Э-э-э, вражый сыну! Та тымъ и журыться!? Осидлай коныка, та поидь до пана, та купы скырту, або дьви, то й не журытымесься“. Винъ, не бувшы лыха, осидлавъ коня вороного, купывъ тры скырти сина. Прыихавъ до дому. „Одже, слава Богу, диду, теперъ не журюсь“. Зачавъ винъ соби впьять хазяинувать.

Уже пьятнадцятый годъ винъ у дида жыве. Диждалы Сьвятои недили [1]). На Сьвяту недилю ярмарокъ у городи. Повбидалы въ празныкъ зъ дидомъ, зъ бабою ўмисьти. Лигъ дидъ спочывать по

[1]) Т. е. троицкихъ праздниковъ.

вбиди, а хлопець сивъ киньци столу, перекыда на щоты... Задумавсь... Якъ заплаче... Дидъ сиидъ рукы й дывыться. «Э-э-э, вражый сыне», говорыть:—«ты, мабуть, лышь, чы не жонатый?» «Та ни, дидусю,—я такы не жонатый». «А чого жь ты, вражый сыне, зажурывся»? «Якъ же мини, дидусю, не журыться? У го́роди ярмарокъ... Вы знаете, дидусю, шо я й хазяйствомъ занявсь... Плуги́въ мени треба». «Э-э, вражый сыну!—хиба въ тебе коней нема. Та й я бъ поихавъ. Та чого тоби треба, ты-бъ накупывсь, я бъ коло воза побувъ бы, а журыться не треба». Загадавъ хлопцямъ съ па́ру коней запрягты у визъ. А дидъ нышкомъ соби дьви прыгорщи червиньцивъ завьязавъ у хустку, та за пазуху й заложывъ. Силы й поихалы. Прыихалы въ городъ. Сталы середъ ярмарку. Хлопець пишовъ, обибравъ кватырю. «Ну, диду, будьте жъ вы коло воза, а я пиду чого мини треба накуплюсь». Накупывъ плугивъ, накупывъ зализа, накупывъ шынъ, узявъ пуда два зализа ризного, накупывъ лису, накупывъ осей... стилькы було ему треба... Тобъ и до дому ихаты по ку́пли. Дидъ и каже: хлопче! Ты на хутори жывешъ, ни съ хлопцямы, ни съ дивчатамы не знаисься; на тоби, хлопче, червонця, та пиды до трахтыря погуляешъ съ хлопцямы та съ дивчатамы».—«Та шо вы мени, диду, даете? У мене е гроши безъ вашихъ». «Мени нема дила шо въ тебе е. Я даю самъ одъ себе мои, шобъ ты погулявъ за мои». «Та скилькось, диду; якъ шо даете, то й давайте». Взявшы того червоньця, пишовъ до трахтыря; а дидъ позырци за нымъ у слидъ. Прыйшовъ винъ до трахтыря. Музыки грають, хлопци и дивчата гуляють.—«А здорови, хлопци й вы, дивчата! А давайте погуляемъ, хлопци! А подай, шынкарь, тры ведрі́ горилкы намъ. А пыйте, хлопци, по стакану, та згадайте й мене колы не́будь... Та дайте жъ и музы́камъ хочъ по одній... Ну, се такъ не обійдеться; я ще музыкамъ заплатю». Послидни гроши заплатывъ музыкамъ, шобъ гралы до самого вечера. «Ну гуляйте жъ, хлопци, музыки заплачени ажъ до вечера, а я, прощайте, поиду до дому». А дидъ, выглядившы на хлопця, тай напередъ до воза; та на чоловика, що коло ёго воза ставъ зъ своимъ возомъ каже: «брате! Якъ прыйде мій хлопець до воза, то ты скажы, брате, шо я зъ людьмы выпью чвертку». Прыходе хлопець до воза. «Здоровъ, дядьку».—«Здоровъ». «А де мій дидъ»? «Пишовъ до яткы... Чвертку зъ людьмы, каже выпью». Пишовъ винъ у ятку. Колы дидъ сыдыть. Кварту горилкы взявъ и п-пья-ный... такый, якъ земля. Винъ до его.—„Диду, шо се вы?..“ Дидъ, пиднявшы голову: „а-а-а... се-се-се ты, хлопче?“

„Та я жъ“, каже. „Нашо вамъ, диду, ся горилка здалась? Якъ у мене въ комори дьви кухви е?!“ „Э-э, вражый сыну! Дома домашня, а це ярмаркова. А выпый, сыну, хочъ одну, та покуштуешъ, яка ярмаркова“. „А вы жъ, дидусю, выпьете?“ „Выпью, хлопче. Пый, лышъ, пый“. Вынывъ хлопець. „А нуте жъ и вы, диду, та будемо вже ихать“. „Э-э-э... я вже, хлопче... я вже годи, я вже годи, годи... Людимъ роздай... людимъ давай.. р-роздай... хай люды... Хлопець узявъ роздавъ людимъ поризну, шынкареви заплатывъ, вернувъ ему пляшку й чарку. „А нуте, диду, помаленьку будемъ ихать“. „Э, э. хлопче, я вже.. я вже не дійду“. „Вже шожъ мини зъ вамы робыть“. Пидъ мы́шку взявъ, пиднисъ дида до воза, положывъ на визъ, обернувъ кони, сивъ, йде до дому. Выихалы въ степъ верстовъ за пьять одъ города, дидъ на вози: „Э!.. э! э! э! Хлопче! тпрр... тпрр... стой! Стой, хлопче“! „Чого вы, диду“? „Постой, постой, хлопче!.. Э-э-э-эй надвирку... п-постой“... Хлопець кони спынывъ, дидъ пидвивсь бувъ, тай скотывсь зъ воза, упавъ. Упавъ, хустку съ червинцямы выгорнувъ зъ пазухы и насивъ будьто. И такы пидводыться, береться за люшню та за колесо. Той ставъ, пиддержавъ дида, по́кы винъ до витру вынудывсь, положывъ его на визъ, повернувся сидать,—наступывъ гроши. Пиднявъ платокъ, оглядивъ, положывъ соби за пазуху. Сивъ на визъ, ставъ ихать. Прыихавъ до дому, знявъ дида зъ воза, положывъ на лижко, загадавъ хлопцямъ выпрягаты кони, самъ сивъ на комороу на рундуци, вынявъ платокъ, поличывъ гроши, положывъ у кышеню. Переночувалы. На другый день дидъ ходыть, голову ломыть. Силы обидать, „А шо, каже, диду? Э-э-э, мабуть поганенько на похмилля?!“ „А пиды, лышъ, каже, дивко, визьмы макитру, та вточы горилкы, то мы похмылымось домашнеи“. „А пыйте же, каже, диду, чарку“. „Та пый, лышъ, ты, сыну“. Выпывъ. „А нуте жъ и вы“. „Та вже й выпью. Э-э, хлопче, говорыть, трошкы пропажы е“. „Та шожъ тамъ таке?“ „Та тамъ пусте й дило: рубливъ зо́ два тамъ чы зо́ тры; та якъ росплачувавсь, та на те ярмарокъ, та тамъ десь якъ положывъ, то воны й зосталысь.“ „Та вже жъ такы бачыте, диду, й не журиться. Наше не пропадало николы! А це жъ, диду, дывиться: чы не вашъ це платокъ?“ Вытягъ съ кышени, подае. „Х-хе! Бачъ, сыну!.. эге!.. Одже жъ и мій,“ каже. На́те жъ, якъ вашъ“. „Чы ты жъ знаешъ, хлопче, що воно туть таке?“ „Та не знаю, каже, диду“. „Х-хе!.. скажы жъ мени, хлопче, де я, шо я такый пьяный бувъ якъ земля,—не знаю, чы ты въ ятци найшовъ ихъ?“ „Ни, диду. На степу, тамъ де

вы зъ воза впалы та надвирку просылысь".—А знаешъ, хлопче, тилькы тутъ?" „Не знаю, каже, дидусю; такъ якъ запхнувъ ихъ за пазуху, такъ вамъ и оддавъ". „Ну, спасыби тоби, хлопче, шо ты прыбравъ". По обиди той пишовъ хазяйнувать, а дидъ поличывъ червиньци.—„Ни 'дный чети, ни пивъ червончыка не взявъ"! Тай каже до старои: „э-э, стара! Оце наша дытына буде! Мы его одру́жымо; коло его вику дожывемо. Ему хазяйство здамо; то буде наше хазяйство пожываты, буде й насъ спомынаты!"

Жыве хлопець у его й шиснадцятый годъ... У недилю пообидалы. Лигъ дидъ спочывать; рукою закрывъ очи. Хлопець сивъ въ кинци столу, на рукы схылывсь и сс-сылно зажурывсь... Якъ заплаче... Дидъ спидъ рукы дывыться. Одкрывъ руку... „Э-э-э, вра-а-жый сыну! Ты, лышъ, мабуть жонатый"? „Ни, дидусю". „Э-э э-эй, брешешъ, вражый сыну! Кажы по правди". „Шожъ, каже, диду,— жонатый. „Оттакъ бы ты мини, вражый сыну, й давно сказавъ, тобъ я тоби и рощотъ давъ. А дай же мени ты напередъ рощотъ, шо ты мени въ моимъ хазяйстви прыхазяинувавъ?" „Шо жъ, каже, дидусю, я вамъ прыхазяинувавъ"? Стада́, гурта́... чумацтво... отары... хлиборобство... дванадцять ынбаривъ хлиба надбавъ... Шистьдесять тысячъ грошей, окроме вашыхъ трыдцяты тысячъ тыхъ, шо вы мени на хазяйство далы... Сто двадцять скы́ртъ у поли хлиба". „Дай же мини теперъ, сыну, ключи." Узявъ ключи. „Чы ты знаешъ, сыну, видкиля оци два ключи"? „Не знаю я, диду". Не доходыло мини до ныхъ дила". „А оцей, сыну, третій ключъ меньшенькый видкиля винъ?" „Не знаю, диду, и сего". „Оце, сыну, шобъ ты знавъ, одъ моеи комо́ры, шо у мене на печи́ openзализнымъ це́номъ кризь стыжи взята. А на́ тоби, хлопче, оцей ключъ. Чы ты бувъ у тій комори, шо то въ землю вгрузла стоить?" „Не бувъ, дидусю". „На тоби, хлопче, оцей ключъ, та йды въ коморю, та визьмы на такій то ключци зброя запорозька вы́сыть. Унесы іи сюды". Одимкнувъ ту комору. Якъ увійшовъ, якъ глянувъ... зострахнувсь!.. Що т-тамъ одежи запорозькои, шо тамъ добра!... шо тамъ усякои всячыны!.. Бере винъ зброю запорозьку, прыносыть до дида. „А надивай лышъ, хлопче, сорочку запорозьку!.. Та надивай шей штаны запорозьки... Надивай и чоботы запорозьки!.. Надивай и шапку запорозьку!.. Та беры запорозькый и жупанъ!.. Пиды на такій то ключци поясъ высыть та пидпережысь. Убравсь винъ у ту одежу. Та визьмы въ такимъ то кутку́ рушныця стоить... Возьмы ше й вузду,—на такимъ то килку вы́сыть. Визьмы й

сидло". Винъ усе тее повыносывъ съ комори. „А звелы, хлопче, роботныкамъ косякы́ коней въ заги́нъ прыгнать". Прыгналы косякы́ коней въ загинъ. „Дывысь, хлопче: который кинь по загону бигатыме, та всихъ коней кусатыме, того беры, тай веды". Ввійшовъ винъ въ загинъ. Ажъ якъ разъ,—одынъ кинь по загону бига, та всихъ коней бье та куса́, бье та куса... Такъ бье!.. шо винъ зроду той кинь въ рукахъ не бувъ... Заставывъ винъ роботныкивъ накыдать его арканомъ. Роботныкы бигалы, бигалы,—не моглы ёго ніякъ арканомъ узять. Дидъ съ ципкомъ сыдыть на рундуци,—бачыть шо воны ёго не пiймають: „а йды сюды, хлопче. А на тоби, хлопче оцю вузду,—иды прямо въ загинъ, наставъ оцю вузду до его, такъ винъ тоби на шыю й голову положыть". Узявъ хлопець узду, пишовъ у заги́нъ, наставывъ іи на коня,—кинь стоить, такъ якъ у землю вкопаный. „А давай, хлопче, лышъ того коныка". Узявъ того коня, ударывъ рукою,— кинь тилько стрепенувся!.. Положывъ на ёго сидло,—чотыри пистоли: съ того боку клочка́ и съ того по́ два вложывъ, а по два ёму за поясъ: съ того боку два й съ цёго два. „А йды лышъ, хлопче, въ хату,— дамъ я тоби рощотъ. А пусты лышъ, стара, полизу на пичъ. А давай лышъ, хлопче, свою шапку". Полизъ дидъ на пичъ,—одимкнувъ скрыню, нагорнувъ повну шапку червиньцивъ, излизъ съ печи, высыпавъ на столи: „а получай хлопче, бо ты въ мене вирно служывъ. А буде съ тебе, хлопче"? „И-и-ни, дидусю! Спа-а-аасыби вамъ! Буде не то мини, и дитямъ буде!" „Э, ни, хлопче, не буде; ты въ мене вирно служывъ." Полизъ дидъ на пичъ,—ще нагорнувъ вньять повну шапку червиньцивъ,—высыпавъ: „а шо буде, хлопче?"—И-и-и-и, дидусю! Теперь не то моимъ дитямъ и онукамъ буде и праонукамъ". „Э, ни, хлопче, не буде: ты въ мене вирно служывъ". Полизъ дидъ и втрете на пичъ,—нагорнувъ вньять повну шапку, высыпавъ на стилъ: „а шо хлопче, буде?" И-и-и-и, дд-идд-уу-сю! буде! спасыби! не то вже... и працуренятамъ буде! Дайте жъ мини, дидусю, торбынкы, або мишка". Э-ээ, вражый сыне! Гроши е, та не знаешъ де дить!? Дай сюды поясъ свій". Одчепывъ дидъ одъ ёго поясъ: „держы за одынъ кинець". Узявъ хлопець за одынъ кинець поясъ, а дидъ за другый,— такъ ти гроши и всыпавъ у поясъ. Пидперезавъ его вньять, общепнувъ такъ якъ треба,—„о теперъ, хлопче, прощайся зъ старою. А ходимъ, хлопче, я тебе вырядю, а я й тамъ съ тобою попрощаюсь за дворомъ". Одвязавъ коня одъ рундука и закынувъ поводы. „А сидай, хлопче". Узявъ дидъ за поводы́, вывивъ за двиръ.—„а идь, хлопче,

соби". Той хлопець одъихавъ такъ якъ разъ палыцею кынуты,—оглянувся, ажъ дидъ маха́ рукою. Винъ и каже: „э-э-э, говорыть, да вже жъ, говорыть, и роцытавъ добре! И зброю давъ добру! И коня давъ доброго! Да вже жъ и я хлопець, мовъ добрый! Мовъ бы я й утикъ?. Та вже, мабуть мини не тикать одъ сего дида!" Вернувсь.

„А шо, хлопче?!" „А шо, диду?!" „Роцытавъ я тебе добре?" „Добре, дидусю". Зброю я тоби давъ добру?" „Добру, дидусю". „Коня я тоби давъ доброго?" „Доброго, дидусю". „Малахай добрый?" „Добрый, дидусю".—„А дай лышъ, хлопче, малахай". Давъ винъ „А встань съ коня". Вставъ винъ. Якъ узявъ дидъ ёго чыныть!!.. Чыныть его тай чыныть малахаемъ, чыныть его тай чыныть!.. Уже ему гирко й нудно, а винъ ёго все чыныть!.. „А знаешъ, хлопче, за шо я тебе бью?!"—„Не знаю, дидусю, хиба скажете!"—„Оце я тебе, вражый сыну, за те бью, шо ты въ мене шиснадцять годъ бувъ, та я тоби и брешешъ не сказавъ. Тымъ я тоби брешешъ не сказавъ, шо ты вирно служывъ у мене! А це я тебе за те бью,—якъ ты дойдешъ до лиса и буде дви дорогы; одна навпростець, а друга кругомъ... Шобъ ты навпростець не ихавъ, а шобъ кругомъ. А сидай, хлопче, идь"! Одъихавъ такъ якъ разивъ два палыцею кынуты,—оглянувсь, маха дидъ. Винъ и каже: „э-эээ", говорыть, „да вже-жъ", говорыть, „и роцытавъ добре! И зброю давъ добру! И коня доброго! Да вже-жъ и я хлопець, мовъ, добрый! Мовъ бы я й утикъ. Та вже-жъ, мабуть, мини не тикать одъ сёго дида! Треба вертаться!" Вернувсь.

„А шо, хлопче?!—„А шо, дидусю?!" „Роцытавъ я тебе добре?" „Добре, дидусю". „Зброю давъ я тоби добру?" „Добру, дидусю".—„Коня я тоби давъ доброго?" „Доброго, дидусю".—„Малахай добрый?" „Добрый, дидусю". „А дай, лышъ, хлопче, малахай". Давъ винъ. „А встань, хлопче". Вставъ винъ. Якъ узявъ винъ его чыныть!!.. Чыныть малахаёмъ его тай чыныть, чыныть тай чыныть! Уже ему гирко й нудно, а винъ его все чыныть! „А знаешъ, хлопче, за що я тебе бью?"—„Не знаю, дидусю,—хиба скажете!" Оце я тебе, вражый сыну, за те бью, шо ты въ мене шиснадцять годъ бувъ, то я тоби й „брешешъ" не сказавъ. Тымъ я тоби „брешешъ" не сказавъ, шо ты вирно служывъ у мене. Оце я тебе за те, хлопче, бью,—якъ переидешъ ты лисъ, то за лисомъ буде слобода; коло слободы шынокъ стоятыме; и въ тимъ шынку буде шынкарка красыва така, шо вже красывишои якъ вона не буде, и буде вона тебе просыть, шобъ ты переночувавъ зъ нею ничъ. Оце я тебе за те бью, шобъ ты не ночувавъ тамъ. „Сидай, хлопче,

пойжджай". Поихавъ винъ. Одъихавъ такъ, якъ разивъ тры палыцю кынуты—маха дидъ. Винъ и каже: „э-э-э", говорыть, „да вже-жъ", говорыть, „и роцытавъ добре!" И зброю давъ добру! Да вже й коня давъ доброго! Да вже-жъ и я хлопець, мовъ, добрый! Мовъ бы я й утикъ! Та вже-жъ мини мабуть не тикать одъ сёго дида!" Вернувсь.

„А шо, хлопче?" „А шо, дидусю?" „Роцытавъ я тебе добре?" „Добре, дидусю". „Зброю я тоби давъ добру?" „Добру, дидусю". „Коня я тоби давъ доброго?" „Доброго, дидусю". „Малахай добрый?„ „Добрый, дидусю". „А дай сюды малахай". Давъ винъ. „А встань съ коня". Вставъ винъ. Якъ узявъ дидъ его чыныть!! Чыныть его малахаемъ тай чыныть, чыныть его т-тай чыныть; уже ему гирко й нудно, а винъ его все чыныть. „А знаешъ, хлопче, за шо я тебе бью?" „Не знаю, дидусю; хиба скажете" „Оце я тебе за те, хлопче, бью, шо ты въ мене шиснадцять годъ бувъ, та я тоби й „брешешъ" не сказавъ! Тымъ я тоби брешешъ не сказавъ, шо ты вирно служывъ у мене. Оце я тебе за те, хлопче, бью,—якъ прыйдешъ ты до-дому, то хочъ якый ты будешъ сердытый, хочъ якый будешъ сердытый,—и замирись, та-а не вдарь! А луче походы, походы, та подумай, та вросли хочъ и голову здіймы. О теперъ, хлопче, скыдай шапку, та бый тры поклоны та попрощаемось". Вдарывъ хлопець тры поклоны и дидъ тры поклоны, поцилувалысь и попрощалысь. „Теперъ на тоби малахай, сидай на коня, поганяй, хай тоби Богъ помогá; идь зъ Богомъ". Пишовъ дидъ. Оглянувсь,—уже пишовъ дидъ до рундукá. Оглянувсь,—уже дидъ на рундуци. Въ третій разъ оглянувсь,—дидъ уже пишовъ у хату...

Якъ пустывъ коня... Сонце похылылось уже ызенько. Прыбигъ винъ до лиса; дьви дорогы: одна навпростець, друга кругомъ. Навпростець дорогою поихавъ; тай здумавъ: „э! а за шо мене дидъ бывъ? За те мене дидъ бывъ, шобъ я напростець не йхавъ, а шобъ кругомъ! Завернувъ коня,—поихавъ кругомъ. Иде винъ тай иде кругомъ; уже улягома [1]) добре (пизно), уже и лисъ кинчаеться; по за лисомъ дорога повертаеться. Иде винъ понадъ лисомъ; закурывъ люльку; дорога впьять у лисъ. Колы крыкъ зачувъ у лиси. Винъ ставъ, подумавъ, подумавъ,—пойхавъ на крыкъ. Колы звонцыка розбой нападае, крыкъ:

---

[1]) Улягома—нарѣчіе; значитъ—поздно.

„ратуйте, хто въ Бога вирує!“ А то ихалы звощыкы руськи та везлы красну рыбу. Винъ туды; „не бійтесь“, крычыть, „люды добри!“ Вынявъ пистоли; зъ двохъ выстрелывъ, дали ще зъ двохъ выстрелывъ. „Эй сюды! Лисныччи! Салдаты!“ А тамъ никого й не було. „Сюды, хлопци! Сюды! Бида людямъ!“ Якъ выстрелыть зъ одного пистоля; зъ другого! Якъ забряжчыть шаблею! Розбой зострахнувсь,—розбигся. Ти вже руськи кланяються ему; не знають якъ и дякувать: „возьмить у насъ, паночку, визъ красноп рыбы; воно намъ гуртомъ ничого не значыть; вы насъ одъ смерты спаслы“. А винъ одмагаетьця; не хоче брать. „Хто вы таки, люды добри?“ Звозчыкы: „такъ и такъ: веземъ красну рыбу у Расѣю“. Куды вы идете?“—„Оттуды и оттуды“. „Идьте за мною; мини зъ вамы по дорози.

Выихалы зъ лиса; за лисомъ село; коло села шынокъ. Сталы коло шынку. Звощыкы коней выпрягають; взялы й его коня; покы воны выпрягають коней, винъ увійшовъ у хату. Выскакує шынкарка така гарна, така красыва, що вже красывишои нема надъ неи. „Вы проижджающи?“ Каже.—„проижджающый“. Пожалуйте! Въ мене шынокъ, въ мене й заиздный двиръ. Я вамъ дамъ покой; прыготовлю вамъ кушать и коневи вивса дамъ и платы не возьму. Мы съ такыхъ якъ вы—не беремъ“. Достала кграфынъ водкы францюзькой: „позвольте, пожалуйте, пане, попробувать хоть одну румочку; я зъ васъ платы не возьму“. Выпывъ одну чарку. „Ну, пожалуйте по лошадь; я прыкажу вивса дать вашому лошадю и прыкажу кушаньня вамъ зготовыть“. Пишовъ винъ по коня. Взявъ коня за удѐла тай згадавъ: „Э, дидъ мене бывъ за що? За те мене дидъ бывъ, щобъ я не ночувавъ, де шынкарка хороша“. Узявъ, одвязавъ коня, повивъ у слободу; мынувъ дви хати,—у третю просытьця до чоловика; „здоровъ тоби, хазяине!“ „Здоровъ, пане!“ „Пустить ночувать“. „Ночуйте, пане“. „Нема въ тебе, хазяине, вивса хоть съ коробочку? Я тоби завтра заплатю“. „Та можна, пане“. Зайшовъ винъ у хату. Повечерявъ; пишовъ напоивъ коня; лигъ спать на двори; у хати не схотивъ. Znявъ зъ коня сидло, заложывъ увъ ожередъ, щобъ що не вкрало. Закурывъ люльку. Пишовъ провидать звожчыка. Пройшовъ обозъ,—якъ дрова сплять уси. Въ шынку свитло горыть. Винъ пидійшовъ, кризь викно й дывыться. Колы рынуло. Щось у хату ввійшло. Винъ прыглядаеться,—колы дякъ прыйшовъ. Шынкарка заразъ вхопыла того дяка, поцилувала, на кровать посадыла. Вытягла спидъ кроваты страву, пляшку зъ горилкою. Выпылы по стакану, по другому, писля вечери по тре-

тёму, свитло потушыла. Винъ потыхесеньку якъ узявъ пидьнёмомъ хатни двери поманесеньку... Двери не засунени. Якъ узявъ хатни двери потехесеньку пидьнёмомъ... Прылизъ до кровати, слуха балачку ихъ: „отъ душенька! Никада не прыходылося такъ намъ твого старыка погубыть, якъ теперъ пидходыть. Узять его вбыть, та звощыку у визъ и положыть. Звощыкъ рано на зори рýшыть, а ты вутромъ, серденько, душенька, воскрычышъ: калавуръ, нѣтъ мужа жывого! Тутъ заразъ народъ збижыться на крыкъ. Пошлють верховыхъ. Заразъ ихъ орештують. Оттоди я тебе, серденько, душенька, возьму за себе, а то не прыйдетьця, бо никада такъ прылышно не пидпадае его погубыть, якъ цю ночъ!“ А хлопець выслухавъ усе це дило, та до дяка: ножыкъ е, изобгавъ дякови каптанъ, тай вырызавъ клынчыкъ. Тоди до шынкаркы; изобгавъ платьтя, клынчыкъ вырызавъ и поклавъ у карманъ. Та рачкы у синьци вылизъ. Якъ узявъ по манúсьсиньку!.. Изъ синей выйшовъ,... попрыхылявъ двери и пишовъ соби на квартырю. На другый день у раньци чуе кгвалтъ. „Отъ, пане, шо въ насъ случылось!? Каже: „шо таке?“ „Шынкаря вбыто. Тамъ уже вся слобода збиглась. Шынкарка плаче, голосыть,—каже: «звощыкъ ночувавъ“.— „Ходимъ, хазяинъ, у хату рощытаемось“. Вынявъ червоньця, дае хазяинови. Хазяинъ ему и въ рукы и въ ногы цилуе, шо винъ ему такъ багато дае. Шо тоди за того червоньця пару воливъ можно було купыть. „Прощай“, каже, „хазяине. Поиду, лышъ и я, куды ваши побиглы звожчыка доганять, бо й мини туды ихать“. Прыбига туды, колы вже догналы звожчыка. Шынкаря вытрусылы, а ихъ арештувалы, вьяжуть. Винъ добига,—заразъ то одного, то другого малахаемъ почыща. „Шо вы тутъ робыте? Вонъ! Вертайтеся люде добри. Я васъ одъ одніеи смерти одвалавъ, одвалаю й одъ другои. Вертайтесь назадъ“. Обернулы, идуть. Винъ уперед̀ъ иде. Прыиждж̀ають до шынку. Мыру стоить,—вся слобода збиглась. Урядныкы... Священыкъ... Знялы шынкаря зъ воза, положылы коло порога. Шынкарка рукы ломыть, тужыть, цилуе... „Хто тебе побидывъ?!..“ Винъ встае зъ коня: „Здорови, панове громадо!“ шо вы сыхъ людей вынуватыте? Може си люды сномъ и духомъ не знають, шо цёго чоловика вбыто. Напасьть не по дереву ходе, а по людямъ! А позвольте, панове громадо! Я вамъ выноватцивъ найду. Якъ я бачу, то и врядныкы тутъ, и священныкъ тутъ, и вся слобода тутъ, а тилько нема дяка. А цёго чоловика ховать треба. Чы въ васъ дякъ е?“—„Е“. „А прызвить сюды й дяка“.

Побиглы. Ведуть дяка. Глянувъ той, на дякови каптанъ, шо й вчора ввечери бувъ. «А здоровъ, брате дяче!» «Здоровъ, пане». «А шо' брате дяче! Чы не знаешъ ты сёго чоловика шынкаря?» «То я, якъ-бы не клыкнулы, то я ёго годивъ десять якъ не бачывъ». «Може ты ёго десять годъ и не бачывъ, а тилько вчора бачывъ. А позвольте вамъ, панове громадо, оцей клынчыкъ. Чы не прыйдетьця винъ до дякового каптана?» Хватнулы той клынчыкъ, розгорнулы каптанъ,—якъ разъ винъ туды й впавъ. «Оце вамъ одынъ выноватець—дякъ; а отъ вамъ и другый товарышъ ёго». Пидходыть до шынкаркы, шо надъ шынкаремъ ту́жыть; вынявъ клынець, розгорнулы плаття, прытулылы,—якъ тамъ бувъ. «Оце вамъ и другый выноватець—товарышъ дякивъ». Та й росказавъ людямъ усе, шо чувъ и бачывъ учора. Повьязалы шынкарку й дяка, а тыхъ звощыкивъ выпустылы. Воны ёму дякують!.. Рукы й ногы цилують! «Це вы, насъ, паночку, отъ смерты спаслы́! Возьмить, паночку, у насъ два возы краснои рыбы Воно намъ гуртомъ ничого не значыть. Вы насъ двичи одъ смерты спаслы́!» Винъ одмагаетьця—не хоче брать, а воны просють: «возьмить, а то колыбъ намъ дорогою не було другои ше биды якои, шо мы вамъ обищалы, тай не сповнылы того, шо сказалы». Ничого робыть,—узявъ. Завернулы кони.—Поихалы. Идуть-идуть,—доихалы до то́го, шо звощыкамъ прямо, а ему вправо дорога впада; попрощався зъ нымы,—поихавъ. Прыиздыть до-дому у свое село. Иде до своеи жинкы ажъ до двора. Колы дывыться: «Шо за знакъ? Мій двиръ оплетеный, хата поправлена... Мабуть уже тутъ есьть не мене́!.. Прыходыть у хату. Жинка топыть. «Добрывечиръ тоби, хазяйко». «Здорови, паночку». «Не можнобъ у тебе переночувать?» «Тай заиздить, паночку; хиба двиръ перестоите? Винъ заихавъ у двиръ и ставъ зъ возамы зъ рыбою передъ викнамы, повыпрягавъ кони. Пишовъ сина купывъ. Позакладавъ имъ сина. Взявъ десятокъ рыбы, увійшовъ у хату. Жинка вечеря; кулишъ соби зварыла. «Нате вамъ, хазяйка, десятокъ рыбы. Може колы въ борщъ, або въ кашу вкынете. Спасыби, шо пустылы въ двори перестоять». Сивъ кинци столу и пытае: «дежъ вашъ хазяинъ, хазяичка?» «Богъ его зна, де винъ. Такъ якъ мы побралыся, та пожылы годокъ, такъ винъ якъ пишовъ на заробиткы, а я зосталась зъ ёго матирью, та вже й маты годъ тры, якъ померла, а его й доси нема. Богъ его знае, чы винъ жывый, чы ни. Сама́ вже хазяиную». А про дытыну и не нарекла. Повечерявъ винъ,—пишовъ коней напувать. Вона послала ему на лави по́душку. Винъ увійшовъ

у хату. «Зачимъ, хазяйка стелете? Я чоловикъ проижджый; у мене кони, у мене товаръ,—я на вози ляжу». Напывся воды и пишовъ. «Гасить, хазяйка. Нехай свитло не горыть«. Загасыла вона свитло. Дожыда сына. А въ неи сынъ шесьнадцяты вже годъ. Та пьять годъ, якъ вона его наняла до хазяина череды пáсты. То винъ днемъ череду пасе, а ввечери до дому прыходыть. Той засыпавъ вивса конямъ; закурывъ люльку,—лежыть. «Постой лышъ, чы не ходе й до неи дякъ?» Колы се рыпнуло дверьмы. Пишло шось у хату. Винъ обернувсь—не вглядивъ хто. Схватывсь зъ воза; ходыть, рукы ломыть... Ходывъ-ходывъ, ходывъ-ходывъ... Ввійшовъ у сины. Узявъ потехесеньку двери одчынять. Увійшовъ у хату потехесеньку. Прыйшовъ потехесеньку до полу. Прыслухавсь—сплять двое. Выкресавъ вогню, засвитывъ свитло; колы подывытьця—лежыть коло неи якыйсь парубокъ. Двѝ головы—мужыча й жиноча. Якъ выхватыть шаблю, якъ замирытьця... хотивъ обоихъ зарубать, тай згадавъ, за шо его дидъ у трете бывъ: «прыидешъ до дому и хочъ якый будешъ сердытый, и замирьсь, та-а-á не вдарь, а походы-походы та подумай, та впосли хоть и голову здіймы». Якъ хватне шаблю назадъ у пихвы, якъ брякне свитло объ землю, та зъ хаты... Дверьмы грюкнувъ!.. Сивъ на вози, сыдыть, цилу ничъ не спыть. «Ну вжé не выпущу ёго зъ хаты». У раньци выходыть вона смитьтя выносыть, а того, шо винъ жде, все не выдать.. Пишла вона въ хату,—винъ и соби пишовъ. Выгреба вона попилъ, а винъ сивъ киньци столу: «оть, казала хазяйка: нема мужа, а мужъ и спыть». А вона й каже: «та ни, паночку, то сынъ мій. Якъ первого году винъ найшовсь у дви недили, то якъ мужа нема оце вже шисьнадцять годъ, то такъ и моему хлопцеви шисьнадцять годъ. Оце вже пьять годъ, якъ наняла его до хазяина череды́ пасты, то мени хазяинъ хатку вкрывъ, огородець опливъ и по копи хлиба усякого на зиму дае. То це вже его будыть треба, доси вже череду женуть».—«Не-é займай, хазяйка! Не займай! Я буду его хазяину одвичать. Нехай спыть на мій щотъ». Та зрадила, «отъ», дума, «панъ добрый!.. Бачыть нашу бидность, то вже шось намъ надилыть». Оце хлопець прокынувсь: «чомъ вы мене, мамо, не збудылы? Мини видъ хазяина бида буде».—«Не бійсь, сыну, я 'двичать буду». Узявъ его на оберемокъ, понисъ до воза, та дви жмени червонцивъ ёму за пазуху насыпавъ. Унисъ его въ хату. «А на, лышъ, жинко, червоньця, та пиды купы горилкы та ше чого, та клыкны сусидъ могорычъ поставыты, шобъ зналы сусиды, шо твій чоловикъ вернувсь».

«Та Богъ зъ вамы, паночку!» Та въ плачъ! У мене чоловикъ не такый». Та до батька!.. А батько іи жывый бувъ, та вже слипый. Убигла въ хату! «Прыихавъ якыйсь панъ, упросывсь ночувать и каже, шо я твій чоловикъ. Богъ зъ нымъ, Хрыстосъ зъ нымъ!» Плаче. «Та може-жъ и чоловикъ, дурна дочко! Ты его не пизнала, бо винъ довго ходывъ. Пиды клыкны его, то я подержу за руку, то й пизнаю». Вона побигла. «Идить, паночку, батько васъ клыче».—«Хиба батько жывый? «Жывый. Матери нема, а батько жывый, та вже не бачыть». Взялы воны прыйшлы обое. Винъ: «здорови, тату! чы ще вы жыви?»—«Та жывый, сыну. А йды лышъ блыжче, сыну, та дай мени руку». Подержавъ его за руку: «Гмъ! И-и-ии, глуповата канальська дочка! Не пизнала свого законного мужа!» Вона въ плачъ! Хватыла его за шыю цилуе, плаче, зрадила!.. Прыйшлы до дому, взялы й батька, клыкнулы сусидъ, прынеслы горилкы!.. Цилый день пылы, гулялы!.. Съ того часу зажылы тáкъ, шо не можна й лучче.

II.

Казка про правду.

Якъ булы соби дьви бабы и було въ ихъ по сыну; и бидьни воны булы страшно, якъ одынъ, такъ и другый.

Прыходять до ихъ багачи́ наймать ихъ сино возыть; прыйшлы до одного: «наймысь, хлопче, сино возыть, та хочъ шо-небудь соби заробышъ».—«Не наймусь. У мене одежа худа, чóботы драни,—лучше буду лежать на печи́». Пійшлы до другого; и той тіеижъ: «не пиду, чобитъ нема». «Ну тай ледачи сучому сынови сыны! Лежать по печахъ, позадыралы ногы на коминъ; хоть зъ голоду здыхають, а не допросысься въ роботу!»...

Зійшлыся разъ воны ти хлопци у вечери, тай пишлы соби гулять. Выйшлы за село; звернулы зъ шляху; посидалы на бурти и радятьця: «а що, брате»!—«А що»?—«Чы ты знаешъ шо, брате: диждемъ черезъ зиму, та ходимъ на заробиткы. Нехай зъ насъ багачи не сьміються шо мы дурни; та хоть сьвита вже побачымо! Ато, бачъ, каже: «мало зъижъ, то все скажуть—наився, хоть багато зъижъ, то все одно! А якъ пидемъ у той край, то тамъ уже шо Богъ дасть, то те й буде. Та не такенькы якъ тутъ за той кусокъ хлиба горюваты».—

«Я й согласенъ, брате; якъ-бы шо-бъ билеты взяты, та хочъ и йты». «Ну вже-жъ тилько, брате: хто въ насъ старшый буде». «Та вже-жъ хочъ и я меньшый буду, а вже буду тебе слухать».

Диждалы весны; забралы билеты; пишлы зъ людьмы на заробиткы. Давъ Богъ,—дійшлы на мисто. Сталы воны робыть поденно. Пишлы воны въ косовыцю. Якъ небудь зъ людьмы день провелы,—сталы въ товарыства просыть: «э-эй, братьця! Не вміемъ косы клепать!.. По-о-клепайте намъ хто косы»!.. Обизвався одынъ: «Ну», каже, «брате! Я выклепаю тоби косу; пъять копіекъ за те»!—«Такъ клепай же, брате, й товарышови моему; мы вже й грывеныкъ дамо». Проклепало имъ товарыство по разу косы; на другый разъ уже сами клепають.

Якъ пишлы воны сами вже клепать и робыть,—
Не сталы воны вже товарыство просыть
И пишлы воны уже помижъ товарыствомъ жыть!

И жывуть воны до тыхъ поръ, покы й усе лито провелы! Давъ имъ Богъ заробыть по сорокъ карбованьцивъ. Старшый получае увъ одынъ карманъ и товарышови й свои».

Кончылы лито; пидъ осинь: «а що, брате!»—«А що»?—«Чы пидемъ до дому, брате, чы не пидемъ,—у заводы станемо»? «Про мене», каже, «брате, якъ скажешъ,—такъ я тебе й слухатыму». «Эй ходимъ, брате, на заво́ды! Шо, шо мы на зиму пидемъ до дому? Шобъ бага́чи впъять зъ насъ сьміялысь?! А между людьмы побувалы!.. Трошкы образувалыся»!—«Ну вже-жъ», каже, «брате! Куды хочъ,—туды й веды, я вже буду слухаты». «А ходимъ, брате, у забродъ.—«Тай ходимъ, брате». Пишлы.

Идуть тай идуть, идуть тай идуть; прыйшлы до первого заводу: «Здрастуйте, хлопци!»—«Здорови, хлопъята»! «А де вашъ», каже, «отаманъ»?—«Та», каже, «десь у землянци». «Якъ-бы», каже, «звистылы отаману, мы-бъ тамъ ёму шось исказалы». Выходе отаманъ. «А здорови, хлопъята!»—«А шо батьку отамане! Не прынялы-бъ и насъ до тахвы»?—«Э-э хлопци! Идить, у другый заводъ, у мене повна тахва». Тахвою называетьця шисьнадцять чоловикъ у заводи. У кожній тахви по шисьнадцять чоловикъ.

Пишлы воны до другого заводу. Прыходять. «Здорови, браты! Де вашъ батько отаманъ»?—«А на що вамъ винъ здавсь»?—«Та мы хочемъ ёму шось сказаты»!—«Тай потребуемъ отамана-жъ». Вы-

ходыть отаманъ. «А здорови, хлопъята»!—«Здоровъ, батьку отамане. Э-э-эй батьку отамане! Не прынялы-бъ вы насъ до тахвы»?—«Э-э-э, молоди вы хлопци! А въ мене повна тахва. Идить до третёго заводу, тамъ може васъ прыймуть». Зьнялысь,—пишлы.

Прыходять до землянкы. Уже обрыдло имъ ходя! «Здорови братьця! Чы вы-бъ, братьця, не далы-бъ намъ попоисты», говорыть... «Уже намъ обрыдло й ходя»!.—«Шо-жъ, хлопъята! Въ насъ е отаманъ; якъ позволыть, то й можна-жъ». «Такъ здилайте мылосьть, выклычте отамана». Выходыть отаманъ. „А що вы, хлопци, маете мени казаты“?—„Э-э-эй, батьку отамане!.. Дай намъ хоть кусочокъ хлиба, бо вже намъ обрыдло по вашыхъ и ходя заводахъ!.. Та ниде нихто й не прыймае насъ сиромахъ“!—„А йдить, хлопци, въ землянuочку въ мою. Та подайте, хлопци, столыкъ; на своихъ хлопцивъ каже: „и дайте имъ пыть и исты. А сидайте, хлопци, перекусить. Та подайте, хлопци, по чарци горилкы имъ. Кушáйте жъ, шо-бъ хочъ не голодни булы. Куды-жъ вы йдете, хлопци? Хоть роскажить мини“.— „Э-э-эй батьку отамане! Прыймить насъ до тахвы сиромахъ“! „Э-э, шо-жъ, хлопци!.. Повна тахва!.. А йдить дальше! Тамъ есть ще заводъ“. Подякувалы отаману за хлибъ, за силь, попрощалысь и пишлы.

Доходять упьять до заводу. „Э-э-эй, здорови“, каже, „браты“!— „Здорови, хлопци“! „А де въ васъ тутъ отаманъ е“?—„Ото невидъ“, каже, „лагодыть. Иды“, кае „до ёго“. „Здоровъ, батьку отамане“!— „Здоровъ, хлопче“!—„Пріймить, батьку отамане, насъ до тахвы“!— „Э-э, хлопче! Якъ-бы було ранишъ. А теперъ у мене повна тахва. Я лышнихъ прынять не могу; лышнихъ не полагаетьця. Идить“, каже, отаманъ, „у посьлидьній заводъ, отамъ“, каже, „собираютьця крыви та слипи на 'дно око! отамъ“, каже, „прыймаютьця. Оттуды вы йдить,— може й васъ прыймуть. Вы, здаетьця, хлопьци хочъ и молоди, такъ вы на обое ще бачыте.

То вы можете ихъ изъ землянкы на двиръ водыть,
Бо воны не способни рыбы ловыть“.

Попрощалысь изъ отаманомъ: „Прощай, батьку отамане. Спасыби за добре слово. Хоть-бы тамъ насъ прынялы, той то-бъ спасыби Богу“! Пишлы воны.

Прыходять до посьлидьнёго заводу. Выходять двое крывихъ. „А здорови, дядькы“!—„Здорови, хлопци“! „Хто въ васъ, дядькы, тутъ... чы въ васъ е й отаманъ“?—„Тай е“, каже, „та слипый на 'дно

око"; ка, „на печи сыдыть у земляньци". „А якъ-бы винъ выйшовъ до насъ; мы-бъ ёму тамъ хоть-бы слово сказалы". Полизъ крывый у землянку. „Грыцьку отамане! А йды, лышъ", кае, „два хлопци чогось прыйшлы".—„А кличь ихъ у землянку. Нехай лышъ ввійдуть сюды; шо тамъ за хлопци". Лизе крывый. „А йдить, хлопци! отаманъ", каже, „васъ требуе у землянку". Веде ихъ крывый. Указуе имъ отамана Грыцька; „отто". каже, „винъ". „А здорови", каже, „дядьку Грыцьку отамане!

„Эй, каже, „отамане батьку нашъ!
Прыймить до себе й насъ"!

Та хлопци! Хочъ вы будете тутенькы миждо намы такъ якъ люды! Бо мы то слипи та крыви!.. Уже жывить у насъ! Хочъ прохарчуемось и то добре! Ану, лышъ, кухарь! Вары казанъ рыбы, та пошануемъ хлопцивъ оцыхъ. А сидайте, хлопци! Та сидайте-жъ и мои хлопци вси. Та подайте, хлопци, пляшку мини й чарку, шо-бъ я знавъ за кымъ могорычъ запыть". Якъ давъ имъ чарокъ по дьви! „А обидайте-жъ, хлопци"! Письля обидъ по третій прыдавыть, шобъ зналы хлопци! „А теперъ прошу покорно поблагодарыть за обидъ, тай прошу покорно отдыхать; а мини треба дило робыть; треба невидъ спорудыть". Ляглы хлопци.

Хто спыть,
Хто въ карты грае,—
Хто въ шашкы занимае,
Атаманъ пишовъ изъ землянкы;
Роскынувъ невидъ,
Тай латае.

Старшенькый хлопець зъ цыхъ двохъ, що прыйшлы, выходыть изъ землянкы. „А здоровъ, дядюшка Рыгорій! Шо це вы тутъ робыте"?—„Та це-жъ, хлопче... невидъ готовлю". „Э-э-эй, дядьку Грыцьку! Якъ бы й мини глычку найшлы, то може-бъ и я давъ-бы вамъ помочи".—„Хиба ты вміешъ"?

„Та мій покойный батько вьятери вьязавъ,
Та й мини-жъ такы вичко навъязать показавъ".

„Та въ мене, хлопче, десять глычокъ е“! „Такъ и давайте-жъ“. Якъ узявъ хлопець глычку! Покы атаманъ дирку залата, то хлопець тры! Покы атаманъ дирку, то хлопець тры. Атаманъ кынувъ свою глычку и бере себе за волосься!.. Чуха потылыцю. „Шо це мини Богъ давъ? Шо я маю одно око, то винъ двое! Шо я маю одну дирку залатать, то винъ тры“! Вылагодылы невидъ у двохъ. Грыцько цилуе хлопця. „Эй спасыби тоби, Иваня, шо ты мини пидпомога велыка“! Изгорнулы невидъ, исклалы. — „А ходимъ, Ивасю, у землянку на спочынокъ!“ Увійшовъ отаманъ. „Ану, кухарь, чепурысь! Готовъ вечерять! Бо мы свое дило зробылы“! Кухарь мытьтю наварывъ вечерять. Становыть столыкъ, сажае своихъ забродчыкивъ. Сажае отаманъ Ивася помижъ себе и товарыша ёго. „А дай, Ивасю, по'дній! Я'дъ твоихъ рукъ хочу выпыть, шо ты мини поробывъ мого дила багато“! Иваня бере кграфвынъ и дае по пукалу [1]). Отаманъ Грыцько за ёго всердыя и за стараньня желае й по другому выпыть! „А теперъ, Ивасю,—у Тройци Богъ кохаеться!—давай я вже дамъ и по третёму. А теперъ прошу покорно вечерять“. Повечерялы; подякувалы отаману за вдоволствія. „Отдыхайте-жъ, хлопци“.

Хто лигае спать,
Хто въ карты гулять,
Хто въ зубову сопилку грать.

Хто спыть, хто грае, до тыхъ пиръ, покы вси поснулы. Хлопець, который старшый, говорыть своему товарышу: „чы ты“, каже, „спышъ, брате“?—„Ни“, каже. „А що“? каже „брате“!—„А що“? „Я думаю, брате, питы подывыться на зори“.—„Якъ знаешъ“, каже, „брате, то й иды“. Выходыть винъ изъ землянкы; слухае: Вси заводы заколотылысь. И згукъ!.. И крыкъ!.. Винъ подывывся на небо и по племетамъ [2])—зоря не хороша. Увійшовъ и лигъ на койкы. Товарышъ и пытае: „а шо, Ивасю“?—„А шо“, каже, „брате“. „Шо ты замитывъ“? каже: „Нехороша зоря; и скризь вси заводы заколотылысь, а племета йде розбійна на неби; не буде взятку на рыби. И дурный захидъ ихъ, шо воны колотяться. Ну, мы будемъ спочывать до свого часу“.

Отаманъ Грыцько прокидаеться. „Хлопци! А вставайте“! Хлопци встaлы. Посхоплювалысь. „А чого, Грыцьку отамане“.

---

[1]) По бокалу.
[2]) Планетамъ.

— „А треба намъ невидъ закыдать:
Хоть шо для харчи піймать“.
Иваня озываеться;
„Э-э-эй, батьку отамане!
Не мочить и нытокъ!
И не гнійте!..
Варить и послидню рыбку,
Та будемъ исты та 'ддыхать“!
Отаманъ устае:
„Зачимъ, Ивасю, не велышъ нытокъ мочыты“?
„Э э-эй, дядьку Грыцьку!
Отамане й батьку!
Не буде пожывку“!

„Зачимъ-же по другихъ заводахъ вси колотятьця“?—„То ихъ охота“! Отаманъ Грыцько заставляе кухаря: „вары й посьлидьню,—будемъ исты; жывъ Богъ,—жыва й душа“!—Варыть кухарь и посьлидьню. „А сидайте-жъ, хлопци, снидать! А подай, кухарь, намъ кграфынъ та выпьемъ по одній! Ивась обизвався: „эй, дядьку отамане! Дайте и по другій“! „А пидбавъ, кухарю, въ кграфынъ ище; бо шось мій Ивась задумавъ“!.. Давъ Грыцько и по другій. „А прошу покорно закусыть, а хочъ позвольте й посьнидать“. Посьнидалы й подякувалы.

Выйшовъ Ивась изъ землянкы. Гукае Ивась: „дядьку, отамане Грыцьку! А йдить сюды. А ходимъ, дядьку отамане, подывытьця на ихъ прыбыль“. Прыйшлы до первого невода: ни ока! Пишлы до другого. „Може пособыть“, каже, „треба“? (Невидъ тягты). „Э-эй, братьця! Мабуть и сами вытягнемъ“!.. Вытяглы й другый—ни ока! „А ходимъ, каже, до третего; хочъ тамъ може пособымо“. Грыцько отаманъ кышкы рве! „Шо це Ивасю, дѣлаетьця“?!—„А шо-жъ, дядьку Грыцьку! А вы хлопоталыся свій невидъ закыдаты! Тилько нытки гноить“?! „Правду казавъ, хлопче Иваня!

Десь мини тебе Богъ давъ,
Шо ты мини правду сказавъ!

А ходимъ, хлопче, та загуляемъ на останьне за твою правду! А шо кухарь! А есть обидъ“?—„Е-е-е“! „Дава-ай“! Становыть кухарь столыкъ. „Подай четвертыну горилкы,—хочъ погуляемъ посьлидньe!

Упосли будемъ отдуватьця! А сидайте, хлопци“! Силы хлопци. „А беры, Ивасю, кграфынъ! А дай, Иваня, по одній“! Давъ Иваня по одній. Бере Грыцько дае по другій. Озываетьця Ивась до отамана: „а позволь, Грыцьку, моему товарышови дать по третій“! Давъ по третій товарышъ Иванивъ. „А прошу покорно обидать“. Подякувалы за обидъ. Доволенъ Грыцько Иванею, що ему Богъ давъ такого хлопця.

Сыдять хлопци забавляютьця; хто въ карты гуляе, хто въ шашкы, хто въ зубову сопилку гра, хто танцюе, хто ’ддыхае—до вечора. Письля вечери зробылась тышына. Ляглы спать. Выходыть Ивась изъ землянкы; подывывсь на зори; нихто ёго й не чувъ!. Ниде ни-що не бовтне!. Входе въ землянку. „Брате товарышу! Чы ты спышъ“? каже. „Ни“. „А що“, каже, брате товарышу“! А той каже: „а що, брате“?

„Якъ-бы“, каже, „отамана росколатать“?
—„Тай шо-жъ“, каже, „таке?
Хиба велыка бида, якъ Грыцькомъ назвать“?

„Дядьку—отамане-Грыцьку! Чы вы спыте“? Каже: „та задримнувъ“. „А вставайте! А будить своихъ забродчыкивъ, бо я не могу ихъ колотыть, бо я й самъ такый якъ и воны, а якъ ты отаманъ, то воны тебе й послухають. Буды ихъ та будемъ и мы свій невидъ готовыть та закыдать“. Грыцько отаманъ якъ закрычыть на хлоп-цивъ: „пиднятьця рыбьята вси“!—„Заразъ“! Усталы. „Ану кашоваръ! Готуй снидать“!

Кашоваръ уставъ,
Заразъ зготувавъ.

„Ану, отамане“! каже Иваня: „прыкажы свичу засвитыть и лянпату олывъяну“. Засвитылы свичу и лянпату зъ олывою. Роспустылы ладону. Помолылысь Богу усердно. „А теперъ прошу, Грыцьку отамане, кашовара заставыть поставыть сьнидать. Посидалы сьнидать, отаманъ стребувавъ горилкы; давъ по одному стакану. А Ивась озываетьця: „батьку отамане! Дай для смилости и по другому, шобъ поснидалы добре“.

Поснидалы,—
Подякувалы.

„А теперъ прошу хлопцивъ скомандувать до невода. Пора уже намъ невидъ завесты“. Хлопци взялысь:

Склалы невидъ на шлюпкы;
Розсыпалы въ море;
Затяглы на шлейкы

Кынулысь тягты,—не потягнуть! Зъ другихъ заводивъ прыйшлы, для радости, пособыть. Набигають шеботынныкы (зъ жыдивъ). Дають трыдцять тысячъ,—ще й не вытяглы на берегъ! Набигають други,—дають сорокъ! Набывають трети! Пятьдесятъ! Отаманъ трепещеться, що радъ узять пьятьдесятъ тысячъ! А Иваня озываетьця:

«Дядьку отамане Грыцьку!
Заглазно тилько кота въ мишку купувать!
А лучче вытягнемъ,—
Шо очи бачять, то те й продавать»!

Вытяглы невидъ на берегъ. Вывернулы рыбы множество множествъ! Закупылы шепатылныкы наглазну рыбу; далы шисьтьдесятъ тысячъ! Отаманъ зъ радости: де диться!? Рукы ломыть! Радъ Ивани! Лобызуе ёго въ лыце! «Будь ты, Иваня, отаманомъ! Я буду тебе слухать»! «Не могу я, дядьку Грыцьку, буть отаманомъ! Я молодый чоловикъ: я васъ не поныжатыму». Набралы рыбы сьтилькы можна! Далы и въ ти заводы, котори пособлялы. Пишлы въ землянку. Сочынылы пыръ! Пьють гуляють! Горилка зъ стола не выбувае! Рыбы въ доволносты для поидку! До трёхъ сутокъ! Трети суткы кончаютьця сему пыру,—оддыхають. Ляглы спать.

Ивась устае въ ночи: выходыть на двиръ, подывывсь на зори: буйна зоря.—Чуе,—вси заводы сто́рнулысь!... Крыкъ!.. Шумъ!... Кынулыся у ловлю. «Зачимъ имъ пайдае, а намъ нема пайды!? Будемъ трудытьця, шобъ и намъ була пайда». Входе Иваня въ землянку. Озываеться къ товарышу своему: «Чы ты, брате, спышь»? Каже: «ни». «Я выйшовъ, подывывсь на зори, нема пайды. Ну други заводы бунтуютьця: закыдають неводы и тягнуть тяглу, а пайды хто ёго зна що буде. Зоря не та, шо пайда буде. Ну, то ихъ дило».

Лигъ Иваня и товарышу велыть спать;
Каже: «завтра будемъ гулять».

На зори Иваня будыть отамана:
Дядьку отамане Грыцьку!
Пора вставать!
Хочъ доли й нема,
Такъ будемъ гулять!
Отаманъ гласъ зачувъ Иванивъ.
Схопывся!
Цилуе, мылуе Ивася!
«А чого ты, Ивася, хочешъ одъ мене»?
Каже: «Дядьку, отамане Грыцьку!
Пора вставаты,
Та пыръ пидіймаіты!
А буды своихъ хлопцивъ
Крывыхъ та слипыхъ молодьцивъ»!
Якъ крыкне Грыцько отаманъ своимъ гласомъ:
«Вставайте, хлопци, рыбасомъ! [1])
Ану кухарь, готовъ страву,
Та подай, кухарь, и кграфынъ!
Та не тилько буде пыть Грыцько одынъ
А ще буде Иваня зъ нымъ»!
Иваня озываетьця:
«А прошу покорно, отамане Грыцьку!
Дай намъ хочъ по одній,
Тай товарышъ», каже, «за мною мій» [2])!
«Чы ты знаешъ», каже, «дядьку Грыцьку,
Шо мы ходылы по всихъ заводахъ,
Та нихто насъ не прынявъ,
Ну, а ты, дядьку Грыцьку,
Шей за ридного батька намъ ставъ!
Теперъ-же, батьку отамане,
Дай погуляты,
Та правды-славы доказаты!»
«Та йзволь, хлопче Ивасю!

---

[1]) Зразу.
[2]) Ото значыть шобъ и товарышу давъ почастувать, шо-бъ и товарышъ почастувавъ.

Десь мини тебе Господь пославъ,
Шо ты мини велыкою радистю ставъ»!

Страва наварена. Пьють гуляють до самого вечора! У вечери спать полигалы.

Озываеться въ ночи Иваня до товарыша: «чы ты, брате, спышъ»? «Ни», каже, «не сплю». «Пиду я, братъ, подывлюсь на зори». «Иды, братъ, подывысь». Выйшовъ Ивась изъ землянкы. Подывывсь на небо. Глядыть,—зоря добра [1]). Входыть у землянку. «А-а-а-й, братъ товарышъ! Якъ-бы намъ отамана роскалатать»?—«Такъ шожъ. Хиба не можна й озватьця до ёго? Озовысь»! «Дядьку Грыцьку»!—«А чого ты, Ивасю»?

«Треба вставать,
Та хлопцивъ калатать!
Бо я, дядьку Грыцьку, не могу;
А якъ ты отаманъ,
То ты можешъ колотать,
А вони могуть уставать».
Грыцько зрадивъ такому порядку!
Якъ крыкне на хлопцивъ.
«А вставайте, хлопци,
Слипи та крыви молодьци»!
«А чого вы, отаманъ»?
Пора, хлопци, за дило братьця,
Бо то нашъ порядокъ,
За чымъ мы служымъ».
Хлопци всталы.
Отаманъ закрычавъ, шобъ сьниданьня готове було.
Иваня запросывъ отамана, шобъ ладану роспустыть
И олывьяну лянпату засьвитыть,—
Богу помолытьця.
Поставывъ кашоваръ закуску.—
Отаманъ командуе выпывку.

---

[1]) Винъ у свого покойного батька вывчывсь пизнавать, колы така зоря, шо можно рыбу піймать, а колы ни.

Выпылы по скраклю (велыка чарка). «Позвольте й по другому». Закусылы. Велыть отаманъ хлопцямъ братьця за дило. Выйшлы. Склалы невидъ на шлюпкы,—розсыпалы въ море. Прыплывлы шлюпкы къ берегу. Узялысь хлопци. Потяглы невидъ. Тягнуть не потягнуть! «Дядьку Грыцьку отамане! звисьтить другымъ заводамъ до помощи». Отаманъ давъ знать. Збиглыся зъ другихъ заводивъ. Идуть на тяглы! Набигають шепатылныкы! Дають имъ шисьтьдесятъ тысячъ!—Шо попадетьця въ неводи,—не глядя! Иваня гласыть отаману: «отамане Грыцьку, батьку нашъ! Не запродай насъ! Кота въ мишку продають не глядя! А лучше вытягнемъ, та шо очи бачять, то те й продамо! Грыцько трепещетьця!.. Радъ узять шисьтьдесятъ тысячъ! А все одоливае на Йваню! Потому шо первый разъ гласывъ добре; черезъ те вповае и на друге. Други шепатынныкы не хотять попустыть цего невода тяглы рыбы, накыдають сто тысячъ не вытягавшы невода! Озываетьця Йваня: «Отамане Грыцьку! Якъ-бы твоя згода! Ты то знаешъ, шо хочъ, те й робы»!—Отаманъ зрадившы тому отвиту, запродавъ рыбу, не вытягавшы невода чы вронъ, чы барышъ,—такъ тому й буть, за сто тысячъ! Получывшы гроши, вытяглы рыбы зъ того невода множество множествъ! Отдалы, шо треба було по договору помишныкамъ на харчи. Шепотылныкы ради булы, шо заплатылы сто тысячъ! Пополучывшы гроши,—«а ходимъ, Ивасю, у землянку!.. Спасыби, Иваню, Богу, шо Винъ мини тебе пославъ! Ану, кухарь, готовъ обидъ»! Кухарь ставыть столыкъ, готовыть обидъ. Зъ радости велыкой, отаманъ требуе видро горилкы! Подалы горилки. Отаманъ просыть забродчыкивъ сидать кругомъ столыка. Сидае и самъ. Садовыть и Ивася коло себе. Садовыть и товарыша коло его. Налыва горилкы; дае по стакану; обчаствувавъ. Позволывъ и Ивасю по такому-жъ стакану; позволывъ и товарышови его почаствувать. «Нумъ теперъ обидать».

Пообидавшы, хто спать,
Хто въ карты гулять,
Хто въ шашкы занимаеться,
Хто въ зубову сопилку грать,
А хто плясать,—
День провелы до вечора.

У вечори повечерявшы, отдыхать лягли. Обоснувшы, выходыть Иваня на двиръ нышкомъ. Подывывсь на зори. Не йде зоря тыхо:

розбійна (взятку нема). Входыть у землянку та до товарыша: «ашо братъ! Спышъ ты»?—Каже: «ни». «Ходывъ я на двиръ. Народъ бунтуеться по прочыхъ заводахъ, ну, взятку не буде. Зоря розбійна йде.

Ну намъ ничого объ тимъ журытьця,
А будемъ Богу молытьця;
Завтришный день будемъ веселытьця».
—«Лигай, брате, спать!
Ничого намъ крушытьця».
Проснувшысь, Иваня:
—«Дядьку Грыцьку»!
—«А чого, Иваня»?
«Э-э-эй пора вставать»!
«Зачимъ дило застало»?
«Будемъ гулять»!
«Оце, серце Йване, й я радъ тому!
А вставайте, хлопци, криви й слипи!
Будемъ веселытьця!
А докы його й журытьця»!
Якъ скомандувавъ отаманъ на хлопцивъ;
Винъ не щытае, шо крыви й слипи,
А дума, шо перви въ свити молодци!
Якъ повставалы хлопци:
«Ану, кашоваръ!
Ставъ столыкъ, готовъ страву».
Якъ зачалы гулять по запорозькій,—
Пьють—гуляють!
А зъ прочыхъ заводивъ
Нашыхъ хлопцивъ на кглузы пидіймають.
«Э-эй, хлопци!
Яке вамъ дыво?!
Шо мы одъ ихъ кормымося
Та ище зъ ихъ и сьміемося»!?
Иваня обзываеться:
«Эй, дядьку Грыцьку!
Пора намъ невидъ лагодыть».
Грыцько:
«Правду, Иваня»!

Бере заразъ глычку Грыцько
И йде латать невода.
Каже Иваня
«Отамане Грыцьку!
Дайте мини глычку».
«Я тоби й десять найду»
«Мини тилькы треба одну».
Узявъ Иванъ глычку.
Шо отаманъ дирку,
То Иваня тры!
Шо отаманъ дьви,
То Иваня шисть!
Беретьця Грыцько за волосься!...
Кынувъ глычку.
—«Будь ты, Иваня, за отамана!
Я тоби передаю свое отаманство
И буду тебе слухать».
Одвичае Иваня:
«Я молодъ чоловикъ
Не возможу.
Не могу я, дядьку, одъ васъ перенять отаманства,
А передаю на шаньку» [1]).
Отаманъ ззклыкавъ свою шаньку:
«Панове товарыство!
Составляю я Иваню отаманомъ!
Чы вы вси согласьни»?
Воны вси крыкнулы:
Яко-же согласно вамъ,
Тако-же и намъ» [2])!
Иваня тоже оправдывсь:
«Я молодъ чоловикъ!
Не могу я бувать отаманомъ,
Я могу бувать послушныкомъ»!
—«А шо будемъ», каже, «робыты
Якъ не хоче Иваня намъ отаманомъ служыты»?!

[1]) Товарыство.
[2]) Яко вамъ согласно, тако й намъ.

Одказавъ.
Каже Иваня:
«А шо, дядьку отамане!
А зложимъ невидъ до купы,
Та пидемъ у землянку,
Та погуляемъ до пыру,—
Нехай буде всимъ заводамъ у дыво»!
Отаманъ Грыцько радъ цёму!
Скрыкнувъ на хлопцивъ:
«Зробыть пыръ,
Покы мій Иваня жывъ»!

Зачалы пыруваты й гуляты до трёхъ сутокъ! Трети суткы кинчають,—поздавалысь и спать полягалы.

Иваня проснувсь, выйшовъ изъ землянкы; подывывсь на зори: занимаеться зоря страшна, ясна (добра). Уходыть у землянку. «А шо ты», каже, «товарышу, брате ридный, спышъ»? Каже «ни».

«Шо будемъ робыть»?
«Ты то знаешъ».
«Треба намъ отамана розбудыть.
Ашо», каже, «дядьку Ґрыцьку, чы ты спышъ»?
«Ни», каже, «не сплю».
«Треба», каже, «хлопцивъ калатать,
Та посьлидьній разъ невидъ справлять».
Отаманъ вставъ,
Хлопцивъ зозвавъ,
Ладану роспустывъ,
Сьвичу засьвитывъ,
Богу помолылысь.

Кашовара заставылы сьниданьня готовыть. Посьнидалы й выпылы. Выйшовъ Иваня на двиръ. «Ану», каже, «дядьку отамане, заставляй хлопцивъ на шлюпкы сидать,—невидъ завесты, закынуть у море». Прыплылы шлюпкамы до берега; взялы невидъ на шлейкы! Кынулысь тягы,—не потягнуть! «Э-эй, дядьку Грыцьку! Треба просыть изъ другихъ заводивъ на помогу»! Набиглы шепатылныкы; глядя на ихъ тяглу, дають пивтораста тысячъ, шо буде въ неводи.— чы вронъ, чы барышъ,—на вдалу. Иваня обзываетьця: «отамане

Грыцьку! Кота въ мишку продають невыдымо! А вытягнемъ, шо очи бачать, то тоди и гроши брать, шо стоить»! Грыцько трепещетьця, шо радъ узять пивтораста тысячъ. Озываетьця Иваня: «николы ты мене, Грыцьку, не слухавъ, якъ я тоби говорывъ, шо шепатынныкы тебе всегда путають.

А послухай мене посьлидьній разъ:
Вытягнемъ ловлю на берегъ;
За шо хочешъ, за те й продасы,
Да не жалко буде,—выды́мо на глазъ»!
Послухавъ Грыцько Ивани посьлидьній разъ.

Вытяглы ловлю на берегъ выды́мо. Сторгувався Грыцько за множество рыбъ дьвисти тысячъ. Получывшы Грыцько гроши зъ велыкою радистью, вывернувшы рыбу,—«шо хоште, купци,—те й робить.—

А гроши получывшы
У карманъ сховавшы,
Хлопцивъ забравшы,
Пишовъ у землянку.

Зробывъ пыръ на четверо сутокъ! Пыть—гулять стилькы возможно!

Кончывшы гуляньня, прыйшлося на рощотъ. Цилуе отаманъ Ивася за ёго порядокъ и за ёго всердыя. Шо ёму Господь славъ двохъ хлопцивъ прынять у свій заводъ и винъ черезъ те получывъ велыке щасьте. «Прошу покорно, хлопци, по кончéній ловли посьлидьніи, для рощоту дила получыть сорокъ тысячъ! А посьлидьни на насъ слипыхъ и хромыхъ. Прошу-жъ васъ хлопьята, мои диты! Не забудьте мене,—й я васъ не забуду; одбудьте лито, въ якій бы роботи не булы, а къ зими прыйдить,—я вамъ не ’дкажу». Попрощалысь зъ отаманомъ, зъ хлопцямы, пишлы.

Одійшлы воны одъ заводу верстъ пьять. Выйшлы на велыкый шляхъ. Дійшлы до мугылы. Силы на мугылу. «Ащо», каже, «брате! Пощытаймось. Заробылы·мы за лито вдвохъ сорокъ рублывъ на косовыци; а за зиму Богъ давъ уже намъ сорокъ тысячъ заробыть на рыболовляхъ. А теперъ-же, брате, якъ буде? Чы пидемъ ще на косовыцю, чы пидемъ до-дому»?—«Про мене брате; вже я тебе слу-

хатыму,—ты старшый, а я меньшый». «Колы такъ, то ходимъ брате, до моря на прыстань. Теперъ весна; косовыци нема; пидемъ до моря, та заробымъ ще чого». Побалакалы й пишлы.

Прыйшлы до моря на прыстань. Прыходыть корабль. А воны по прыстани прохожуютьця. Шкыперъ ихъ и вглядивъ. Зачавъ ихъ пытать: «що вы за молодци? Чимъ занимаетесь»? Объяснылы воны шкыперю: «рыболовы». «Наймитьця до мене нагружать на корабль пшеныцю». Отвичають ёму хлопци: «вы», кажуть, «намы двома не нагрузыте корабля».—«Ну, позвольте; якъ я дывлюсь,—вы добри молодци». «Такъ», каже, «пане. Мы булы колысь таки, що ничого не стоилы,—а теперъ молодцямы трошкы сталы».—«Ну, хлопци, въ мене есть кимъ корабель нагрузыть; станьте мини за матросивъ». «Ащо», каже, «брате, чы станемъ»?—«Про мене», каже, «брате, я вже буду тебе слухать». Шкыперъ каже: «що жъ, хлопци; васъ два; наймитьця до мене правыть; поидемъ у чужу землю».—«Якъ дасте у мисяць по сто карбованцивъ, то поидемъ; а якъ не дасте, то шукайте соби».—«Силькось! Ставайте». Шкыперъ зъ велыкою радистью прынявъ ихъ.

Одчалылы судно. Выихалы въ море.

Зачало море грать;
Зачала велыка хвыля вставать;
Зачала судно перевертать.
Мачта то сымъ, то тымъ краемъ бьетьця объ вводу.
То сымъ, то тымъ краемъ.
Нихто не може парусивъ зьнять.
Шкыперъ до Бога рукы здыймае:
«Хто може зъ матросивъ си паруса зьнять?—
Може Господь спасе судно»?
Ивась, помолывшысь Богу,
Кынувсь по мачти и по драбынахъ.
Вси паруса зънявъ
И всимъ постронкамъ порядокъ давъ.
Море грало,—утышылось,
Судно справылось,—
Пишло въ свій путь.
Ивась прыбрався лучче:
Скочывъ на матку,

Напьявъ паруса, якъ имъ сьлидуе буть,
Справывъ постронкы по своимъ жылыцу,
По своимъ порядку.
Шкыперъ радъ,
Бога молыть за спасеніе душъ
И за сохраненіе судна.
«Не есть се мини Богъ давъ цёго чоловика,
Для спасенія судна»?!
Радъ шкыперъ симъ хлопцямъ
И дае имъ версадло,
Шобъ воны правувалы судномъ.
Воны ёму кланяютьця:
«Мы молоди люды симъ диломъ правувать;
Мы желаемъ послушныкамы бувать».
Шисть мисяцивъ проходылы благополучно у чужу землю,
Издалы пшеныцю,
Загряныцный товаръ у замину получылы,
Якъ було хлиба, такъ и товару повне судно нагрузылы.

Вертаютьця на мисто въ добримъ здоровьи и благополучыи. Шкыперъ радъ тымъ юношамъ, шо ёму Богъ пославъ спасты и судно и людей. Роцытавъ ихъ зъ усимъ удовольствіемъ; имъ плата була у мисяць по тысячи; шкыперъ дае имъ по дьви. Получылы воны за шисьть мисяцивъ двадьцять чотыри тысячи! По дванадьцять на брата. Теперъ у нихъ восимдесятъ чотыри тысячи заробитку и сорокъ рублывъ! Получывшы гроши, усталы зъ судна, пишлы въ городъ. «А шо», каже, «брате»? «А що»? «Заробылы»? —«Заробылы», каже. «Чы пидемъ у косовыцю чы, може, пидемъ до-дому»?—«Э-э», каже, «брате! Мовъ уже годи! Якъ бы про мене, то я-бъ такый, шобъ до-дому иты». «Про мене. Чы до-дому, то й до-дому. А давай напередъ роздилымося, шобъ ты знавъ заробитокъ свій, а я свій, шо въ насъ ривно йшло, шобъ ривно й було». Роздилылысь воны: по сорокъ дви тысячи и двадьцять карбованьцивъ на брата.

Пишлы воны въ городъ. Зайшлы въ лавкы; купылы соби городську одежу: „чумарки, картузы, штаны добри. Покупылы воны соби кони добри й сидла добри.

Выихалы за городъ. Поставылы кони на кватыри въ мужыка, а сами вернулысь у городъ.

„Не пылы мы, говорыть, не гулялы,
Тилько дило сповнялы“.

Не пылы мы, покы й на корабли булы, ни вына, ни горилкы. Ходимъ хочъ погуляемъ тутъ увъ останьци, та тоди й поидемъ зъ Богомъ“. Зайшлы въ погрибъ у городи. „Здрастуй, кабатчыкъ“!—„Здрастуйте, хлопци“. „Е выно?“—„Есть“. „Подай намъ штохъ вына“. „Извольте, рыбьята. Садитьця за столомъ“. Силы за стилъ. Подавъ имъ кварту вына. Выпылы по стакану. Кабатчыкъ пытае: „а шо, хлопци! може вы желаете музыкы?“—„Извольте“. Отъ кабатчыкъ заразъ музыку вызвавъ. Якъ загра музыка! Якъ выпылы хлопци по другому стакану! „Подай, кабатчыкъ, другу кварту вына.“—„А що господа! Може вамъ и дамъ вызвать, шобъ потанцювалы?“ „Тай давайте жъ.“ А кабатчыкъ державъ для прыходу тахву музыкы и красный домъ. Выскакують дамы, пляшуть. Воны выпылы впьять. Зачалы частувать музыкивъ.

Выпыла музыка. Розыгралася дужче.
Дамы росплясалыся лучче.

Товарышъ Иванивъ выскочывъ. Давай танцювать зъ дамамы. Окрутнувся развивъ два й сивъ за стилъ. Одна дама прыступыла, обняла єго. Винъ ій пиднисъ стаканъ вына А дали схватывсь, поплясавъ знову зъ нею. Вона вже лучче прынялась коло єго. Ударыла въ єго любовъ. Рече братъ своему товарышу: „брате! я пиду потишусь“.—„Отдай мени грошн на сховъ“.—„Шо-о?“ Нѣтъ, братъ, не 'ддамъ. Я—я не дурной!“. „Ну тото. Знаешъ брате! У мене булы гроши твои и мои и вси цили булы, а теперъ, братъ, якъ хочъ“. Пишовъ плясать зъ тыею красавыцею и дуженько выпывать зъ нею. Тягне вона єго въ свою комнатку. Кабатчыкъ пытаетьця: „ылы желаешъ исъ цією дамою погулять, такъ отдай деньги мини, какъ есьть у тебя залышьни. Якъ не 'ддасы,—штобъ посьли не жалкувавъ!—бо впосли ськать нидьзя“. „Што ты кабатчыкъ!? какое твое дѣло запрошувать сьтико въ мене есьть? Не твое дѣло!“ Роспалывся! Товарышъ єму й каже: „отдай, братъ, гроши, у мене цили булы, цили й будуть. Хиба теперъ не довирышъ мини“.—„Хиба я, братъ, дуракъ, што я не понимаю ничего?! Я не дуракъ!

Ты не журысь мною,
А журысь собою!“

„Гляды, братъ, шобъ упосьли не каявся". Пишовъ винъ у комнатку зъ нею. У комнатци вирять стребувалы вына; пьють. Товарышъ ёго росплатывся съ кабатчыкомъ, пишовъ зъ погреба до дому на кватырю. Выпылы порядошно. Ростебнула дама й платьтя, геть кгудзыкы до ныжу поростибала. Перыну роскыдала, хватнула ёго пидъ рукы, положыла на перыну. А винъ уже безъ чувства. Разъ те, шо пьянъ, а друге те, шо любовъ не свій братъ. Загасылы й свитло. Заснувъ тьменно. Вона обглядила ёго, выняла всю суму́ и передала черезъ виконце другій подрузи своій, для грабытельного дила сущей.

Пишовъ винъ у ранци на кватырю. Хватнувся—нема грошей. Шукать—никуды! Добуватьця—невозможно. Иде на кватырю заплакавшысь. Прыходыть до товарыша. Плаче. „А що це, брате?"—„А що, брате? не послухавъ мене?!" Той плаче. Той уже й пада,—просе: „зачимъ нудысься?!" „Той плаче, а той розважае, сыдыть надъ нымъ. Дали шо надумавъ:... шо, брате! мы заробляли вмисти,—гуртове й пропало! А я свою половыну передиляю пополамъ, тилько не журысь брате." Сей трохы обрадувавсь. Пишлы до хазяина. Выпылы зъ хозяиномъ; розвеселылысь. „Нехай наши кони ще стоять,—ходимъ, брате, въ городъ ище погуляемъ".—„А-а-а, брате, я не совитувавъ бы."—„А-а! И ты оглядивсь?! Не совитуешъ?! А якъ я тоби говорывъ: було бъ отдать гроши, то бъ цили булы! Ну ходимъ та погуляемо ще!"

На дорози купывъ старшый у щетынныка гаманъ. Йде го́родомъ, и де сьмитныкъ, то не мынае; де сама дрянна бумажка попадеться на сьмитныку, то винъ іи все у гаманъ запыха.

Доходять до того самого кабака. Ввійшлы. И винъ старшый требуе кварту вына. Кабатчыкъ подае. Пытае кабатчыкъ: «може музыку для втѣхи вызвать?»—«Можна». Входять музыкы, грають. Выскакують дамы; пляшуть. Старшый вылазыть изъ за столу: скочывъ мижъ ихъ; обернувсь разивъ два. Та сама учепылась и за ёго. Винъ ій давъ два стакана вына й вона сила позъ ёго. Винъ до товарыша й говорыть: «отъ! ты, братъ, охотывся й мини тоже желателно поохотытьця. Наравытьця мини ся дама». «Охоться!» «Подай, шынкарь штопъ вына. Садись, дѣвушка, погуляемъ». Просыть вона ёго дали въ комнатку. «Постой, душко; рощытаюсь зъ шынкаремъ и зъ братомъ поговорю. На́ тоби», говорыть, «братъ, грошы до сохраненьня. Ты мини не вирывъ, а я тоби вирю». Отдавъ братови вси гроши,

оставывъ соби тилько пьять карбованцивъ-бумажку. Узявъ запхнувъ у гаманъ поверхъ смитьтя тилько до половыны, тай прыщепнувъ верхнею лядою, а другу половыну выдать, шо буцимъ-бы-то багато грошей. Тоди пишовъ зъ нею въ комнатку. Потребувавъ кварту вына: вона закускы поставыла, выпылы. Винъ іи прысылувавъ по другій выпыть. Прыкынувшысь пьяным, зачавъ упьять поштувать іи. Вона ёго прысылуе стаканъ, а винъ іи два, а самъ тилькы пивъ стакана выпье. До того дочастувалыся, шо винъ недвыжымый зробывсь (прыкынувсь такымъ), а вона... порядошно. Роскынула перыны, положыла ёго нечуственного. Загасыла й свитло. Вона середь ночи, почувшы шо винъ хропе, одризала гаманъ, и подала у другу комнатку черезъ виконце. А той харчыть. Прыслухаетьця до неи,—колы й вона вже заснула. Винъ розглядае іи хорошенько, облапуе: пидъ одно плече кынувсь, ажъ у неи на лентахъ черезъ плече чересы высять. Винъ ленту переризавъ, ажъ поглядивъ—зъ золотомъ! Переризавъ и другу, кынувсь до череса—тоже чымало! Поховавъ винъ все те въ карманъ.

Передъ свитомъ хватывсь та й будыть іи: «душенька! душенька! Выпусьтить мене, бо мини по сино хазяину треба ихать рано». Вона схватылась. Выпустыла ёго,—у дверечка выпхнула. Винъ и... маршъ! Пишовъ соби.

Прыбига на квартырю. Будыть брата коло коней пидъ повиткою: «А ну, брате, уставай. Сидлай кони, та нумъ тикать».—«Одъ кого?»—«Одъ того, братъ, шо красный домъ городъ стрясне».—«Якый домъ?»—съ просонку. «Тамъ де мы пылы въ погреби, то то й красный домъ, де ты гроши посіявъ. Рушаймо швыдче». Посидлалы кони и маршъ зъ города до свита. Покы сонце зійшло,—воны вже пьятнадцять верстъ уихалы.

Выихалы до казенного лиса. Звернулы въ лисъ. Попуталы кони. Послалы чумарку. „А ну, братъ", говорыть, „подывымось де твои гроши зосталысь".—„У погреби", каже, „зосталысь". „Знаю. Ты обыженный, братъ, бувъ, а я те потаивъ, та пополамъ свои роздилывъ, шо-бъ ты не журывся, шо до дому идешъ безъ грошей. Оце-жъ, братъ, дывысь: твои гроши пропалы? Я съ тобою своимы подилывсь пополамъ. Пишлы мы въ кабакъ,—я тоби и свою половыну отдавъ; чы ты ихъ сохранувъ?" „Сохранувъ". „Оце-жъ тоби дарую й свою половыну, ту шо я тоби отдавъ у кабаци на сохранъ. Теперъ у тебе гроши на мисьти? Те, шо ты заробывъ исперву, те й теперъ е? Сорокъ дви тысячи и двадцять карбованцивъ". „Такъ". „А це вже моя половына сорокъ дьви ты-

сячи и двадьцять карбованцивъ. А це вже зверхъ цёго отъ иные стикы захватывъ! А поличимо; це вже мій заробитокъ".—„Э-э", каже, „брате, передилимося-жъ и цымы". „Ни", каже, „брате, ты мини не вирывъ, якъ мы пылы у кабаци, прыручыть свою половыну, а якъ загубывъ, такъ я й выськавъ, та тоби-жъ и вернувъ, а ты ще й цей заробитокъ хочешъ пополамъ?" „Такъ не по правди-жъ, брате, робышъ, якъ не хочъ дилытьця й цымы". „Э-э, каже, „брате, ни.... Я по правди роблю: якъ я тоби свои отдавъ, а твои вызволявъ. Цей заробитокъ мій, бо я ёго захватывъ". Э-э, не по правди ты робышъ! Якъ мы вмисьти робылы й зароблялы, то й цей заробитокъ роздилы". „Ни, це вже мій заробитокъ; цей не вмисьти зароблялы; це я самъ...". „Такъ не по правди-жъ ты робышъ". „Ни, я въ правди жыву ще". „Ни, не въ правди". Заспорылыся. Одынъ каже: „въ правди", другый каже: „ни, не въ правди, бо не хочъ дилытьця".

Писля того заспорылы воны якъ лучче жыть: чы въ правди, чы не въ правди. Старшый каже у правди лучче жыть, а меньшій каже, шо не въ правди. „Ну, брате! Якъ ты кажешъ, шо у правди лучче жыть,—давай такъ: будемъ ихать; кого стринемъ и той скаже, шо не въ правди лучче жыть, такъ ты мини й гроши 'ддасы, а якъ скаже, шо въ правди лучче жыть, то я тоби й си оддамъ посьлидьни, що ты мини вызволывъ. Давай?"—„Давай". Посидлалы кони й поихалы. Нечыстый духъ уже пидкаснувся, выслухавшы ихъ раду....

Выихалы воны на шляхъ. Иде валка чумакивъ: у жупанахъ, у сапьяньцяхъ, сывыхъ шапкахъ высоченныхъ, батогамы цьвохають Поривнялыся зъ чумакамы. „Здрастуйте, чумакы!"—„Здорови, хлопци!" „А чого мы васъ хочемъ пытаты?" „Искажете". „Вы", говорыть, „чумакуете, по всихъ слободахъ издете; уси порядки знаете. Искажить намъ: якъ лучче жыть? Чы въ правди, чы не въ правди?" „А-а-ай, чудакы вы, хлопци! Молодци таки, шо мовъ на молодцивъ и походылы, а таке не знать шо говорять!... Якъ насъ спытатьця, то скажемъ, шо въ такый-то городъ идемъ, хуру веземъ, а насправди, то може хто ёго зна куды! То неправдою весь сьвитъ пройдешъ, та назадъ тилько не вернесься, а правдою трудно и пивъ верствы въихать". Мынулы чумакивъ тыхъ. Де й дилысь воны. Меньшый оглянувсь, не выдно чумакивъ. „Ашо", каже, „брате?! А бачъ,—у насъ уговоръ такый, шо якъ-бы въ правди сказалы, то-бъ я тоби отдавъ свои гроши, а якъ не въ правди, то ты мини давай уси". Узявъ той бидный старшый Ивась, отдавъ товарышови вси свои гроши! „Ну",

каже, „силькось! Забравъ гроши,—Богъ зъ тобою,—беры, а таки въ правди лучше жыть, якъ не въ правди". „Ни, не въ правди лучше. Ну давай-же", каже, „ихать та впьять: хто не попавсь первый, та скаже шо въ правди лучше жыть, то я тоби верну назадъ гроши и твои и свои, а якъ не въ правди скаже, такъ ты мини й коня 'ддасы". „Давай". Поихалы.

Иде коляса. У коляси панъ сыдыть. Доизьдять до пана. „Здрастуйте, пане!" „Здорови, хлопци!" „Ну, вы, пане, скризь проижджаете по селамъ и по городамъ, то вы знаете: чы лучше въ правди жыть, чы не въ правди?" „А-ай, молодци! на молодцивъ и походылы, а абы що балакають! Якъ я иду, то скажу вамъ, шо въ такый-то городъ иду, а я може сьвитъ проиду та тилько назадъ не вернусь! А правдою и верствы не въихать!" Мынулы того пана; той тилько бувъ, тай нема. „А давай теперъ и коня мини. Бачъ! Не по правди лучче жыть, сказано". „Нá й коня, а такы въ правди лучше жыть". „Ни, не въ правди! Ну давай упьять ихать: якъ хто скаже у правди лучше жыть,—отдамъ твои гроши и свои, твого коня й свого, а якъ не въ правди лучше, такъ ты мини дасы й очи повыймать".—„Давай". Прыбылы рукы. Идуть.

Идé старець съ торбамы на зустричъ. Доижджають до ёго: „здрастуйте, старче Божый". „Здорови, хлопци". „Ну ты, старче Божый, по свиту ходышъ и вси скуства знаешъ; скажы намъ: чы лучше въ правди жыть, чы въ не правди?" „А-ай, чудакы вы", говорыть, „молодци, мовъ на молодцивъ и походылы, а абы, що говорять. Ну де вы выдалы, шобъ такъ у правди лучше?! Я иду, то кажу, шо въ таке-то мисто, а може пиду й дальше. То брехнею весь свитъ пройдý, та назадъ не вернýсь, а правдою и до села не дойду. Проихалы воны того старця. „Ану", каже, „брате,—давай я тоби очи повыймаю". Уставъ той съ коня, а цей вынявъ ножыкъ и повыдовбувавъ ёму очи. Узявъ ёго коня и поихавъ у свою дéржаву.

А той сирома пишовъ пишечкы шляхомъ; ишовъ покы збывсь зъ дороги. Обернувсь назадъ и дiйшовъ манивцемъ до того самого казенного лису, де дилылысь гришмы зъ товарышемъ, и впавъ у той ривъ, которымъ бувъ окопаный лисъ; а ривъ—косовый сажень вышыни́, а косовый сажень шырыни́. Якъ узявъ винъ у тому рови лазыть!.. Та покы лазывъ, покы зализъ у кутокъ до краю, що дальше й никуды вже. Достававъ винъ вылизты, достававъ,—не вылизе, тай сивъ.. Сыдыть винъ до глупои ночи.

Глупа ничъ наступае,—выбигае изъ лису нечыстый духъ на рижокъ на той, де кинець рову. тай сивъ. Выскакуе другый—тай сивъ. Выскакуе третій—сивъ. Выскакуе четвертый—и той сивъ. Заразъ первый и каже: „Ну, що-жъ хто зробывъ? Яки чудеса“? А ти кажуть: „ни, ты первый кажы́; такъ якъ ты первый прыйшовъ, такъ ты повыненъ и казать“. Той и каже: „Я отъ шо зробывъ: увъ одній слободи заперъ джерела; то воды немае ни въ ставкахъ, ни въ колодязяхъ. Той панъ за пьятнадьцять верстъ воду возыть пыть людямъ, бо напоить нигде; а самъ копа колодязь: хоче до воды докопатьця. Измучывъ людей на ключкы,—шо не здужають и ходыть. И воды нема, и покы сьвиту соньця, не докопаютьця до воды. А якъ-бы той панъ знавъ, шо въ ёго є на схидъ сонця хата-пустка въ слободи, то тилькы-бъ соху зъ тыи хаты выкопавъ на покути; та порубавъ на дрова, та спалывъ іи, то пишла-бъ така вода зъ тыи ямкы, де соха була, шо наповныла-бъ уси става́! И де прокопалы-бъ у ко́лино—и то-бъ була вода. И вси-бъ джерела-бъ открылысь. И до сьвитъ соньця нихто не може забороныть тіи ямкы“! Той выслухавъ, сыдыть соби тыхенько. Другый каже: „я отъ шо зробывъ: одному панови греблю на яру порвавъ. И черезъ ту греблю стовповый шляхъ ишовъ. Той панъ симъ годъ ту греблю гатыть, тай ніякъ не загатыть. И такъ винъ людей своихъ понивечывъ, шо не здужають и коло берега ходыть. Винъ іи шо загатыть, то я визьму тай порву. Ну якъ-бы знавъ той панъ, шо робыть, такъ винъ-бы іи за 'дынъ день загатывъ-бы. У того пана есьть чорный кабанъ и чорна свыня у сажи закынути. То якъ-бы винъ узявъ каминь, та 'бкувавъ ёго скабамы й того кабана прыкувавъ, тай пустывъ насередъ ставу. Та сорокъ визъ терну нарубавъ колючого, та сорокъ визъ мо́чери (деренъ) на ризавъ на мокрово́ди, та навалывъ-бы той теренъ поверхъ свыни, а мочерь поверхъ терну сорокъ визъ—то й до схидъ соньця нихто не порвавъ-бы тыи гребли. Ну, а ты шо зробывъ“?—„А я отъ шо зробывъ: вылупылась у царстви царивна. Красыва й умна така, шо красывишои и умнишои якъ вона не знайты. Я іи зъ ума звивъ. Зробылась вона не помняща; лае батька и матирь скверно и не помныть ничого. Й той царь шука по всимъ царстви ликаря, шобъ вылачыть іи Я іи соблазнывъ. Якъ ишла вона до Тайна Хрыстового прычащатысь, то выбывъ часточку зъ рукъ зъ ложечкы у священныка, котору ій треба прыймать. То та часточка упала на помистъ и запала въ щилыну. Въ тій щилыни сыдила жаба и вхватыла ту ча-

сточку. И сыдыть та жаба й доси пидъ поломъ. Якъ-бы хто вынявъ ту частоточку зъ жабы, той справылы-бъ царивну. Ну, а ты шо зробывъ"?—„Я", каже четвертый, „ничого не зробывъ, бо найпизнишъ прыбигъ. Я тильки знаю, що объ цимъ часу, въ оцю саму мынуту, така зъ неба роса впаде, що якъ-бы слипый помазавъ очи цією росою, то ставъ-бы выдющій ище лучшій якъ бувъ.

Де є крывый,—
То якъ-бы помазавъ,
То ставъ-бы правый,

а де есть раненый, то заросла-бъ рана". Це пивень: ку-ку-ри-ку-у! А воны въ лисъ и побиглы. А ослипле́нный Иванъ тилько по бурьяну, шо въ роси—лапъ-лапъ-лапъ,—та все маже очи. Покы мазавъ, покы й зорю вглядивъ. Посыдивъ съ пивъ-часа, колы бачыть,—сонце сходыть. Вже тоди покопавъ ямкы въ стини въ яру, та за бурьянъ брався,—покы й вылизъ.

Помолывся Богу й пишовъ. Прыслухаетьця, де пивень сьпива,—туды и йде на гласъ.

Якъ узявъ иты! Дійшовъ до слободы. Выпросывъ соби хлибця перекусыть; пытаетьця тыхъ людей: „де тутъ у васъ така слобода, шо вода въ ій заперта"? Воны й направляють ёго: „Есть тутъ; за пьятьдесятъ верстъ; помищыкъ измучывъ людей".

Прыходыть винъ у ту слободу. Копають ти люде. Бьють ихъ. „Здорови, люде добри"!—„Здоровъ, хлопче"!—„Шо вы робыте"? „Хлопчыно... Воды достаемъ; та насъ бьють. И снаги вже не стае, копаючы... А воды нема". „А шо-жъ вы мини дасте, якъ я вамъ воду открыю"?—„И-и, хлопче!.. Батьку нашъ! Шо схочъ, те й дамо"!.. „Пьятсотъ рублывъ дасте,—такъ я вамъ воду открыю, шо въ колино прокопаете, то буде вода". Прыкащыкъ побигъ до пана. Оповистывъ пану.

Панъ прыбигае,—
Тысячу рублывъ выкыдае.

„Дайте мини, пане, чотырёхъ чоловика изъ сокырамы, та заступъ дайте". Панъ зъ радистью дае имъ те все. Прыйшлы до хаты. Выкопалы соху, порубалы, испалылы. Якъ пишла вода съ тыи ямкы!

Ажъ шумыть! Такъ и ставы повни! Той панъ у шаплыкы бере у бочкы; дума, шо не буде вже воды бильшъ. Прыходе Ивась до пана, дае заступъ: „прокопайте въ колино,—буде вода“. Колы,—якъ разъ! Де не прокопають,—такъ и вода! Де не прокопають,—такъ и вода! Заплатывъ панъ тысячу карбованцивъ ёму. „Слава Тоби, Господы! Есть уже на дорогу. Пиду до другого помищыка“. Пытаетьця мужыкивъ цихъ-же: „де той панъ, шо греблю гатыть“? Воны й справылы: „иды; спасы й тыхъ людей, бо й тыхъ мучять“.

Прыйшовъ. Наткнувсь на тыхъ людей. Гатять... „Здорови, каже, „хлопци“! „Здоровъ, хлопче“! „Шо вы, люде добри, робыте“? „Э-эй, хлопче... Бида! Гатымъ, ось, греблю, тай не загатымъ“. „Шо вы мини дасте, якъ я вамъ іи загатю за 'дынъ день“? Ти люде зъ радисьтю. Ёго вкрылы; утовпылы. „Шо хочъ беры; мы-бъ тоби заплатылы, абы загатывъ. Бо мы симъ годъ гатымо, та ніякъ не загатымо“. „Оповисьтить своёму пану, шо я могу загатыть; тилькы нехай дасть те, шо я хочу“. Оповистылы. Панъ бижыть колясою. Пытае ёго: „Якъ ты можешъ загатыть,—шо схочъ, те й дамъ“—„Дасте мини визъ, пару коней и пьятсотъ рубливъ?—такъ загатю за'дынъ день“. Той панъ бере ёго въ домъ; поить и кормыть и просыть: „шо ты сказавъ, те я тоби поповню, тилькы, здилай мылость, загаты“.— „Йе въ тебе, пане, въ сажи свыня й кабанъ чорни“?—„Йе“—„Не пожалій же хочъ свыни, хочъ кабана. И лежыть у тебе коло млына каминь перебытый; ну вже 'дну половыну визьму и вбью свыню до каминя и пустю посередъ ставу на дно. Дай же мини, пане, сорокъ визъ терну, а сорокъ визъ пидвидъ мочерю наризать“. Каже: „йе; беры“. Винъ поихавъ; нарубавъ терну; наризавъ мочери; прывизъ свыню; выпустывъ посередъ ставу. Терномъ прывалывъ, мочерью прыклавъ, шо-бъ не зорнуло́; тоди всякымъ деревомъ прыклавъ поверхъ мочери; поверхъ древа помисть положывъ и кобылыци [1]) поставывъ. Сонце зайшло. Повечерялы зъ паномъ. Панъ и каже: „ужежъ ходимъ до гребли ночувать, бо не буде гребли“.—„Ходимъ, пане“. Повезлы кровать; повезлы й подушкы. Полигалы воны спать.

Лежать не сплять,
А тилькы гуторять.

---

[1]) Перила.

Глу́па ничь. Колы бижыть по помосту, та булькъ у воду. Наткнетьця,—заразъ чорна свыня. Шо визьметьця спыною—теренъ коле. Выскочыть наверхъ на помистъ; „а-а, сей-сей“, каже, „сукинъ сынъ догадався шо робыть ції гребли! Була така лыха лычына, що пидслухала! Теперъ уже ціи гребли и до свитъ соньця нихто не порве. Цей загатывъ добре!...“. „А чуешъ“, каже, „пане?“—„Чую“, говорыть. Забралы кровать; забралы все; поихалы въ домъ; давай пыть-гулять! На другый день дае ёму панъ визъ, пару коней самыхъ луччыхъ, пьятсотъ рублывъ грошей. Сивъ и поихавъ. „Слава Богу! Есть теперъ на походъ. А поиду-жъ ше й до цара!—Шо Богъ дасть!“

Прынжджае у двирець. Встае зъ воза. Иде прожогомъ прямо въ палаты. Часови ёго не пускають: „куды ты, мужыкъ, сунешься?!“ „Мини до царя треба“. „Хто ты такый?“ „Я дохтарь“. Доложылы царю, шо „якыйсь до васъ дохтарь иде, та мы не пустылы“. Царь углядивъ; выскочывъ самъ на кганкы: „Ступай сюды, мужычокъ“. Винъ пидходе. „Хто ты такый?“—„Я, ваше осіятельство, дохтарь“.—„Какый ты дохтарь?“—„Я чувъ, шо въ васъ малоумна дочерь йе“. „Ие“. Царь схватывъ ёго пидъ плечи: веде ёго у палаты. „Шо ты, голубчыкъ, можешь мою дочерь поличыть?“—„Можу, ваше осіятельство“. „Я тоби, братець, за те половыну царства-бъ отдавъ, какъ ты можешъ“.—„Можу“, говорыть. Зъ велыкою радистью составляе царь пыръ; князивъ и санато́ривъ клыче. Сочыняе бумагу и.... объясняе князьямъ и санато́рамъ: „половыну царства даю дохтарю за услугу, якъ шо винъ можеть наставыть мою дочерь, какъ була“. Князи и санатори дають рукы; царь пидпысавъ, шо неодминно оддасть половыну царства, якъ выличыть, а якъ не выличыть, такъ казныть ёго. Винъ заразъ сказавъ: „що-бъ булы мини клищи и нижъ гострый“. И спытавъ царя, якого воны прыхода. Царь указавъ; прызнавъ и священныка, де вона й хрестылась и де воны велыкій пистъ говіють. И тоди винъ звеливъ увесты дочерь,—подывытьця на неи. Увелы іи. Вона лае царя въ батька и въ матирь!... Винъ подывывсь-подывывсь: „Это ничево“, говорыть, „звисьтить священныку: нехай дозволе дзвоныть, а самъ-же нехай иде службу правыть“. Ввійшлы у церкву. Винъ вырвавъ помостыну передъ вратамы: колы сыдыть жаба здоровенна пидъ помостомъ. Винъ хватнувъ ту жабу клищамы, роспоровъ черево, вынявъ часточку и давъ священныкови въ чашу, шо-бъ освятывъ іи у служби; а тымъ часомъ прывелы й царивну. Осьвятылы ій воду на голови;

высповидавъ іи священныкъ; одправывъ службу и прычастывъ іи. Якъ прыняла вона Тайна,—ударыла чотыри поклоны на вси чотыри стороны. И спытала всего мыру, скилько було въ церкви: „хто мене на сьвитъ пустывъ? Я теперъ здорова,—якъ на сьвитъ народылась". Поцилувала батька й матирь у руку, й пишлы у дворець.

Допытуе царивна отця: „хто мене, тату, на сьвитъ пустывъ?" Царь бере за руку дохтаря; а винъ у сирій свыти!.. „Оце, дытыно моя, дохтарь той, шо тебе выличывъ".—„Чымъ же вы ёму, тату, подякуете?"—„Половыну царства ёму отдаю". А вона каже: „не такъ, тату, якъ вы думаете, а буде такъ, якъ сынодъ скаже. Поидьмо въ сынодъ; хай насъ закономъ розсудять: чымъ его 'дблагодарыть?" Царь согласенъ бувъ тому. Поихалы въ сынодъ. Царивна предложыла санаторщыкамъ осудыть закономъ: хто іи на сьвитъ пустывъ? Батько й пытае: „Чымъ же ты, дочко, хочъ одблагодарыть?"—„Я, тату, хочу,—хто мене на свитъ пустывъ,—за того замижъ иты". Царь сынодъ запросывъ: „Якъ вона хоче,—я не могу й вдержать и супыныть". Заразъ Ивася прыбралы у золоту одежу, повелы въ храмъ и перевинчалы. Весильля 'дбулы. Погулялы. „Вы, батюшка, поминылысь дарувать пивъ царства моёму чоловикови; позвольте получыть". Уже батькови никуды спрыснуть; треба дарувать. Получыла вона пивъ царства. Черезъ мисяць така вродлыва стала, шо й по всихъ царствахъ, по всихъ государствахъ не можна найты вродлывишои якъ вона; а шо розуму,—не постыжымо!

Жывуть воны й мисяць, жывуть и другый. Ходе разъ Ивась по двору и заплакнувъ. Вона вглядила черезъ викно; якъ выскочыла, якъ зачала его допытуватьця: „зачимъ ты журысься?" „Та то я такъ", говорыть. „Та чого таки ты мини не прызнаесься?!—Я-жъ твоя жена. За чимъ ты журысься, шо такъ гирко заплакавъ?!" „Шо-жъ", каже, „серденько! Я теперъ доволенъ на все; а бувъ состояныя бидного: зъ мужыкивъ. Тай здумавъ!.. Шо въ мене маты йе жыва; то може хлиба де просыть по-пидъ виконьню".

„Такъ ты-бъ, серденько, мини давно-бъ сказавъ,
Та зо мною-бъ свою матирь одыськавъ".

Узяла повкъ війська; запряглы въ колясу коней, силы и поихалы одыськувать матиръ.

Прыихалы до слободы, до тыи самои, де маты ёго жыве, и сталы на гори,—а слобода въ яру. И вбрала вона ёго въ салдацьку одежу и послала шукать матери. Прыходыть винъ до матерыного двору. Хата вже розвалылась... крохвы попадалы... Винъ прыходыть у хатку и просыть воды напытьця. Старуха встае съ печи, бидна... просыть ёго сидать. „Куды тебе, салдатыку, Богъ несе?“ „По одставци, бабушка, до дому“. „Э-э-эхъ, служы-вень-кый“, говорыть, „оттакъ десь и моя дытына! Чы воно жыве, чы нема?!?... Може де въ салдатахъ, а може де такъ померло“.... „Хиба вашъ, бабушка, сынъ у салдатахъ?“ „Э-э, ни“, говорыть, „оттуть удова есть сусида; така стара якъ и я... Та пишовъ мій сынъ на заробиткы зъ іи сыномъ; такъ винъ прыйшовъ, та грошей заробывъ багато, та багатіе; нема багатшого й у слободи якъ винъ!... А я про свою дытыну, якъ пытала, такъ каже, шо якъ дійшлы на мисто, та тилькы й бачылысь.—Сидай-же, сыночку, хочъ перекусышъ“. Дала вона ему источки.... Винъ попоивъ, попрощавсь и пишовъ.

Прыходе до жинкы: „Ну“, каже, „найщовъ я свою матиръ“. Тоди вбравсь у дорогу одежу, узявъ жену; прыходе до матери. „Здрастуйте, мамо!“ Вона тилько плечыма здвыгнула. „Чы вы мене пизналы, мамо?“ Вона въ плачъ!... И одрикаетьця, шо „не могу я тебе, сыночку, пизнать, чы ты сынъ мій. Якъ ты сынъ мій, такъ ты мене повыненъ пизнаты“. Винъ тоди пославъ салдативъ до волости зозвать старшыну. Прыходе старшына. „Шобъ булы перерызы горилкы. Гроши заплачени будуть“. Склыкавъ усю слободу гулять. Самыхъ багачивъ собравъ у хату, а людямъ на двори обидъ поставывъ. Дывытьця,—уся слобода зійшлась, тилькы нема ёго товарыша. „Зачимъ“, каже, „старшына, уси хазяины йе, а, якъ я замичаю, тилько одного нема? Прызвать мини й того; шобъ була уся слобода передъ очыма“. Прызывае старшына и того-жъ багача. Винъ ёго бере за стилъ и сажае помижъ себе. Бере пляшку й чарку, частуе всихъ, покы й до ёго дійшло. „А пый“, каже, „брате, чарку й ты“. Той трусытьця... пизнавъ... „А пый“, каже, „брате, за правду“. Той побиливъ якъ глына!... Выпывъ. „О теперъ-же, братьця, выпью й я за правду.

Чы ты“, каже, „брате, знаешъ, якъ мы вмисти робылы?
Чы ты, знаешъ, брате, якъ мы въ лито сорокъ рублывъ заробылы?

А ще-жъ, якъ пишлы у заводы, то сорокъ тысячъ заробылы за зиму.
А знаешъ", каже, „брате, якъ мы й по судахъ ше ходылы?
Та ше сорокъ чотыри тысячи заробылы?
Чы ты, брате, знаешъ, якъ ты сказавъ: нумъ иты до-дому?
Та я-жъ, брате, ривно подилывъ грошы: шо мини, шо тоби.
Та ше тоди й кони покупылы.
Чы ты, брате, знаешъ, якъ мы въ погрибъ гулять ходылы,
Та ты сорокъ тысячъ у кабаци прогулявъ?
Чы ты, брате, знаешъ, якъ я твои сорокъ тысячъ на другый день вызволявъ?
Чы ты, брате, знаешъ, якъ мы утикалы,
Та все таки правды шукалы?
А ты, брате, неправдою й сьвитъ пройшовъ,
Тай назадъ вернувсь,
А я, брате, въ правди й верствы не зайшовъ?!..
Та все таки, брате, я казавъ: у правди лучше жыть, якъ у неправди!
Чы ты, брате, знаешъ, якъ ты мини въ неправди й очи повыймавъ?
А я таки правдою тебе, брате, й дома шукавъ!?!...

А бачъ, брате, въ правди лучче жыть, якъ не въ правди! Я тоби, брате, головы зъ плечъ не здійму, жывы соби, Богъ зъ тобою, а тильки......

Мисяцивъ черезъ два громовымъ вогнемъ запалывъ Господь домъ багачивъ, погорило все ёго багатство и винъ пишовъ зъ торбою по-пидъ виконьню. А Йвась жыве зъ своею жинкою и зъ матирью.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ДОКУМЕНТЫ, ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ.

Къ исторіи ссылки Луцкаго епископа Діонисія Жабокрицкаго. Какъ извѣстно, луцкій гродскій писарь и кременецкій подстароста Дмитрій Жабокрицкій, избранный въ 1696 году волынскимъ дворянствомъ и духовенствомъ, какъ ревнитель православія, на Луцкую епископскую каѳедру и вступившій въ управленіе ею подъ именемъ Діонисія, въ 1702 году, вслѣдствіе стеченія разнаго рода обстоятельствъ, былъ вынужденъ принять унію. Эта измѣна вызвала такое сильное противъ него озлобленіе среди православныхъ дворянъ, что онъ вынужденъ былъ на время бѣжать въ Венгрію, и когда рѣшился навѣдаться въ свою епархію, то его враги, главнымъ образомъ, его же родственники, въ 1710 году схватили его и передали въ распоряженіе русскихъ военачальниковъ, находившихся въ то время на Волыни вмѣстѣ съ войсками по случаю войны со шведами. По приказу Петра I, онъ былъ отправленъ въ Москву, а оттуда въ ссылку, гдѣ и умеръ въ 1715 году. Куда именно сосланъ былъ Діонисій, въ большей части историческихъ сочиненій, трактующихъ объ этомъ эпизодѣ, нѣтъ указаній. Въ одной лишь лѣтописи Величка есть упоминаніе, что несчастный владыка былъ сосланъ въ Соловецкій монастырь. Мы имѣемъ документальное доказательство, вполнѣ подтверждающее это лѣтописное свидѣтельство и вмѣстѣ съ тѣмъ отчасти рисующее положеніе Жабокрицкаго въ Соловкахъ, куда онъ попалъ не за какія-либо провинности противъ русскаго правительства, а единственно по интригамъ своихъ личныхъ враговъ, да еще развѣ за то, что былъ друженъ съ гетманомъ Мазепою. Доказательство это—приводимое ниже письмо холмогорскаго (такъ ранѣе назывались архангельскіе архіереи) архі-

епископа Рафаила, сохранившееся въ числѣ многихъ другихъ старинныхъ документовъ XVII—XVIII вв. въ Архивѣ б. холмогорскаго архіерейскаго дома.

При этомъ считаю нужнымъ пояснить, что въ первой половинѣ XVIII в., при Петрѣ I-мъ и его ближайшихъ преемникахъ, въ числѣ архангельскихъ (холмогорскихъ) архіереевъ было нѣсколько человѣкъ уроженцевъ Малороссіи. Какъ уроженцы юга, они по чувству землячества принимали близкое участіе въ судьбѣ своихъ земляковъ-малороссовъ, попадавшихъ въ ссылку на далекій сѣверъ, и, насколько возможно было, облегчали тяжелое ихъ положеніе. Къ числу такихъ лицъ принадлежалъ и упомянутый выше архіерей Рафаилъ, по фамиліи *Краснопольскій*, уроженецъ Каменца-Подольскаго и воспитанникъ Кіево-Могилянской Коллегіи, родившійся въ 1668 году. Вотъ что онъ писалъ архимандриту и старшей братіи Соловецкаго монастыря по поводу отправленія къ нимъ бывшаго луцкаго епископа:

«О Святѣмъ Дусѣ сыну и сослужителю нашему, епархіи нашея Соловецкаго Монастыря архимандриту Өирсу, келарю старцу Иларіону, казначею іеромонаху Дороөею з братіею, наше архіерейское благословеніе буди преподаемое нынѣ и всегда.

Въ нынѣшнемъ ҂ѱаі (711) году, по указу великаго государя, посланъ с Москвы к вамъ, въ Соловецкій Монастырь, преосвященный Діонисій Жабокрицкій, человѣкъ знатный. И егда онъ к вамъ в Соловецкій Монастырь будетъ, да повелитъ ваше преподобіе ему, преосвященному Діонисію, для житья отвесть келью въ удобность и дать к нему в келью искуснаго и грамотнаго старца ради послуженія и прочтенія келейнаго его архіерейскаго правила, котораго самъ за старость свою и за немощь отправити не изможетъ. И будете к нему, полученія ради милости Божіея, милосерды и любительны, якоже и Отецъ нашъ небесный до насъ милосердъ есть: яже бо меньшимъ Христовымъ сотворите, самому Христу сотворите, а милость Божія и Пречистыя Богородицы и преподобныхъ отцев Зосимы и Савватія Соловецкихъ чюдотворцевъ и всѣхъ святыхъ, молитвы и наше архіерейское благословеніе с вами есть і буди нынѣ і всегда.

Писася в походе нашемъ, во градъ Архангельскъ, в дому Всемилостивого Спаса і в нашемъ архіерейскомъ, лѣта Господня 1711, іюля 15 дня» [1]).

---

[1]) По описи стараго Холмогорскаго Соборн. Архива № 919.

Весьма замѣчателенъ тонъ этого ходатайственнаго письма. Безъ сомнѣнія, архіепископу Рафаилу былъ извѣстенъ фактъ перехода Жабокрицкаго въ унію, но онъ зналъ, что не за это его подвергли ссылкѣ, и потому въ письмѣ онъ титулуетъ его «преосвященнымъ» и проситъ оказать ему подобающее уваженіе, какъ человѣку «знатному» и притомъ удрученному годами и несчастьемъ. Весьма вѣроятно, что благодаря этому гуманному посредничеству и протекціи Рафаила, жизнь Жабокрицкаго въ Соловкахъ не была собственно заточеніемъ, и не въ этомъ ли кроется причина, почему въ изслѣдованіяхъ г.г. Ефименка и Колчина о ссыльныхъ, содержавшихся въ Соловецкомъ монастырѣ въ XVIII в., о Жабокрицкомъ не упоминается. Судя по нѣкоторымъ выраженіямъ письма архіерея Рафаила, Жабокрицкій посланъ былъ въ Соловецкій монастырь не въ ссылку въ строгомъ смыслѣ этого слова, а на покой, почему въ монастырскомъ архивѣ въ дѣлахъ о ссыльныхъ и нѣтъ о немъ упоминанія.

Г. К.

Несостоявшійся проектъ учрежденія въ Кременчугѣ дворянскаго пансіона въ 1809 г. Въ февралѣ 1809 г. къ полтавскому губернатору А. Козачковскому, по дѣламъ службы пріѣхавшему въ Кременчугъ, обратился мѣстный предводитель дворянства Лука Павловичъ Руденко съ формальнымъ заявленіемъ о томъ, что, «движимый усердіемъ къ благу общему и вѣдая, что всякая жертва, приносимая въ пользу отечества, есть прямое доказательство истинной любви къ оному», онъ желаетъ учредить при кременчуцкомъ повѣтовомъ училищѣ «институтъ» для содержанія въ немъ 12-ти учениковъ изъ дворянскихъ дѣтей, преимущественно сиротъ, для чего готовъ пожертвовать капиталъ въ 40,000 рублей и сверхъ того выстроить на свой счетъ помѣщеніе для института стоимостью до 10,000 р. Прося губернатора исходатайствовать разрѣшеніе начальства на осуществленіе его патріотическаго намѣренія, Руденко представилъ вмѣстѣ съ этимъ и составленный имъ «Проектъ правилъ Института для благороднаго юношества», состоящій изъ 11-ти параграфовъ. По смыслу этого проекта, новое воспитательное учрежденіе явилось бы не чѣмъ инымъ, какъ пансіономъ, воспитанники котораго ходили бы учиться въ повѣтовое училище. Во главѣ института ставился попечитель, каковымъ до своей смерти долженъ быть самъ учредитель, послѣ него его жена, а за-

тѣмъ уже лице, избранное дворянствомъ кременчуцкаго уѣзда. Попечителю ввѣрялся общій надзоръ за институтомъ, и онъ обязанъ былъ представлять ежегодный отчетъ начальнику губерніи, которому Руденко «поручалъ институтъ въ особенное покровительство». Для ближайшаго завѣдыванія институтомъ назначался надзиратель, съ жалованьемъ въ 250 р. въ годъ, и его помощникъ, съ жалованьемъ 150 р.; оба эти лица избирались попечителемъ и утверждались въ должностяхъ Харьковскимъ университетомъ, которому, на основаніи изданныхъ министерствомъ нар. просвѣщенія въ 1803 г. «Правилъ», поручено было завѣдываніе училищами полт. губерніи. Надзиратель долженъ былъ вѣдать хозяйственную часть въ институтѣ, а его помощникъ—учебную. Оба они должны были жить въ институтѣ, всегда находиться при воспитанникахъ и имѣть съ ними общій столъ. Ежегодное содержаніе института Руденко опредѣлялъ въ 2332 р. 50 коп, каковую сумму онъ обязывался вносить ежегодно, а послѣ его смерти ту же сумму должны были вносить его наслѣдники; въ случаѣ же продажи имѣнія, учредитель или его наслѣдники должны были, въ обезпеченіе института на вѣчныя времена, внести въ приказъ общественнаго призрѣнія наличными 40,000 рублей.

Губернаторъ Козачковскій очень сочувственно отнесся къ намѣренію Руденка и въ своемъ донесеніи малороссійскому генералъ-губернатору князю Лобанову-Ростовскому ходатайствовалъ о награжденіи его «за такой благотворительный подвигъ» орденомъ Анны 2 ст. Самъ Руденко, въ письмѣ къ генералъ-губернатору, просилъ принять благосклонно его пожертвованіе и не оставить его самого «милостивымъ воззрѣніемъ». Князь Лобановъ-Ростовскій охотно исполнилъ его желаніе и, сообщая министру внутреннихъ дѣлъ князю Б. А. Куракину о проектѣ Руденка, съ своей стороны ходатайствовалъ о наградѣ щедрому жертвователю.

Но тутъ произошло нѣчто совсѣмъ неожиданное. Жена Руденка, Анастасія Андреевна, урожденная Магденко, послала на имя князя Куракина длинное прошеніе о томъ, чтобы не было дано хода проекту ея мужа относительно учрежденія въ Кременчугѣ «Института для благороднаго юношества». Она писала, что мужъ ея наслѣдовалъ имѣніе, обремененное долгомъ въ 95,000 рублей; путемъ неусыпныхъ заботъ и стараній ей съ мужемъ удалось пока погасить часть этого долга, именно 65,000 р. «но еще остается погасить немалую сумму, около 30,000 р. «Не сдѣлавшись свободнымъ отъ сей тяготы,—жаловалась

она,—мужъ составилъ «Положеніе» объ институтѣ, мимо меня учиненное, которое разрушаетъ все состояніе его, купно и мое. Институтъ для воспитанія двѣнадцати благородныхъ дѣтей въ Кременчугѣ, заводимый на счетъ обремененнаго долгами имѣнія, и сверхъ того возлагаемая на оное же имѣніе сумма въ сорокъ тысячъ рублей, да на построеніе дому десять тысячъ,—и такъ составляется на то имѣніе долговая сумма семьдесятъ пять тысячъ». Между тѣмъ изъ бывшихъ раньше въ имѣніи 486 душъ крестьянъ сто душъ уже продано, и ей, всю жизнь неусыпно работающей въ видахъ поправленія разстроеннаго состоянія мужа, совсѣмъ не изъ чего будетъ уплачивать такую крупную сумму изъ его имѣнія. Поэтому, не отвергая пользы учрежденія задуманнаго мужемъ института, она просила князя Куракина «возвратить отзывъ о семъ мужа моего и начертаніе правилъ сего института для поправленія сообразно теперешнимъ мыслямъ и тѣмъ удержать до времени установленіе онаго».

Князь Куракинъ такъ и сдѣлалъ. Онъ возвратилъ всю переписку по этому дѣлу князю Лобанову и просилъ разсмотрѣть его вновь, «ибо,—писалъ онъ,—соображенія жены Руденка не могутъ не заслуживать уваженія, и подобныя пожертвованія зависятъ единственно отъ доброй воли и притомъ, чтобы они не были противны законамъ». Кн. Лобановъ запросилъ самого Руденка, что онъ думаетъ объ этомъ дѣлѣ, и тотъ отвѣтилъ: «по встрѣчающимся въ семъ случаѣ противнымъ «Положенію» моему обстоятельствамъ, оставляю намѣреніе мое до удобнѣйшаго и всѣ препятствія удалить могущаго времени». Такъ и не состоялось открытіе кременчуцкаго института, второго интерната въ полтавской губерніи (первымъ былъ «домъ для воспитанія бѣдныхъ дворянъ въ Полтавѣ).

Нужно прибавить къ этому, что Анастасія Андреевна Руденко вовсе не была скупой женщиной и сдѣлала немало добраго для своихъ крестьянъ. Затѣѣ мужа она лишь потому не сочувствовала, что эта затѣя превышала его средства; но въ своемъ родовомъ имѣніи, с. Глобиномъ, перешедшемъ затѣмъ къ Магденкамъ (отъ которыхъ недавно перешло въ другія руки) она построила въ 1837 г. превосходный каменный храмъ, какой трудно встрѣтить въ деревняхъ, и положила капиталъ въ 4786 р. на его ремонтъ. Помимо этого, она оставила капиталъ въ 33,000 р. съ тѣмъ, чтобы проценты съ него шли

на уплату податей за ея крестьянъ [1])—явленіе рѣдкое, если не единственное въ Полтавщинѣ. Погребена она въ Глобиномъ, въ выстроенномъ ею храмѣ. (*Архивъ полт. губ. правленія, по описи № 397*).

Сообщ. **И. Ф. Павловскій.**

Злоупотребленіе при перемѣнѣ ассигнацій въ 1819 г. Высочайшимъ повелѣніемъ, 1-е мая 1819 г. было назначено послѣднимъ днемъ, когда должны быть введены новыя ассигнаціи 100, 50 и 25 р. достоинства. Для Сибири такимъ срокомъ было назначено 1-е августа 1820 г. Какъ бывало и впослѣдствіи, многіе не успѣвали обмѣнять старыхъ ассигнацій, а многіе, живущіе въ захолустьяхъ, и не знали объ этомъ законѣ, чѣмъ и воспользовались евреи: они покупали эти ассигнаціи за безцѣнокъ и отсылали ихъ въ Сибирь, гдѣ получали за нихъ полную стоимость. Это было замѣчено стряпчимъ кременчугскаго уѣзда, который донесъ объ этомъ прокурору полтавскому. «Покупаютъ евреи,—писалъ прокуроръ,—у простолюдинъ тѣ старыя ассигнаціи за самыя низкія цѣны, такъ, что третью токмо долю новыхъ ассигнацій платятъ простолюдинамъ, въ надеждѣ передать къ промѣну въ сибирскія губерніи. Простолюдинъ же теряетъ на старыхъ ассигнаціяхъ значительную сумму, черезъ что, понеся ощутительный убытокъ, могутъ прійти въ несостоятельность къ платежу государственныхъ податей», а потому стряпчій просилъ разрѣшенія о принятіи единовременно въ казну «отъ однихъ токмо простолюдиновъ, для поддержанія участи ихъ, оставшихся у нихъ старыхъ ассигнацій, за первымъ о томъ имъ объявленіемъ». (Архивъ полт. губ. правл. 1820, по описи № 289).

Матеріалы для исторіи Кіевской Духовной Академіи (1798 г.). Между рукописями, хранящимися въ библіотекѣ Кіево-Софійскаго собора, находятся два репорта правленія Кіевской духовной Академіи. Первый изъ нихъ 17 марта 1798 г. поданъ на имя Кіевскаго митрополита Іероѳея Малицкаго, а второй 31 августа

---

[1]) Этой процентной суммой и въ настоящее время пользуются крестьяне с. Глобина.

1800 г. на имя Кіевскаго митрополита Гавріила Банулеско. Рапорты эти, по содержанію своему, имѣютъ большой интересъ для желающихъ познакомиться съ Кіевскою академіею въ самомъ концѣ XVIII и началѣ XIX столѣтія, а потому я долгомъ своимъ считаю напечатать ихъ на страницахъ Кіевской Старины. Помѣщаю пока первый.

Въ немъ сообщаются митрополиту Іероѳею слѣдующія свѣдѣнія о Кіевской Академіи:

I.

„Академическій училищный каменный домъ состоитъ въ нижнемъ городѣ Кіево-Подолѣ при бывшемъ братскомъ монастырѣ, который именнымъ блаженныя памяти Государыни Императрицы Екатерины вторыя 1787 года марта 15 дня состоявшимся указомъ велѣно для Академіи оставить о двухъ этажахъ, при коемъ для Префекта и учителей имѣются каменныя и деревянныя, выгодныя для житія келіи, и каменная библіотека, а для учениковъ, живущихъ на казенномъ содержаніи, немного подалѣ на берегу рѣки Днѣпра, имѣется каменный же о 13 жилыхъ камерахъ особый домъ съ каменною поварнею и пекарнею, изъ которыхъ 13 камеръ двѣ занимаются больницею; и по тѣснотѣ мѣстоположенія, въ силу вышеписаннаго высочайшаго указа, хотя слѣдовало давно выстроить особую больницу, но за неотведеніемъ отъ города особаго на оную мѣста, остается то высочайшее повелѣніе безъ исполненія. Мѣста, занимаемыя какъ Академіею и келіями учительскими, такъ и домомъ для казенныхъ учениковъ, весьма выгодныя; а посему, кромѣ распространенія послѣдняго, въ другое мѣсто переносить Академію надобности никакой нѣтъ.

II.

Къ отправленію нужныхъ службъ ежегодно нанимаются 1) для топленія и чищенія школъ и покоевъ учительскихъ четыре человѣка; 2) для обереженія церкви и всего въ Академіи строенія сторожа два; 3) для присмотру конюшеннаго двора и учительскихъ лошадей два конюха; 4) въ домѣ сиротскомъ, гдѣ ученики жительствуютъ, какъ оный отстоитъ отъ школъ и учительскихъ покоевъ въ особомъ нѣсколько далекомъ мѣстѣ, четыре сторожа, два повара, два хлѣбника и два истопника; 5) для покупки ученикамъ съѣстныхъ припасовъ и содержанія оныхъ комиссаръ; 6) для письменныхъ дѣлъ одинъ при-

казный и два писца. Какже въ студенческомъ сиротскомъ домѣ, по причинѣ множества живущихъ въономъ, бываетъ немалое число больныхъ, для врачеванія которыхъ сыскивался со стороны лекарь съ крайнею неудобностію, для того и нужно навсегда опредѣлить при Академіи лекаря на годовомъ жалованьѣ.

III.

Въ сей Академіи ученіе нынѣ продолжается слѣдующимъ порядкомъ:

Обучаютъ чистописанію, правописанію, катихизису сокращенному и пространному, изъясненіямъ евангелій праздничныхъ, букварю латинскому, правиламъ для учащихся, книгѣ о должностяхъ, всеобщей исторіи и географіи, россійской и латинской грамматикѣ, чистой и смѣшенной математикѣ, ариѳметикѣ, россійской и латинской риторикѣ и поэзіи, философіи на латинскомъ языкѣ, а физикѣ на россійскомъ, богословіи на латинскомъ и россійскомъ языкахъ, языкамъ же греческому, еврейскому, нѣмецкому, польскому и рисовальному искусству.

Часовъ въ седмицѣ: Богословію 12 часовъ, философіи 12, риторикѣ латинской 6, риторикѣ россійской 6, поэзіи латинской 6, поэзіи россійской 6, высшаго класса грамматики 12, средняго класса грамматики 12, нижняго класса грамматики 12, Математикѣ чистой 6, математикѣ смѣшенной 3, географіи и исторіи 6, греческому языку 6, нѣмецкому 6, еврейскому 3, польскому 3, рисованію 3.

Вышеописанныя науки преподаются по нижеслѣдующему.

Въ понедѣльникъ: поутру въ 8 и 9 часу математика чистая; въ 10 и 12 ч. грамматика латинская и россійская, поэзія россійская, риторика латинская, философія и богословія латинская и россійская. Пополудни въ 2 и 3 ч. ариѳметика, а въ 4 и 5 час. исторія и географія.

Во вторникъ: поутру въ 8 и 9 ч. греческій языкъ; въ 10 и 11 грамматика латинская и россійская, риторика россійская, поэзія латинская, философія и богословія латинская и россійская. Пополудни въ 2 ч. смѣшенная математика и рисованіе, въ 3 и 4 час. нѣмецкій языкъ, а въ 5 ч. еврейскій и польскій языки.

Въ среду: поутру въ 8 и 9 ч. чистая математика; въ 10 и 11 часу грамматика, поэзія, риторика и проч. такъ, какъ въ понедѣль-

никъ. Пополудни въ 2 и 3 ч. ариѳметика; въ 4 и 5 час. исторія и географія.

Въ четвертокъ: поутру въ 8 и 9 часу греческій языкъ; въ 10 и 11 часу грамматика, поэзія, риторика и проч., какъ вторникъ. Пополудни въ 2 ч. смѣшенная математика и рисованіе; въ 3 и 4 нѣмецкій языкъ; въ 5 польскій и еврейскій языкъ.

Въ пятокъ: поутру въ 8 и 9 часу чистая математика; въ 10 и 11 грамматика, поэзія, риторика и проч., какъ въ понедѣльникъ и среду.

Въ субботу: Поутру въ 8 и 9 часу греческій языкъ; въ 10 и 11 грамматика, поэзія, риторика и проч., какъ во вторникъ и четвертокъ. Пополудни въ 2 часу смѣшенная математика и рисованіе; въ 3 и 4 нѣмецкій языкъ, въ 5 польскій и еврейскій языкъ.

Въ классахъ же обучаютъ: въ нижнемъ грамматическомъ классѣ 1) Сокращенному катихизису; 2) чистописанію; 3) правописанію; 4) правиламъ для учащихся; 5) россійской грамматикѣ; 6) букварю латинскому или первообразнымъ латинскимъ словамъ; 7) латинской грамматикѣ I и II части.

Въ среднемъ грамматическомъ классѣ: 1) Сокращенному катихизису; 2) правописанію; 3) грамматикѣ россійской; 4) священной исторіи; 5) школьнымъ разговорамъ; 6) латинской грамматикѣ I, II и III части.

Въ высшемъ грамматическомъ классѣ: 1) пространному катихизису; 2) школьнымъ разговорамъ; 3) Гибнеровой исторіи на латинскомъ языкѣ; 4) латинской грамматикѣ всей съ примѣчаніями; 5) правописанію и 6) россійской грамматикѣ.

Въ поэзіи: 1) пространному катихизису; 2) книгѣ о должностяхъ человѣка и гражданина; 3) поэзіи латинской и россійской; 4) чтенію и переводу авторовъ латинскихъ и россійскихъ.

Въ риторикѣ: 1) риторикѣ россійской и латинской; 2) изъясненіямъ евангелій; 3) чтенію и переводу россійскихъ и латинскихъ авторовъ.

Въ философіи: 1) изъясненіямъ евангелій, что и подъ дни воскресные имѣетъ быть продолжаемо; 2) философіи латинской Бавмейстеровой; 3) физикѣ на россійскомъ языкѣ.

Въ богословіи: 1) Богословіе на латинскомъ языкѣ; 2) богословіе на россійскомъ языкѣ преосвященнаго Платона.

Котораго порядка ученія въ разсужденіи, что ученики довольные всегда оказываютъ успѣхи—перемѣнить не слѣдуетъ, кромѣ что для смѣшанной математики вмѣсто 3 часовъ въ недѣлю положить 6, которому и обучать во время ариѳметическаго класса, яко въ оный студенты философіи и богословія, обучающіеся сей науки, въ ариѳметическій классъ не ходятъ.

IV.

Изъ наукъ, сверхъ показанныхъ въ указѣ св. синода въ 2, 3, 4 и 5 пунктахъ, прибавлено рисовальное искусство. Остается къ тому прибавить опытную физику и возстановить французскій языкъ, ежели на то св. синода благоволеніе будетъ.

V.

Кто именно изъ Академіи учители, чему и гдѣ обучались и чему нынѣ обучаютъ и сколько получаютъ жалованья ниже сего явствуетъ.

Іеромонахъ Ириней. Обучался въ Кіевской Академіи, начавъ съ 1772 г. отъ нижнихъ классовъ на латинскомъ языкѣ грамматикѣ и поэзіи, а съ 1775 года продолжалъ ученіе въ чужихъ краяхъ, гдѣ находясь чрезъ 8 лѣтъ обучался впервые въ Венгерскомъ городѣ Токаѣ, потомъ въ Презбургѣ отъ нижнихъ классовъ до риторики, также исторіи, географіи, ариѳметикѣ, нѣмецкому и венгерскому языкамъ, потомъ въ городѣ Пестѣ—философіи, экономіи, исторіи, алгебрѣ, геометріи, механикѣ, архитектурѣ, гражданской и экспериментальной физикѣ; а возвратяся въ Россію 1783 года обучался богословію и греческому языку. Обучаетъ богословіе на латинскомъ и россійскомъ языкахъ и смѣшенной математикѣ. За богословіе 280 рублей, а за смѣшенную математику 50 рублей. Итого 330 руб. Жалованье за смѣшенную математику митрополитъ Іероѳей увеличилъ ему на 20 руб.

Академіи префектъ іеромонахъ Иннокентій. Обучался въ Кіевской Академіи съ 1775 г. отъ низшихъ классовъ на латинскомъ языкѣ грамматикѣ, поэзіи, риторикѣ, философіи и богословіи и притомъ греческому и нѣмецкому языкамъ, также ариѳметикѣ, исторіи и географіи. Обучаетъ на латинскомъ языкѣ философіи и на россійскомъ теоретической физикѣ. 250 рублей. Митрополитъ Іероѳей увеличилъ эту сумму на 50 рублей.

Іеромонахъ Іакинѳъ. Обучался въ Кіевской Академіи съ 1779 года отъ нижнихъ классовъ на латинскомъ языкѣ грамматикѣ, поэзіи, риторикѣ, философіи и богословіи, притомъ французскому и греческому языкамъ, исторіи, географіи, ариѳметикѣ, геометріи, тригонометріи, механикѣ, архитектурѣ гражданской и оптикѣ. Обучаетъ латинской риторикѣ и содержитъ библіотеку. За риторику 120 рублей, а за содержаніе библіотеки 50 рублей. Итого 170 руб. Митрополитъ Іероѳей увеличилъ это жалованье на 30 рублей.

Іерей Михаилъ. Обучался въ кіевской академіи, начавъ съ 1782 года отъ нижнихъ классовъ на латинскомъ языкѣ грамматикѣ, поэзіи, риторикѣ, философіи и Богословіи, также ариѳметикѣ, исторіи, географіи, геометріи, алгебрѣ, французскому, нѣмецкому и греческому языкамъ. Обучаетъ латинской поэзіи. 120 рублей. Сумму эту митрополитъ увеличилъ на 10 рублей.

Никита Соколовскій. Обучался въ Кіевской Академіи, начавъ съ 1782 года отъ нижнихъ классовъ на латинскомъ языкѣ грамматикѣ, поэзіи, риторикѣ, философіи и Богословіи, и притомъ французскому языку, также ариѳметикѣ, исторіи и географіи; съ 1792 года, по избранію академіи и резолюціи покойнаго преосвященнаго митрополита Кіевскаго Самуила, отправленъ былъ въ Московскій императорскій университетъ для надлежащаго приготовленія къ учительской должности, гдѣ, принятъ будучи студентомъ, обучался греческому и нѣмецкому языкамъ, россійскому и латинскому краснорѣчію съ критикою, опытной физикѣ, энциклопедіи, всеобщей исторіи, римскому и россійскому законоискусству. Обучаетъ поэзіи и риторикѣ россійской, такожъ исторіи и географіи. Изъ бѣльцевъ. За риторику 120 р., за поэзію 120 р., за исторію и географію 100 р. Итого 340 р. За преподаваніе риторики митрополитъ добавилъ ему 10 рублей.

Осипъ Козачковскій. Обучался въ Кіевской Академіи, начавъ съ 1784 года отъ нижнихъ классовъ, на латинскомъ языкѣ грамматикѣ, поэзіи, риторикѣ, философіи и богословіи и притомъ французскому и греческому языкамъ, ариѳметикѣ, исторіи и географіи. Обучаетъ высшему классу грамматикѣ. Изъ бѣльцевъ. 150 рублей; къ этой суммѣ митрополитъ добавилъ ему 20 рублей.

Григорій Шехновскій. Обучался въ Кіевской Академіи, начавъ съ 1776 г. отъ низшихъ классовъ, на латинскомъ языкѣ грамматикѣ, поэзіи, риторикѣ, философіи и богословіи, притомъ нѣмецкому, греческому и еврейскому языкамъ, ариѳметикѣ, исторіи и географіи.

Обучаетъ среднему классу грамматикѣ и нижнему нѣмецкаго языка. Изъ бѣльцевъ. За средній грамматическій классъ 120 р за нижній нѣмецкій 100 р. Итого 220.

Димитрій Иванишевъ. Обучался въ Кіевской Академіи, начавъ съ 1784 г. отъ нижнихъ классовъ, на латинскомъ языкѣ грамматикѣ, поэзіи, риторикѣ, философіи и богословіи, притомъ ариѳметикѣ, исторіи, географіи, греческому и еврейскому языкамъ. Обучаетъ нижнему классу грамматикѣ и еврейскому языку. Изъ бѣльцевъ. За грамматическій классъ 100 рублей, за еврейскій языкъ 70 р. Ему добавлено за еврейскій языкъ 30 р.

Степанъ Семяновскій. Обучался въ Кіевской Академіи, начавъ съ 1786 года отъ нижнихъ классовъ, на латинскомъ языкѣ грамматикѣ, поэзіи, риторикѣ, философіи и богословіи, между тѣмъ исторіи, ариѳметикѣ, географіи, чистой и смѣшенной математикѣ, греческому и польскому языкамъ. Обучаетъ греческому языку. Изъ бѣльцевъ. 120 рублей. Къ этой суммѣ митрополитъ ему добавилъ 10 р.

Іерей Савва Стрѣлецкій. Обучался въ Винницкой Академіи, начавъ съ 1778 года отъ нижнихъ классовъ, на латинскомъ языкѣ грамматикѣ, поэзіи, риторикѣ и философіи, между тѣмъ польскому языку и ариѳметикѣ; съ 1791 г. въ Радомысльской семинаріи чрезъ годъ обучался богословіи. Обучаетъ польскому языку. 50 рублей; къ этой суммѣ митрополитъ добавилъ ему съ 1 января 1798 года еще 50 рублей.

Тимоѳей Максимовскій. Обучался съ 1788 года въ Кіевской Академіи отъ нижнихъ классовъ на латинскомъ языкѣ грамматикѣ, поэзіи, риторикѣ, философіи и богословіи, притомъ нѣмецкому языку, рисовальному искусству, чистой и смѣшенной математикѣ, исторіи и географіи. Обучаетъ рисованію и чистой математикѣ. Изъ бѣльцевъ. За рисованіе 60 рублей, за чистую математику 100 р. Митрополитъ за рисованіе добавилъ ему 10 рублей.

Самуилъ Храппановъ. Обучался съ 1790 г. въ Прешовской гимназіи отъ нижнихъ классовъ на латинскомъ языкѣ грамматикѣ, поэзіи, риторикѣ и философіи, притомъ всеобщей исторіи и географіи, также чистой и смѣшенной математикѣ всѣмъ частямъ; съ 1793 г. въ Пресбургѣ обучался богословіи, между тѣмъ при природномъ венгерскомъ языкѣ обучался также славянскому, латинскому, нѣмецкому и французскому языкамъ. Обучаетъ высшему классу нѣмецкаго языка.

Изъ бѣльцевъ. 50 рублей. Къ этой суммѣ митрополитъ добавилъ ему съ 1 января 1798 г. еще 50 рублей.

Игнатъ Гловацкій. Обучался съ 1786 года въ Овручской семинаріи отъ низшихъ классовъ на латинскомъ и польскомъ языкахъ по риторикѣ, а съ 1793 года въ Московской семинаріи продолжалъ по философіи, гдѣ обучался ариѳметикѣ, алгебрѣ, чистой и смѣшенной математикѣ, исторіи и географіи, нѣмецкому языку, экспериментальной физикѣ, а съ 1795 года прибылъ въ Кіевскую Академію, гдѣ продолжалъ философію и богословію. Обучаетъ ариѳметикѣ. Изъ бѣльцевъ. Вмѣсто 50 рублей митрополитъ назначилъ ему 100 рублей.

VI.

Имѣемымъ быть присылаемымъ студентамъ для образованія изъ прикосновенныхъ къ Академіи семинарій на пищу положить можно въ мѣсяцъ каждому по 3 рубля.

VII.

Чтожъ касается до жалованья учителямъ, то не благоугодно ли будетъ вашему высокопреосвященству сдѣлать имъ прибавку изъ той суммы, которая отпускаема была на Переяславскую семинарію.

Академіи ректоръ, кіево-михайловскій архимандритъ Ѳеофилактъ. Кіево-выдубицкій игуменъ и Академіи вице-ректоръ Аѳанасій. Академіи префектъ іеромонахъ Иннокентій.

1798 года, марта 17 дня.

Протоіерей Петръ Орловскій.

Къ вопросу объ улучшеніи путей сообщенія въ Кіевѣ въ концѣ XVIII в. и объ участіи въ этомъ дѣлѣ духовенства. Извѣстно, что въ Кіевѣ, благодаря его гористому мѣстоположенію, трудно было пролагать удобныя дороги. Между тѣмъ городъ постепенно разростался, и потребность въ хорошихъ путяхъ сообщенія ощущалась все сильнѣе. Къ концу XVIII в. мѣстная гражданская власть прилагала много усилій къ благополучному разрѣшенію труднаго дорожнаго вопроса.

Ниже мы помѣщаемъ письмо кіевскаго губернатора Семена Ширкова къ митроп. Самуилу Миславскому съ проектомъ устройства

моста надъ „большимъ провальемъ“ на дорогѣ, ведущей изъ „кіевопечерскаго форштата“ „къ государеву дворцу“ и съ просьбою побудить къ участію въ этомъ дѣлѣ мѣстное духовенство. М. Самуилъ сочувственно принялъ проектъ Ширкова и сдѣлалъ соотвѣтствующія распоряженія духовенству.

Письмо къ митр. Самуилу Ширкова: „Высокопреосвященнѣйшій господинъ архіепископъ кіевскій и галицкій митрополитъ, святѣйшаго правительствующаго синода членъ, милостивый государь архипастырь! С числа состоящихъ в городѣ Кіевѣ дорогъ, находящаяся въ кіевопечерскомъ форштатѣ близъ большого провалья къ государеву дворцу дорога, по распоряженію починивается подданними Кіево-Софійскаго катедральнаго монастыря [1]), куда каждый годъ весьма большое количество выстатчаемо бываетъ фашинику, соломы, жердей, песку и прочаго; а подданные и скотъ претерпѣваютъ раза по тры в лѣто большія обтяженія и лишаются всегда в такое время, когда нужно имъ по хозяйству работать, прибылей своихъ; но всѣ тѣ труды и немалой коштъ употребляются вотще. Найлучшее жъ средство избирая, ко избѣжанію всего того, устроить на семъ мѣстѣ мость, который, какъ с прилагаемой при семъ отъ меня о матеріалахъ и работникахъ смѣты, ваше высокопреосвященство благоусмотрѣть соизволите, весьма в малую цѣну обойтится можетъ и простоитъ уже нѣсколько лѣтъ. В такомъ мѣроположеніи вашего высокопреосвященства покорнѣйше прошу дать кому надлѣжитъ ваше повелѣніе, дабы по той смѣтѣ со стороны Кіево-Софійскаго катедральнаго монастыря подданные на построеніе означенной, доведшейся по расположенію на сей монастырь дороги, матеріалы заготовили въ нынѣшнее и текущей зимы время и чтобъ по вскрытіи весны заразъ на оной дорогѣ устроенъ былъ порядочный мостъ; а дабы также въ построеніи мостовъ и въ Кіевоподолѣ не упорствовали священно и церковно-служители противу своихъ домовъ, усугубляю мою вашему высокопреосвященству прозьбу о подтвержденіи имъ отъ строгой власти вашей. Бывъ въ ожиданіи на

---

[1]) Въ 1633 г. м. Петръ Могила отобралъ Кіево-Софійскій соборъ отъ уніатовъ и учредилъ при немъ каѳедральный монастырь. До 1786 г., когда, при м. Самуилѣ Миславскомъ, были введены такъ называемые монастырскіе штаты, которыми былъ упраздненъ каѳедральный софійскій монастырь, этотъ монастырь владѣлъ большими имѣніями, землями и угодьями.

сіе отвѣта, имѣю честь съ глубочайшимъ моимъ почитаніемъ и таковоюжъ преданностію называтся: Вашего высокопреосвященства, милостиваго государя архипастыря покорнѣйшій слуга Семенъ Ширковъ" [1]).

Октября 31-го 1784 года.

Отвѣтъ митр. Самуила Ширкову. „Превосходительнѣйшій господинъ, милостивый государь мой! Въ слѣдствіе требованія вашего превосходительства, октября 31 числа ко мнѣ послѣдовавшаго, относительно къ построенію моста въ кіево-печерскомъ форштатѣ, на дорогѣ близъ большаго провалья къ государеву дворцу состоящей, имѣю честь увѣдомить, что дано отъ меня, кому слѣдовало, предписаніе о самоскорѣйшемъ заготовленіи матеріаловъ къ тому нужныхъ по приложенной отъ вашего превосходительства смѣтѣ; но какъ построеніе онаго моста для однихъ каѳедральнаго Софійскаго монастыря подданныхъ весьма отяготительно, и почти съ невозможностью соединено, того ради покорнѣйше прошу ваше превосходительство сдѣлать для оныхъ по благоразсмотрѣнію своему таковое облегченіе, чтобъ кому слѣдуетъ, въ семъ столь нужномъ и скоромъ дѣлѣ могли соразмѣрное участіе принять. Касательно же до подтвержденія священно и церковно-служителямъ живущимъ на Подолѣ не премину въ скорости особо изъясниться.

Въ прочемъ съ моимъ истиннымъ почтеніемъ, усерднѣйшею преданностью и молитвами пребуду и есмь вашего превосходительства, милостиваго государя моего" [2]).

Сообщ. **В. Д—скій.**

Велыкодни писни [3]).

(Хороводъ и одна дѣвушка въ срединѣ круга).

1. Охъ, охъ, шо-жъ бо я почынила,
Кострубонька не злюбыла?
Вернысь, вернысь кострубоньку,

---

[1]) Арх. Кіев. Дух. Конс. 1784 г. № 126.
[2]) Копія письма. См. ibid.
[3]) Записаны въ с. Мизяковскіе хутора, винницк. у., подольск. губ.

Стану зъ тобою до шлюбу(оньку?),
А въ недилю та пораненьку
На билому камьяненьку,

(средняя въ кругу)

— Помагай Бигъ
— Дай Боже здоровья!
— Не бачылы мого кострубонька?
— Бачылы -- пойихавъ на ярмарку.
— Шо купуваты?
— Чоботы.
— Кому, мини?
— Ни, мини!
Охъ, охъ, и т. д.
. . . .
. . . .
Тай сталы до шлюбу.

---

2. Дунай танчыкъ выводыть
И на дивчатъ поглядае,
Шо вси дивкы въ танчку йе,
Тильки нема йидпои
Якъ повнои рожи.
Маты дочку чесала
Чесучи научала:
Пидешъ доню у танчыкъ
То не ставай край Дунаю,
Бо Дунай за ручeньку хватае.
Золотый перстень здiймае,
За нелюба пытае.

---

3. Пиду я до любара
Дивкы любыты,
Тестя шукаты.
Гей, гей! я молодець
Тыхый переборець.

---

4. Горобеечку спадку, спадку
А чы бувъ ты въ нашому садку, садку?
Ой бувъ, бувъ!
Що-жъ ты чувъ?
Ой такъ, такъ
Сіють макъ
И морковку
Й постырнакъ.

—

5. Гойиркы, жовтякы
Сватайтеся парубкы.
Якъ ты будешъ свататыся,
Будуть люде сміятыся

—

Гойиркы, жовтякы и т. д.
Якъ ты будешъ женытыся,
Будуть люде дывытыся

—

Гойиркы, жовтякы и т. д.

О крашанкахъ и писанкахъ [1]). 1) Колы прыйшлы цари къ Хрысту зъ дарамы смырномъ и ладаномъ, Марія Магдалына, якъ була дуже бидна и не мала чого прынесты, то взяла два яйця—йидно окрасыла, а друге попысала и прынесла въ даръ Хрыстови.

2) Жыды та всяки недовиркы, якъ Хрыстосъ шовъ на страданія, скушалы его: наберуть въ пелену каменцивъ тай пытають ёго, що воны ховають въ пелени; а Хрыстосъ имъ и каже: „крашане та пысане". Воны видкрывають пелену, щобъ посміятыся надъ нымъ, а тамъ крашанкы та пысанкы. Такъ и пишовъ видтогди звычай пысаты та красыты яйця.

3) Шлы тры жыдивки на ярмарокъ продаваты яйця, а йидна изъ ныхъ поставыла кошыкъ зъ яйцямы на землю и сама заснула коло него; просынается—а тамъ пысанкы та крашанкы.

---

[1]) Записано въ с. Мизяковскіе хутора, винницкаго у., подольск губ

4) Якъ симъ литъ въ йидній скатерци носыты сеячене и не мыты іи, то вона мае велыку сылу, бо зъ нею можно бачыты, якъ цвите папоротныкъ и знаты, де закопани клады. Розсказують, що йиденъ чоловикъ изъ Дашкивець (литынск. у.) взявъ скатерку, що симъ литъ святывъ въ іи паску, свяченый нижъ, тарилку и евангеліе и пишовъ пидъ зелени свята въ лисъ дывытыся, якъ буде цвисты папороть. Поклавъ винъ скатерку, тарилку, на тарилку евангеліе, коло тарилки нижъ и чытае евангеліе. Якъ пидыйшло до пивночи, зирвалася буря, ажъ до земли ламае дерева, крычыть, свыстыть, а той чоловикъ ажъ похолодивъ; а лякатыся не треба було, бо якъ злякався, то вже не побачывъ, якъ воно цвило. Хутко и буря перестала.

5) Кто умреть на „Велыкдень", то идетъ въ рай, такъ какъ царскія врата открыты всю недѣлю.

6) *Писанки пишутъ* послѣ крестопоклонной недѣли, т. е. когда на церковь вынесутъ крестъ. На 40 святыхъ нужно выписать 40 „клынцивъ", а на вербной недѣлѣ и Благовѣщеніе съ писанками ничего нельзя дѣлать. Чтобы писанки долго сохранялись, ихъ варятъ въ чистый четвергъ, и при расписываньи ихъ нельзя ложить въ „пазуху". Желтокъ освященнаго яйца сушатъ, дѣлаютъ изъ него порошокъ и засыпаютъ имъ глаза, если случается бѣльмо.

Сообщ. **А. Грепачевскій.**

На юбилейный даръ Н. В. Лисенку. Въ дополненіе къ раньше присланнымъ въ нашу редакцію 6928 р. 18 к. (см. № 3), вновь поступило: 1) И. И. Лось—1 р.; 2) А. М. Д—чъ—3 р.; 3) видъ украинцивъ зъ Вильны—25 р.: 4) К. Щ. и С. Щ.—10 р.; 5) А. Т. Дучинская—25 р.; 6) свящ. Крамаренка—3 р.;—всего вмѣстѣ съ прежними 6995 р. 18 к., изъ которыхъ 1021 р. 40 к. предназначены на изданіе сочиненій Н. В. Лисенка, 286 р.—въ билегѣ дворянскаго съ выигрышами займа, а 5687 р. 78 к.—на пріобрѣтеніе дачи. Сверхъ того, имѣется на музыкальную школу имени Н. В. Лисенка 214 р. 49 к.

Текущія извѣстія.

Концертъ въ честь Н. В Лисенка въ г. Винницѣ. По иниціативѣ нѣкоторыхъ членовъ кружка лекторовъ народныхъ чтеній, состоящаго при винницкомъ комитетѣ трезвости, 13 марта въ народномъ домѣ былъ устроенъ юбилейный концертъ въ ознаменованіе 35-тилѣтней дѣятельности Н. В. Лисенка, какъ народнаго украинскаго композитора. На сценѣ красовался большой фотографическій портретъ юбиляра (безвозмездная работа С. Д. Левицкаго), украшенный рушниками и окруженный растеніями и цвѣтами. Колонны, между которыми помѣщался портретъ, были увиты красною и синею матеріями. Надъ портретомъ живописно былъ помѣщенъ снопъ жита съ полевыми цвѣтами, краснымъ макомъ и цвѣтущимъ „соняшникомъ". Вечеръ начался исполненіемъ кантаты въ честь Лисенка (муз. Стеценка), затѣмъ слѣдовало чтеніе біографіи Н. В. (помѣщенной въ II кн. „Журнала для всѣхъ" 1903 г.), а далѣе началась собственно концертная часть. На піанино были исполнены: Увертюра изъ „Риздвяной Ночи" и „Помалу-малу, братику, грай" (исп. Е. Г. Гаазъ), соединеннымъ хоромъ казеннаго склада и соборнымъ подъ управленіемъ С Ф. Телѣжинскаго были исполнены, кромѣ кантаты, еще „Козазаченьку куды йдешъ". „Гей послухайте, гей повидайте", „Ой у поли тры крыныченькы" и „Коломійка". Дуэты: „Колы розлучаются двое" исп. С. И. Савченко и З. С. Рыбчинская, „Зацвила въ долыни червона калына" и „И шырокую долыну" исполнили Е. Н. Федоровичъ и Р. Р. Зарыбко, З С. Рыбчинская исполнила „Безъ тебе Олесю", „Ой ходыла, дивчына бережкомъ" „Лугомъ иду коня веду" и „Ой джыгуне"; С. И. Савченко исполнила „Чы ты мылый пыломъ прыпавъ", Е. Г. Гаазъ—„Ой не свиты мисяченьку" и „Ой зійды ясенъ мисяцю"; Д И. Кротковъ—„Огни горять" и „Гетьманы". Хоръ былъ въ національныхъ украинскихъ костюмахъ.

Благодаря невозможному сообщенію народнаго дома съ городомъ, зала народнаго дома была полна лишь на $^3/_4$. Цѣны мѣстамъ были „общедоступныя": отъ 1 р. 50 к. 1-го ряда до 10 коп. послѣдніе ряды. Было много учащейся молодежи. Если судить по горячему пріему исполнителей, концертъ былъ очень удаченъ. То ли обстоятельство, что здѣшней публикѣ, несмотря на ея любовь къ малорус-

скому пѣнію и музыкѣ, рѣдко приходится слышать хорошіе образцы украинской музыки и пѣнія, особенно въ болѣе или менѣе серіозномъ исполненіи, то ли, что чествовался человѣкъ, всю жизнь посвятившій разработкѣ этой самой музыки, показавшій, что народъ, способный создать такіе образцы музыки (теперь признаваемой всѣмъ міромъ), достоинъ по меньшей мѣрѣ нашего вниманія, что онъ долженъ быть намъ близокъ,—думаю, что все это вмѣстѣ создало въ средѣ исполнителей и въ публикѣ какое то особое, повышенное и радостное настроеніе. Всѣ были какъ то особенно оживлены и многіе говорили, что этотъ вечеръ особенно пріятенъ тѣмъ, что въ немъ чувствуется что то „семейное".

Вечеръ въ честь Н. В. Лисенка и И. П. Котляревскаго въ Кременчугѣ. 24 февр. музык.-драмат. кружокъ въ Кременчугѣ устроилъ литерат.-вокальный вечеръ, посвятивъ его двумъ украинскимъ пѣвцамъ—Котляревскому и Лисенку. На вечерѣ, между прочимъ, прочитаны были доклады—А. Н. Малинки: „Историко-литературное значеніе произведеній Котляревскаго", М. И. Павловскаго: „О личности и музыкальной дѣятельности Лисенка" и г. Животовскаго „Характеръ и особенности музыки Лисенка".

Украинскій концертъ въ Петербургѣ. Концертъ, устроенный 18-го февраля въ честь 35-лѣтней дѣятельности Н. В. Лисенка при участіи знатоковъ украинской музыки, директора консерваторіи С. Н. Габеля, С. В. Зарембы, С. М. Блюменфельда, артистовъ, части хора и оркестра императорской Маріинской оперы и любителей пѣнія, разбудилъ симпатіи живущихъ въ С.-Петербургѣ малороссовъ къ родной музыкѣ. Послѣ этого концерта подъ управленіемъ С. В. Зарембы организовался постоянный малороссійскій хоръ человѣкъ въ 50—60, составившійся изъ отдѣльныхъ любительскихъ кружковъ учащейся въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ молодежи обоего пола. И прежде эти хоры любителей выступали въ концертахъ и такъ называемыхъ малорусскихъ вечерахъ съ посредственнымъ выполненіемъ разученныхъ нумеровъ. Теперь они объединились подъ дирижерскою палочкою опытнаго художника-музыканта, и исполненіе хоромъ піесъ на концертѣ 18-го марта получило характеръ, отвѣчающій болѣе строгимъ требованіямъ. Выполненіе „Жалибного марша" Лисенка, коло-

мыйки и др. хоровыхъ нумеровъ отличалось, кромѣ правильности и чистоты, еще и воодушевленіемъ и надлежащею экспрессіею. Концертъ 18-го марта показалъ сверхъ того, что въ средѣ учащихся въ консерваторіи, выступавшихъ съ разрѣшенія учебнаго начальства въ концертахъ и ранѣе, появилось болѣе серьезное отношеніе къ разучиваемымъ ими произведеніямъ малорусской музыки. Кромѣ восторженнаго пріема, съ какимъ публика на концертѣ 18 го марта отнеслась къ артисту императорскихъ театровъ И. С. Григоровичу, исполнившему „Реве та стогне Днипръ широкый“, она также привѣтствовала долгими рукоплесканіями г-жъ Л. Н. Экскузовичъ и Е. Ѳ. Петренко, которыя выполняли solo и дуэтъ „Колы розлучаются двое“. Можно привѣтствовать эту эволюцію въ украинскомъ музыкальномъ дѣлѣ въ нашей столицѣ.

Бандуристъ Т. Пархоменко въ Кременчугѣ. Въ срединѣ января въ Кременчугъ былъ приглашенъ извѣстный бандуристъ Т. Пархоменко. Онъ пѣлъ передъ довольно многочисленной публикой въ воен. собраніи, реальномъ училищѣ и въ залѣ музык.-драмат. кружка. Пѣніе и игра бандуриста произвели сильное впечатлѣніе на слушателей. Особенно понравилась всѣмъ его дума про Морозенка и псальма „Ангели душу пробуджувають“. Собравшейся послушать Пархоменка публикѣ предварительно было сдѣлано сообщеніе о малорусскихъ кобзаряхъ и лирникахъ.

Благодаря поѣздкамъ по разнымъ городамъ, матеріальное положеніе Пархоменка въ послѣднее время стало улучшаться: онъ, напр., прикупилъ себѣ недавно десятинъ 6 земли (впрочемъ, деньги за землю далеко еще не всѣ выплачены).

Письмо члена полтав. городск. управы Гр. Маркевича. Въ „Полтав. Вѣстн.“ (№ 372) напечатано слѣдующее письмо Г. И. Маркевича, представляющее интересъ въ томъ отношеніи, что оно отчасти касается нашего кіевскаго празднованія юбилея Н. В. Лисенка.

„Въ № 369 „Полт. Вѣстника“, въ отчетѣ о думскомъ засѣданіи, бывшемъ 9 сего марта, сообщено, между прочимъ, что я въ заключеніе своего доклада о юбилеѣ Лисенка выразилъ пожеланіе *„лучшаго будущаго дня многомилліоннаго малорусскаго народа“*. Крайняя неясность и неопредѣленность приведенныхъ выраженій, приписыва-

емыхъ мнѣ хроникеромъ „Полт. В.“, представляетъ широкое поле для разнаго рода предположеній и произвольныхъ толкованій, могущихъ совершенно извратить смыслъ моего доклада. Въ виду того, покорнѣйше прошу напечатать вторую часть моего доклада, о которомъ идетъ рѣчь, въ той редакціи, въ какой онъ изложенъ въ думскомъ журналѣ, прочитанномъ и утвержденномъ думою въ засѣданіи 16 сего марта.

„Не буду, г.г., отвлекать ваше вниманіе отъ текущихъ дѣлъ передачей подробностей этого замѣчательнаго торжества (т. е. юбилея Лисенка),--хотя нѣкоторыя подробности, по близкой, родственной связи полтавскаго и кіевскаго праздниковъ, были бы, можетъ быть, интересны для полтавцевъ,—но позволю себѣ указать на одну особенность его, заключающуюся въ томъ, что на немъ свободно читались адресы и произносились привѣтствія какъ на русскомъ, такъ и на малорусскомъ языкахъ, и притомъ читались не только депутатами, прибывшими изъ Галиціи, Буковины и др. мѣстъ изъ-за границы, но представителями, прибывшими изъ разныхъ городовъ Россіи. Упоминаю я объ этомъ потому, что вопросъ этотъ такъ волновалъ наше общество въ дни торжества открытія памятника И. П. Котляревскому, что онъ подробно обсуждался въ думскихъ засѣданіяхъ и что дума единодушно выразила свой взглядъ на этотъ вопросъ подачей жалобы въ правительствующій сенатъ. Кіевъ въ этомъ отношеніи былъ счастливѣе Полтавы, и мы можемъ только искренно порадоваться этому и поздравить его съ успѣхомъ. Дай Богъ, чтобы этотъ успѣхъ былъ *добрымъ предзнаменованіемъ лучшаго будущаго въ употребленіи малорусскаго языка какъ въ печати, такъ и въ общественныхъ собраніяхъ*“.

Городской голова въ концѣ доклада Маркевича отмѣтилъ, что кіевское торжество происходило въ частныхъ собраніяхъ и носило иной характеръ, чѣмъ въ Полтавѣ, гдѣ привѣтствія подносились городу въ торжественномъ засѣданіи городской думы— учрежденія оффиціальнаго.

Засѣданіе полтавской архивной коммиссіи. Состоявшееся въ воскресенье, 21-го марта, въ помѣщеніи общественной библіотеки засѣданіе ученой архивной коммиссіи привлекло, сравнительно съ предыдущими засѣданіями, много публики обоего пола. Въ засѣданіи

этомъ было выслушано въ высшей степени интересное сообщеніе Л. В. Падалки: „О древнихъ городахъ и городищахъ въ раіонѣ полтавской губерніи“. Докладчикъ, углубляясь въ даль нашей сѣдой старины, проводилъ параллель между городами и городищами нашей древней Полтавщины, отмѣчая годы основанія послѣднихъ, различныя предположенія о сохранившихся донынѣ нѣкоторыхъ памятникахъ древности и т. д. Докладъ выслушанъ былъ съ большимъ вниманіемъ. Докладчикомъ было также внесено предложеніе о присоединеніи архивной коммиссіи, какъ единственнаго мѣстнаго ученаго учрежденія, къ празднованію 1000-лѣтія г. Переяслава, которое должно исполниться, повидимому, въ этомъ году. Дѣло въ томъ, что мнѣнія современныхъ ученыхъ и историковъ расходятся въ томъ, въ какомъ именно году исполнится 1000-лѣтіе Переяслава—въ настоящемъ-ли, или въ 1907 г. Но, по мнѣнію докладчика, вопросъ этотъ будетъ навѣрное, въ ближайшемъ будущемъ, разрѣшенъ, и архивной коммиссіи, говоритъ Л. В. Падалка, не мѣшаетъ принять дѣятельное участіе въ разрѣшеніи этого важнаго вопроса. Собраніе постановило предложеніе это поставить для обсужденія на слѣдующее засѣданіе.

Къ открытію школы имени И. П. Котляревскаго. Общество изданія общеполезныхъ и дешевыхъ книгъ обратилось къ полтавскому городскому управленію съ запросомъ относительно того, дѣйствительно-ли открывается въ Полтавѣ школа имени Котляревскаго и на какихъ основаніяхъ. Думская училищная комиссія рѣшила отвѣтить названному обществу, какъ мы узнали отъ одного изъ членовъ комиссіи, что школа будетъ открыта осенью, т. е. съ начала будущаго учебнаго года, на общихъ основаніяхъ, и что предположено ее устроить возлѣ домика, гдѣ жилъ покойный писатель, въ мѣстѣ, называемомъ «Ивановымъ Гаемъ».

Слова В. В. Лесевича о языкѣ въ школѣ. Въ январск. и февральск. книжкахъ «Рус. Мысли» напечатана статья В. В. Лесевича о небезызвѣстномъ малороссійскомъ писателѣ Е. П. Гребенкѣ. Отрицая за нимъ, и совершенно справедливо, сколько-нибудь самобытное дарованіе беллетриста («Р. М.» янв.), г. Лесевичъ въ послѣдней книжкѣ отдаетъ должное Гребенкѣ—народному украинскому поэту. Стоитъ, въ самомъ дѣлѣ, только раскрыть книжку его стиховъ, чтобы сразу оцѣ-

нить ихъ истинно-народный характеръ и уловить проникающую стихотворенія гармонію содержанія и формы. Извѣстная, прелестная, полная горькихъ сѣтованій на судьбу пѣсня дѣвушки, насильно выдаваемой родителями замужъ

«Ни, мамо, неможно, нелюба любыть!
Несчасная доля изъ нелюбомъ жыть.
Охъ, тяжко, охъ важко зъ нымъ ричъ розмовляты!
Хай лучче я буду ввесь викъ дивоваты!»

—принадлежитъ Гребенкѣ. По одному этому четверостишію можно составить правильное представленіе о томъ, какъ близокъ былъ Гребенка народу, который онъ воспѣвалъ въ своихъ пѣсняхъ и поучалъ въ своихъ «басняхъ». Благодаря этой своей близости къ нему, онъ и теоретически вопросъ о народномъ языкѣ представлялъ себѣ въ простой и ясной, на опытѣ основанной постановкѣ... И это когда еще было! Г. Лесевичъ даже горячо возмущается по этому случаю:

Оглядитесь кругомъ: теперь, черезъ полвѣка слишкомъ, вы увидите, что простая мысль эта все еще остается недоступной великороссійскимъ націоналистамъ, всякимъ «патріотамъ своего отечества» и мѣстнымъ ихъ подголоскамъ. Всѣ эти добровольцы благочинія никакъ не возьмутъ въ толкъ, что народъ, черезъ мѣру обремененный физическимъ трудомъ, совершенно лишенъ возможности переучиться родному языку и начать говорить на языкѣ, навязанномъ извнѣ, и что для проведенія образованія въ среду народа нѣтъ и не можетъ быть другого орудія, какъ-выработанный вѣками свой, родной, народный языкъ...

Теперь,—продолжаетъ авторъ,—когда грамотность стала для народа серьезной потребностью, сознаніе ненормальности современнаго положенія, ставящаго украинцевъ въ положеніе какихъ-то паріевъ, не можетъ не расти и не крѣпнуть. Фактовъ нельзя вѣдь ни эскамотировать, ни выфилозофить. А хотите знать факты, обратитесь къ своду ихъ, сдѣланному г. Рклицкимъ въ «Русск. Вѣд.». Общій выводъ ихъ противорѣчитъ, конечно, мнѣнію усердствующихъ, потрафляющихъ, кивающихъ, подмигивающихъ, и, наконецъ, разсуждая, подобно Селифану: «забирающихся въ отдаленныя отвлеченности». На самомъ дѣлѣ оказывается, что населеніе на Украинѣ плохо понимаетъ и усваиваетъ книгу, написанную на русскомъ языкѣ. Мнѣнія, высказанныя по этому вопросу интеллигенціей и народомъ, всюду сходятся. «Люди нашей захолустности мало понимаютъ слова русскаго языка,—пишетъ одинъ

казакъ,—приходится почти что каждое слово переводить на свой языкъ». Одинъ священникъ говоритъ: «Мало допущено книгъ въ библіотеку, а родной языкъ, по независящимъ обстоятельствамъ, не имѣетъ возможности отражать въ литературѣ свой народъ». Представитель этого народа какъ-бы поясняетъ мысль священника и говоритъ: «Если-бы и вздумалъ кто взять книгу, то все равно кончилось-бы ничѣмъ».

Итакъ, честь инициативы вѣрной постановки этого принципіальнаго вопроса составляетъ неотъемлемое достояніе Гребенки-поэта, который является въ этомъ отношеніи предшественникомъ Шевченка. Самый принципъ можно формулировать такъ: языкъ для народа, а не народъ для языка...

Къ вопросу о памятникѣ Т. Г. Шевченку.—26 февраля исполнилось сорокъ три года со дня смерти геніальнаго украинца Т. Г. Шевченка, а общество остается въ долгу предъ лучшимъ изъ своихъ сыновъ. «Кіевская Газета» напоминаетъ, что пора этотъ долгъ уплатить.

Пора уже подумать о томъ, чтобы хотя послѣ смерти воздать должное великому поэту. Пора сдѣлать его произведенія широко извѣстными тому самому «найменьшому брату»—крестьянину, котораго такъ любилъ и тяжелой участью котораго такъ болѣлъ Шевченко. Пора заняться подготовленіемъ новаго, болѣе полнаго и критически провѣреннаго изданія его сочиненій. Пора приступить къ собранію и составленію вновь историко-критическихъ изслѣдованій о его произведеніяхъ. Пора, наконецъ, поставить великому пѣвцу Украйны и лучшему ея сыну въ Кіевѣ, какъ центрѣ этой Украйны, достойный его славнаго имени памятникъ... Долго ли еще только одинъ черный, унылый крестъ на могилѣ близъ Канева, на протяженіи всей обширной, родной поэту Украйны, будетъ напоминать о Шевченкѣ?..

Въ „Бюллетеняхъ Лохвицкой Уѣздной Земской Управы“ (№ 17) напечатано слѣдующее сообщеніе А. Ѳ. Русинова о ходѣ дѣла изданія юбилейнаго сборника Лохвицкаго земства (см. объ этомъ сборникѣ въ „Кіев. Стар.“, 1903 г. № 10).

Уѣздное Земское Собраніе, одобривъ докладъ мой объ изданіи историческаго сборника въ память столѣтія лохвицкаго уѣзда, пору-

чило мнѣ, какъ иниціатору сборника, взять на себя руководство его осуществленіемъ. Принявъ это порученіе Собранія, я просилъ гласнаго А. К. Влахопулова взяться за ближайшее сотрудничество мнѣ въ отвѣтственномъ дѣлѣ изданія сборника. Ему принадлежитъ, по соглашенію со мною, составленіе детальной программы отдѣловъ сборника, и его содѣйствію сборникъ обязанъ столь скорымъ и успѣшнымъ осуществленіемъ своего перваго отдѣла.

Изданіе, по совѣту профессора В. Б. Антоновича, будетъ названо: „Очерки по исторіи лохвицкаго уѣзда (юбилейный сборникъ)". Онъ распадается на четыре отдѣла: I-й—періодъ до-уѣздный, II-й—періодъ отъ учрежденія уѣзда до введенія земскаго положенія, III-й—періодъ земскій и IV-й—біографіи и воспоминанія. Въ этомъ послѣднемъ отдѣлѣ статьи будутъ какъ на великорусскомъ, такъ и на малорусскомъ языкахъ.

Разсчитывая выпустить первый отдѣлъ къ осени текущаго года, я считаю долгомъ поставить г.г. гласныхъ въ извѣстность о подробностяхъ этого перваго выпуска.

Въ виду того значенія, какое имѣютъ мѣстныя изслѣдованія для изученія жизни края, въ составленіи очерковъ для перваго отдѣла сборника благосклонно изъявили согласіе участвовать слѣдующія лица, извѣстныя въ научной литературѣ:

Профессоръ В. Б. Антоновичъ не отказалъ намъ въ небольшой статьѣ о значеніи мѣстныхъ историческихъ изслѣдованій. Ему первому стало извѣстно о нашемъ земскомъ предпріятіи и его указаніями мы пользовались относительно всего сборника, а въ особенности о первомъ и второмъ отдѣлахъ его.

Приватъ-доцентъ В. Г. Ляскоронскій взялъ на себя составить очеркъ по древнему періоду исторіи Полтавщины: геологія, географія и археологія края; древніе обитатели и утвержденіе славянъ; княжество; общественное устройство и бытъ Полтавщины въ удѣльно-вѣчевой періодъ.

Н. П. Василенко—очеркъ по исторіи лѣвобережной Украины въ гетманскій періодъ и въ періодъ Руины. Очеркъ не будетъ представлять сокращенной исторіи Малороссіи, послѣдовательно изложенной, а,—сообразно спеціальности автора,—коснется, на самомъ общемъ фонѣ исторической картины Украины, условій юридическаго и земельнаго быта населенія въ связи съ возникновеніемъ и развитіемъ сословій на лѣвобережьи. Очеркъ этотъ имѣетъ цѣлью изобразить тѣ

стороны народной жизни нашего края, которыя въ написанныхъ до сего времени исторіяхъ Малороссіи заслонены пересказомъ событій внѣшней исторіи.

Профессоръ В. Н. Перетцъ—очеркъ по исторіи южно-русскаго нарѣчія; его фонетика и значеніе для литературной русской рѣчи.

В. Л. Модзалевскій—очеркъ по исторіи старшины Лубенскаго полка, въ составъ котораго входили сотенныя мѣстечки: Лохвица, Чернухи и Сѣнча; біографическій очеркъ сотниковъ и вообще казацкой старшины этихъ сотень. Всему очерку будетъ предпослано описаніе значенія военнаго, административнаго и бытового разныхъ должностныхъ лицъ стараго козацкаго уряда.

Блестящій составъ участниковъ въ первомъ отдѣлѣ сборника не оставляетъ ни малѣйшаго сомнѣнія въ томъ, что отдѣлъ этотъ будетъ превосходно выполненъ. Я ставлю себѣ пріятнымъ долгомъ выразить почтеннымъ составителямъ очерковъ для сборника мою глубокую признательность за ихъ отзывчивость къ нашему земскому предпріятію. Приношу глубокую благодарность также и О. П. Косачъ (Олена Пчилка), А. Я. Ефименко, академику П. И. Житецкому, профессору Д. И. Багалѣю, И. М. Стешенку и О. И. Левицкому, сочувствіе, совѣты и содѣйствіе которыхъ неоцѣненны для дѣла осуществленія нашего земскаго сборника.

Харьковская общественная библіотека. Харьковская общественная библіотека съ полнымъ основаніемъ служитъ предметомъ гордости мѣстныхъ жителей. Она занимаетъ въ ряду подобныхъ учрежденій одно изъ первыхъ мѣстъ по количеству томовъ (98612 т. къ 1 окт. 1903 г.), располагая въ то-же время прекраснымъ собственнымъ помѣщеніемъ, чѣмъ не можетъ похвалиться большинство русскихъ библіотекъ. Собирая на своихъ полкахъ книги по всѣмъ отраслямъ знанія, искусствъ и литературы, библіотека, конечно, должна считаться съ мѣстными интересами и условіями. Сомнѣнія нѣтъ, что въ такомъ крупномъ центрѣ, какъ Харьковъ, библіотека должна располагать возможно болѣе полнымъ собраніемъ книгъ, изданныхъ въ Харьковѣ или его губерніи, а также относящихся къ мѣстному краю. Въ этомъ отношеніи Харьковская общественная библіотека обставлена прекрасно: стараніями предсѣдателя Правленія библіотеки проф. Д. И. Багалѣя въ библіотекѣ имѣется весьма полный мѣстный отдѣлъ, располагающій

даже очень рѣдкими изданіями. Пользованіе этимъ отдѣломъ облегчается тѣмъ обстоятельствомъ, что библіотека издала систематическіе каталоги своихъ книгъ. Но въ Харьковѣ существуетъ всегда запросъ и на книги, относящіяся вообще къ Малороссіи или написанныя на малорусскомъ языкѣ. Правда, книги этого рода въ Харьковской общественной библіотекѣ не выдѣлены въ особый отдѣлъ въ родѣ мѣстнаго, но тѣмъ не менѣе Правленіе библіотеки постоянно пополняетъ эту категорію книгъ, руководствуясь при покупкѣ новыхъ книгъ какъ заявленіями читателей, такъ и указаніями своихъ членовъ. Этотъ отдѣлъ библіотеки тоже принадлежитъ къ числу довольно богатыхъ, хотя недостатокъ средствъ и не позволяетъ довести его до исчерпывающей полноты. Во всякомъ случаѣ онъ не находится въ загонѣ, и въ одномъ изъ послѣднихъ засѣданій Правленіе постановило пополнить его различными произведеніями извѣстныхъ малорусскихъ писателей и изслѣдователей Малороссіи, такъ какъ въ этомъ отношеніи въ библіотекѣ оказался рядъ пробѣловъ.

Этнографическій Музей Харьковскаго Историко-Филологическаго Общества. Во время XII археологическаго съѣзда въ г. Харьковѣ въ числѣ другихъ выставокъ была организована этнографическая выставка, въ устройствѣ которой принимали дѣятельное участіе профессора Харьковскаго университета, члены Ист.-Фил. Общества и др. лица. Выставка эта привлекала вниманіе не только большой публики, для которой она являлась болѣе понятной и интересной, чѣмъ какая-либо другая выставка, но она вызывала вполнѣ заслуженное одобреніе со стороны разсматривавшихъ ее этнографовъ-спеціалистовъ. Правда, коллекція Полтавскаго Губернскаго Земства была уже извѣстна многимъ изъ посѣтителей выставки, но это не уменьшало интереса, который она вызывала у всѣхъ посѣтителей. За то совершенной новинкой и для публики и для спеціалистовъ оказалась коллекція предметовъ и снимковъ, собранная Харьковскимъ Предварительнымъ Комитетомъ по устройству XII археол. съѣзда, такъ какъ она была составлена именно ad hoc. Вотъ эта-то коллекція и послужила основой этнографической выставки. Вмѣстѣ съ тѣмъ всѣ предметы, собранные членами Предв. Комитета для этнографической выставки, должны были перейти по окончаніи съѣзда въ собственность Ист.-Фил. Общества и составить при немъ этнографическій музей. Дѣло въ томъ, что на

устройство этнографической выставки даны были средства различными общественными учрежденіями, при чемъ имѣлось въ виду образовать въ Харьковѣ южно-русскій этнографическій музей. Дѣйствительно, Ист.-Фил. Общество явилось теперь собственникомъ обширной этнографической коллекціи, и на немъ лежало связанное съ этимъ обязательство—открыть этнографическій музей. Общество оказалось въ трагическомъ положеніи: оно располагало очень и очень скромнымъ помѣщеніемъ, значительную часть котораго занималъ Историческій архивъ Слободской Украины, а остальное пространство пришлось отвести подъ библіотеку Общества и столы для служащихъ въ Архивѣ. Такимъ образомъ оно имѣло въ своихъ рукахъ обширныя этнографическія коллекціи, постоянно получало все новые и новые предметы, какъ отъ своихъ членовъ, такъ и отъ постороннихъ лицъ, а размѣстить ихъ такъ, чтобы они были доступны для ученыхъ занятій и обозрѣнія публики, не представлялось возможности. Въ помѣщеніи Общества все было уже занято другимъ его имуществомъ, а другого мѣста для устройства этнографическаго музея въ университетѣ нельзя найти, такъ какъ и безъ того всѣ университетскія учрежденія нуждаются въ расширеніи. Въ концѣ концовъ пришлось упаковать все въ ящики и сложить въ отведенномъ университетомъ мѣстѣ въ ожиданіи того времени, когда Общество будетъ располагать соотвѣтственнымъ помѣщеніемъ для своихъ этнографическихъ коллекцій. Такова первоначальная судьба Этнографическаго Музея Харьк. Ист.-Фил. Общества. Перейдемъ теперь къ дальнѣйшей его исторіи и современному состоянію.

Ист.-Фил. Общество помѣщается въ томъ зданіи, въ которомъ находится и кабинетъ для практическихъ занятій студентовъ Историко-филологическаго факультета. Зданіе это построено давно и мало по малу пришло въ ветхость, не говоря о томъ, что оно представлялось небезопаснымъ въ пожарномъ отношеніи. Вслѣдствіе этого Историко-филологическій факультетъ рѣшилъ перестроить это зданіе, при чемъ былъ принятъ во вниманіе и Этнографическій Музей Ист.-Фил. Общества. Въ настоящее время перестройка совершенно закончена. Зданіе имѣетъ теперь 3 этажа: въ первомъ этажѣ будетъ помѣщаться Историческій архивъ, второй занятъ Кабинетомъ практическихъ занятій и кабинетомъ завѣдующаго Архивомъ, а третій отведенъ для Этногр. Музея. Такимъ образомъ Этн. Музей наконецъ дождался своего помѣщенія. Правда, оно считается временнымъ, потому что ожидается постройка новаго зданія для музеевъ, какъ сообщалось уже въ

февральской книжкѣ «Кіевской Старины». Но тѣмъ не менѣе Истор.-Фил. Общество рѣшило привести въ порядокъ свои этнографическія коллекціи и временно размѣстить ихъ въ имѣющемся помѣщеніи, дабы сдѣлать ихъ доступными для ученыхъ занятій и обозрѣнія публики. Теперь уже приступлено къ устройству Этн. Музея, при чемъ всѣ работы производятся подъ непосредственнымъ руководствомъ предсѣдателя Общества проф. Н. Ѳ. Сумцова. Въ настоящее время многіе предметы перенесены въ помѣщеніе Этн. Музея и тамъ и размѣщены въ систематическомъ порядкѣ. Такъ, въ отдѣлѣ украинскаго генія вполнѣ приведена въ порядокъ коллекція въ память извѣстнаго украинскаго писателя Я. И. Щеголева. Эта коллеція собрана стараніями проф. Н. Ѳ. Сумцова и по своей полнотѣ составляетъ предметъ гордости Музея. Достаточно сказать, что она содержитъ нѣсколько десятковъ разнообразныхъ предметовъ, принадлежавшихъ покойному писателю или имѣющихъ къ нему отношеніе, хотя къ составленію ея удалось приступить лишь въ прошломъ году. Къ сожалѣнію, такимъ богатствомъ не можетъ похвалиться отдѣлъ И. П. Котляревскаго, хотя къ собиранію его приступлено одновременно съ упомянутымъ сейчасъ отдѣломъ. Онъ приводится тоже въ порядокъ и въ ближайшемъ будущемъ будетъ размѣщенъ въ витринахъ. Затѣмъ размѣщены уже въ витринахъ часть богатаго собранія украинскихъ вышивокъ и небольшая крымская коллекція, составленная пр.-доц. В. Е. Данилевичемъ. Такимъ образомъ къ лѣту, нужно надѣяться, будетъ закончена разстановка всѣхъ коллекцій, и Этн. Музей сдѣлается доступнымъ для занятій и осмотра. Сомнѣнія нѣтъ, что приростъ его коллекцій не остановится, такъ какъ члены Истор.-Филологич. Общества и посторонніе лица постоянно доставляли до сихъ поръ все новые и новые предметы этнографическаго характера, а пополнить необходимо многіе отдѣлы.

Юбилейная выставка Харьковскаго университета. Въ февральской книжкѣ «Кіевской Старины» мы сообщили уже читателямъ, что во время торжествъ по случаю столѣтія со дня основанія Харьковскаго университета предполагается открыть выставку предметовъ, иллюстрирующихъ бытъ университета, его профессоровъ и питомцевъ за 100 лѣтъ существованія этого разсадника науки. Теперь мы подѣлимся свѣдѣніями о ходѣ работъ по устройству этой выставки за январь и февраль настоящаго года.

Такъ какъ вопросъ объ устройствѣ юбилейной выставки возникъ въ Историко-Филологическомъ Обществѣ, то оно рѣшило принять самое дѣятельное участіе въ устройствѣ этой выставки и оказать посильное содѣйствіе работамъ юбилейной университетской коммиссіи. Съ этою цѣлью 11 января было созвано засѣданіе Истор.-Фил. Общества, въ которомъ пр.-доц. В. Е. Данилевичъ доложилъ составленную имъ программу юбилейной выставки. Своей программѣ референтъ предпослалъ нѣсколько вступительныхъ словъ, при чемъ отмѣтилъ, что предполагаемая къ устройству выставка явится въ Россіи первой, такъ какъ раньше у насъ подобныя выставки не устраивались. У насъ есть нѣсколько музеевъ меморативнаго характера (Т. Г. Шевченка, А. С. Пушкина и т. д.), но они не могутъ служить образцомъ для юбилейной выставки, потому что въ нихъ удѣлено весьма большое вниманіе частному быту даннаго лица. Поэтому при составленіи своей программы референтъ не могъ найти почти никакихъ руководящихъ данныхъ въ извѣстныхъ ему каталогахъ музеевъ и выставокъ и долженъ былъ собственными силами выработать планъ выставки, а это, безусловно, отразилось на качествѣ его работы. Онъ предложилъ разбить выставку на слѣдующіе 10 отдѣловъ: 1) В. Н. Каразинъ; 2) основаніе Харьковскаго университета; 3) Харьковскій университетъ; 4) профессора, преподаватели и почетные члены; 5) служащіе въ учено-вспомогательныхъ учрежденіяхъ университета; 6) студенты; 7) администрація; 8) учено-вспомогательныя и другія учрежденія университета; 9) ученыя общества, состоящія при университетѣ, и съѣзды; 10) другія общества, состоящія при университетѣ. Каждый изъ намѣченныхъ отдѣловъ можетъ быть разбитъ на бóльшее или меньшее количество подотдѣловъ, въ зависимости отъ его характера. Такъ, 4-й отдѣлъ референтъ предложилъ разбить на такіе подотдѣлы: 1) портреты: а) группы; б) портреты отдѣльныхъ лицъ; 2) автографы и неизданныя сочиненія; 3) печатныя сочиненія; 4) сочиненія о профессорахъ и преподавателяхъ и ихъ ученыхъ трудахъ; 5) виды, относящіеся къ профессорамъ и преподавателямъ; 6) разные предметы, относящіеся къ нимъ. Еще большее количество подраздѣленій ввелъ онъ въ 6-й отдѣлъ, предложивъ разбить его на 2 крупныхъ подотдѣла: 1) студенты вообще и 2) выдающіеся питомцы университета. Второй изъ этихъ подотдѣловъ, авторъ программы разбилъ на такія же рубрики, какія были указаны уже въ 4-мъ отдѣлѣ, а потому приведемъ здѣсь подраздѣленія лишь перваго изъ этихъ подотдѣловъ. Этотъ подотдѣлъ ре-

ференть предложилъ раздѣлить на такія болѣе мелкія части: 1) портреты (преимущественно во время студенчества); 2) образцы сочиненій, писанныхъ студентами; 3) печатныя сочиненія студентовъ; а) сборники; б) отдѣльныя сочиненія; 4) статистика студентовъ, картограммы, діаграммы и пр.); 5) документы; 6) студенческая жизнь: а) виды и планы; б) частныя квартиры; в) документы (воспоминанія и проч.); г) рисунки и другіе предметы изъ быта харьковскихъ студентовъ; 7) студенческія организаціи.

Заслушавъ программу юбилейной выставки, предложенную пр.-доцент. В. Е. Данилевичемъ, присутствующіе сдѣлали цѣлый рядъ замѣчаній и дополненій. Такъ, проф. Н. Ѳ. Сумцовъ предложилъ дополнить ее еще двумя отдѣлами: 1) культурная подготовка къ основанію Харьковскаго университета, и 2) начальствующія лица (попечители, ректоры). Затѣмъ Е. М. Ивановъ отмѣтилъ, что слѣдовало бы включить въ программу выставки еще одинъ отдѣлъ: педагогическая дѣятельность профессоровъ и преподавателей Харьковскаго университета. Наконецъ, М. Д. Линда указалъ, что въ число подраздѣленій отдѣла, предложеннаго Е. М. Ивановымъ, необходимо помѣстить также тѣ приготовительные курсы для гимназистовъ, которые раньше состояли при университетѣ,—они просуществовали 3 года. Обсудивъ всѣ эти замѣчанія, Общество рѣшило, въ виду малочисленности присутствующихъ въ этомъ засѣданіи членовъ, разсмотрѣть программу со сдѣланными къ ней дополненіями еще разъ въ ближайшемъ ученомъ засѣданіи общества.

Въ засѣданіи Ист.-Фил. Общества 10 февраля программа юбилейной выставки, составленная прив.-доц. В. Е. Данилевичемъ, снова подверглась обсужденію, при чемъ проф. Д. И. Багалѣй сдѣлалъ цѣлый рядъ цѣнныхъ дополненій. Въ этомъ засѣданіи программа выставки была окончательно проредактирована и передана затѣмъ въ юбилейную университетскую коммиссію, которая разсмотрѣла ее въ засѣданіи 23 февраля. Коммиссія внесла въ программу лишь измѣненія редакціоннаго характера и постановила напечатать ее для разсылки и раздачи тѣмъ лицамъ и учрежденіямъ, которыя могутъ оказать какое-кибо содѣйствіе къ устройству юбилейной выставки. Въ настоящее время программа юбилейной выставки сдана уже въ печать.

Къ вопросу о публичныхъ лекціяхъ проф. В. Н. Перетца въ Кіевѣ. Мы сообщали уже, что въ минувшую зиму въ зданіи Кіевскаго университета устроены были историческимъ обществомъ Нестора-Лѣтописца публичныя лекціи, среди которыхъ интересъ мѣстный представляли лекціи проф. В. Н. Перетца по исторіи украинской литературы съ древнѣйшихъ временъ до И. П. Котляревскаго. Какъ и слѣдовало ожидать, нашлись и тутъ добрые люди, которые хотѣли изъ самаго обыденнаго факта создать что-то сверхсмѣтное. Такъ „Галичанинъ" въ одномъ номерѣ оповѣстилъ, что проф. В. Н. Перетцъ читаетъ *въ университетѣ св. Владиміра* курсъ исторіи украинской литературы, а въ другомъ номерѣ напечаталъ замѣтку г. Яворскаго, что проф. Перетцъ читаетъ курсъ исторіи западно-русской литературы 17—18 в.в., т. е. читаетъ *одинъ отдѣлъ изъ общаго курса русской литературы.* По поводу этихъ замѣтокъ въ „Галичанинѣ" напечатано въ „Ділі" письмо проф. В. Н. Перетца, въ которомъ онъ заявляетъ, что „это извѣщеніе г. Яворскаго невѣрно, такъ какъ общаго курса русской литературы въ текущемъ и минувшемъ полугодіи въ университетѣ св. Владиміра не читалъ никто. Что же касается словъ г. Яворскаго „отдѣльныхъ-же и самостоятельныхъ лекцій по малорусской или украинской литературѣ ни проф. В. Н. Перетцъ, ни никто другой въ кіевскомъ университетѣ никогда не читалъ, не читаетъ то было-бы очень интересно, изъ какого источника получилъ эти извѣстія г. Яворскій, который выказываетъ себя пророкомъ, но, къ сожалѣнію, не знаетъ даже того, что дѣлается теперь. Не касаясь подробностей, а желая лишь объяснить дѣло, считаю нужнымъ заявить, что въ текущемъ полугодіи я читаю курсъ начальнаго и средняго періода малорусской литературы въ ряду другихъ публичныхъ курсовъ (не только для студентовъ, но и для публики), а университетъ предоставилъ только помѣщеніе и ничѣмъ инымъ не касается моихъ лекцій, равно какъ и лекцій другихъ профессоровъ".

ВѢСТИ ИЗЪ ГАЛИЧИНЫ.

Къ вопросу о русинскомъ университетѣ. Въ послѣднее время въ культурной галицкой жизни особенный интересъ вызванъ былъ наново поднявшимся вопросомъ о русинскомъ университетѣ. Дѣло въ томъ, что въ вѣнскомъ парламентѣ такъ легко и гладко про-

шелъ вопросъ объ открытіи юридическаго факультета въ Роверето для итальянцевъ (которыхъ въ Австріи только 800 т. душъ), а также, по заявленію министра-президента д-ра Кербера, и дѣло основанія университета для словинцевъ тоже будетъ улажено; чехи-же надѣются на открытіе второго чешскаго университета. Естественно, среди русиновъ опять сталъ на очередь вопросъ объ основаніи своего университета, вопросъ, такъ недавно отложенный правительствомъ подъ предлогомъ, яко-бы, необходимости раньше успокоить студенческія волненія, бывшія во Львовскомъ университетѣ; но теперь оказывается, что необходимость основанія итальянскаго университета мотивируется такими же точно волненіями студентовъ въ Инсбрукѣ. Эти факты вызвали горячую статью въ «Ділі» (№ 45), гдѣ между прочимъ сказано: «Если Вѣна, глухая къ требованіямъ 3½ милліоннаго народа, и слѣпая, чтобы видѣть государственное значеніе созданія культурнаго центра для Руси-Украины въ предѣлахъ Австріи, смотритъ на насъ какъ не безправныхъ гелотовъ,—то мы рѣшительно заявляемъ о нашихъ незадавненныхъ и законныхъ правахъ на собственный университетъ. Мы убѣждены, что и наши депутаты не замедлятъ поднять этотъ-же вопросъ въ парламентѣ». Пока что, вопросъ поднятъ еще не въ парламентѣ и не объ открытіи университета, а среди учащейся молодежи Львовскаго университета, и только объ учрежденіи нѣкоторыхъ каѳедръ на русинскомъ языкѣ.

Недавно въ одной изъ залъ университета состоялось собраніе студентовъ-юристовъ въ присутствіи профессоровъ Колессы, Хлямтача, Студинскаго, Долинскаго и Днѣстрянскато. Собраніе сдѣлало слѣдующія постановленія:

Академическая русинская молодежь, стремясь къ осуществленію идеала основанія самостоятельнаго русинскаго университета, желаетъ созданія юридическаго отдѣленія съ преподавательскимъ русскимъ языкомъ, а непосредственно теперь замѣщенія тридцать лѣтъ уже вакантной каѳедры гражданскаго процесса и созданія каѳедръ политической экономіи, торговаго и вексельнаго права, римскаго права. Молодежь желаетъ также, чтобы министерство организовало экзаменаціонную коммиссію съ русинскимъ языкомъ. Кромѣ того, постановлено, на основаніи принятыхъ резолюцій собранія, изготовить меморіалъ, который долженъ быть внесенъ для обсужденія въ засѣданіе профессоровъ юридическаго

отдѣленія, затѣмъ въ академическій сенатъ, и наконецъ черезъ специальную депутацію врученъ министерству просвѣщенія.

Вопросъ о русскихъ каѳедрахъ въ львовскомъ университетѣ стоитъ такъ. Какъ извѣстно, въ 1848 году оффиціальнымъ языкомъ для чтенія лекцій во Львовскомъ университетѣ былъ признанъ нѣмецкій, но уже въ 1862 году изданъ былъ царскій указъ, въ силу котораго устанавливались двѣ каѳедры русинскія—гражданскаго процесса и уголовнаго права. Сейчасъ-же обѣ эти каѳедры были замѣщены; но одна изъ нихъ (граждан. процесса) занята была проф. Лопушанскимъ, который преподавалъ до 1873 года, послѣ чего каѳедра остается вакантной до настоящаго времени; другая-же (уголовн. права), послѣ перваго профессора на ней д-ра Сроковскаго, долгое время была вакантна, пока въ 1892 году не была вновь замѣщена д-ромъ Стебельскимъ. Царскій указъ 1862 г. былъ особенно важенъ въ томъ отношеніи, что давалъ пути для добыванія своихъ каѳедръ каждой изъ двухъ національностей Галичины—русинамъ и полякамъ; но русины не умѣли воспользоваться своимъ положеніемъ, тогда какъ поляки, имѣвшіе сначала только одну свою каѳедру, успѣли къ 1869 году выхлопотать право признанія оффиціальнымъ языкомъ преподаванія польскій языкъ вмѣсто нѣмецкаго. Однако въ 1871 году изданъ былъ опять царскій указъ, который признавалъ оба мѣстные языка (польскій и русскій) равноправными въ университетѣ. Казалось-бы, что существованіе права даетъ гарантію на его осуществленіе, но жизнь галицкая показала противное: польскіе профессора оказываются настолько шовинистами, что употребляютъ всѣ мѣры для недопущенія русинскихъ кандидатовъ къ замѣщенію университетскихъ каѳедръ.

Чтобы видѣть, насколько основательны желанія русиновъ имѣть свой университетъ, обратимся къ статистикѣ студенческой молодежи въ австрійскихъ университетахъ и увидимъ, что если итальянцамъ, которыхъ считается (по среднимъ даннымъ за 10 семестровъ по 1901 годъ) 488, обѣщанъ самостоятельный университетъ; если словинцы, которыхъ тоже значительно меньше русиновъ (точной цифры мы не знаемъ), могутъ мечтать о своемъ университетѣ,--то естественно, что русины, которыхъ считается 618, не могутъ не добиваться своихъ правъ, особенно во Львовѣ,

гдѣ студентовъ-русиновъ въ университетѣ 528, а въ текущемъ семестрѣ считалось ихъ около 800.

Такъ-какъ вопросъ о русинскомъ университетѣ поставленъ теперь на очереди, то мы, ограничиваясь пока вышеприведенными сообщеніями, познакомимъ нашихъ читателей болѣе подробно съ исторіей этого вопроса въ слѣдующей книжкѣ.

Обструкція русинскихъ пословъ въ вѣнскомъ парламентѣ. Засѣданія вѣнскаго парламента начались въ эту сессію при полной обструкціи чеховъ, рѣшившихъ этимъ оружіемъ вести борьбу съ своими противниками нѣмцами. Одна изъ наиболѣе рѣзкихъ формъ такой обструкціи—это требованіе поименнаго голосованія, чего имѣютъ право требовать не менѣе 50 голосовъ, слѣдовательно—въ засѣданіи должно присутствовать по крайней мѣрѣ, 50 обструкціонистовъ; какъ только начинается голосованіе, обструкціонисты оставляютъ залу, и если останется меньше 100 голосовъ, то засѣданіе должно прекратиться и вопросъ остается нерѣшеннымъ. Къ этой чешской обструкціи раньше всѣхъ присоединились русинскіе послы, которые однако заявили, что они идутъ не противъ нѣмцевъ, а выступаютъ обструкціонистами потому, что положеніе русиновъ въ Галичинѣ исключительное, сдѣлавшееся въ послѣднее время просто невыносимымъ, благодаря полякамъ, руку которыхъ тянетъ центральное правительство. По этой именно причинѣ русинскій клубъ давно уже хотѣлъ взяться за обструкцію, но самостоятельно не могъ этого сдѣлать по слабости своихъ силъ; теперь-же, 9-го марта (нов. ст.), рѣшилъ воспользоваться чешской обструкціей и пристать къ ней. Все это сказалъ въ своей рѣчи въ парламентѣ голова русинскаго клуба Романчукъ, который подчеркнулъ, что русинскіе послы, входя въ парламентъ, искренно желали способствовать правильному его функціонированію, въ надеждѣ, что правительство безпристрастно отнесется къ требованіямъ русинскаго народа; однако надежды пословъ не оправдались, такъ-какъ министръ-президентъ не только не явился защитникомъ русинскихъ интересовъ, но прямо отдалъ русиновъ на съѣденіе ихъ врагамъ-полякамъ. Такое отношеніе правительства къ русинскому народу и заставило пословъ пристать къ обструкціи.

Засѣданія палаты прекратились 28 марта (нов. ст.) до нослѣпраздничной сессіи. Трудно думать, чтобы въ дальнѣйшемъ положеніе дѣлъ измѣнилось къ лучшему и чтобы обструкція прекратилась.

Письмо проф. В. Ягича Товарыству имени Шевченка во Львовѣ. «Товарыство имени Шевченка» во Львовѣ избрало въ концѣ прошлаго года извѣстнаго филолога, проф. В. Ягича, своимъ дѣйствительнымъ членомъ. По поводу этого избранія проф. В. Ягичъ послалъ «Товарыству» слѣдующее письмо (на сербскомъ языкѣ): «Вѣна, 2 янв. 1904. Ученое общество имени Шевченка оказало мнѣ честь, избравши меня своимъ членомъ въ филологическую секцію. Благодаря за эту незаслуженную честь, желаю почтенному обществу все большихъ и лучшихъ успѣховъ. Вѣря въ лучшее будущее славянскихъ народовъ, съ удовольствіемъ забѣгаю мыслями въ ту счастливую пору, когда всѣ славянскіе народы безъ боязливой зависти будутъ поддерживать одни другихъ въ ихъ благородныхъ стремленіяхъ, и когда въ ихъ ученыхъ трудахъ будутъ звенѣть дивные аккорды взаимнаго признанія и уваженія. Почтеннаго общества покорный слуга В. Ягичъ.

Новое „общество“ во Львовѣ. По поводу девяностой годовщины рожденія Т. Г. Шевченка (25 февр. 1814 г.), по инициативѣ проф. М. Грушевскаго, основалось во Львовѣ «Товариство прыхыльныкивъ украинськои литературы, науки и штуки», которое ставитъ своей задачей способствовать развитію этихъ сферъ украинской духовной жизни. Въ достиженіи этой цѣли уставъ новаго общества открываетъ самые широкіе пути. На первую очередь правленіе общества поставило заняться устройствомъ осенью этого года во Львовѣ выставки произведеній украинскаго искусства и представленій артистическихъ, для чего оно вошло въ сношенія съ выдающимися артистам'и австрійскойи россійской Малороссіи. Предсѣдателемъ общества избранъ проф. М. Грушевскій, товарищемъ предсѣдат. д-ръ И. Франко, секретаремъ—художникъ Трушъ. Въ члены общества избираются лица русинскаго происхожденія, доказавшія свое сочувствіе дѣлу развитія украинской литературы, науки и искусства. Пока всѣхъ членовъ общества 24.

Русинская карта Австро-Венгріи. Въ началѣ этого года появилась въ продажѣ стѣнная карта Австро-Венгріи, составленная для народныхъ школъ А. Зайбертомъ и переведенная на русинскій языкъ Ѳ. Поповичемъ. До сихъ поръ употреблялась въ русинскихъ школахъ только польская карта Густовича; теперь-же, благодаря стараньямъ инспектора Поповича, а также директора русинской гимназіи въ Тернополѣ О. Калиновскаго, входитъ въ употребленіе эта первая русинская стѣнная карта, которая, при своей величинѣ ($1^1/_2$ метра ширины и болѣе 2 метровъ длины), отличается тѣмъ, что каждая часть Австрійской монархіи нарисована особою краской, при чемъ славянскія земли имѣютъ мѣстныя названія, и только главнѣйшія мѣстности имѣютъ и параллельныя нѣмецкія названія.

БИБЛІОГРАФІЯ.

Збирныкъ фильольогичнои секціи Наукового Тов. имени Шевченка. Т. VI. Посмертни пысання Мытрофана Дикарева зъ поля фолькльору й митольогіи. *Львив. 1903; стр. 1—VIII; 1—258.*

14 ноября 1899 г. скончался трудолюбивый и талантливый этнографъ и фольклористъ М. К. Дикаревъ, сотрудничавшій и въ нашемъ журналѣ (см. его статью о малорус. словѣ *паляныця* въ № 10-мъ 1899 г.). Состоя дѣйствит. членомъ Наукового Товар. имени Шевченка во Львовѣ, покойный М. К. Дикаревъ, передъ смертью завѣщалъ всѣ свои рукописныя работы и матеріалы этому ученому обществу, которое, получивъ рукописи, сейчасъ-же приступило къ разборкѣ ихъ, для того чтобы опредѣлить, что изъ этого всего матеріала можетъ быть издано, какъ имѣющее болѣе или менѣе законченный видъ и представляющее научную цѣнность. Всѣ рукописи, разсмотрѣнныя, по порученію «Общества», д-ромъ Иваномъ Франкомъ, раздѣлены имъ на три группы: 1) матеріалы для украинскаго словаря (около 8 т. карточекъ); 2) работы по фольклору и миѳологіи; 3) работы въ области лингвистики. Матеріалы для словаря, какъ не имѣющіе цѣльности, Общество рѣшило хранить въ своей библіотекѣ для пользованія всѣхъ интересующихся подобными матеріалами; работы по лингвистикѣ поручены одному изъ спеціалистовъ филологовъ для разсмотрѣнія и, по возможности, изданія. Что-же касается работъ по фольклору и миѳологіи, то большая часть изъ нихъ была уже напечатана при жизни покойнаго, а изъ остальной части то, что

имѣетъ большую цѣнность, издано теперь въ особомъ томѣ, разсматриваемомъ нами.

Томъ этотъ редактированъ д-ромъ И. Франкомъ, который снабдилъ его небольшимъ предисловіемъ, прекрасно характеризующимъ личность покойнаго М. К. Дикарева, какъ человѣка, не только не прошедшаго никакой строго научной школы, но даже не окончившаго оффиціальной средней школы, и не смотря на то, путемъ личнаго труда и самообразованія, сумѣвшаго заявить себя въ области спеціальныхъ изученій ученымъ изслѣдователемъ съ громадной начитанностью и съ очень широкими горизонтами. При всемъ томъ, какъ у всякаго самоучки, у М. К. Дикарева очень часто въ его работахъ проглядываетъ отсутствіе систематичности, а главное—увлеченіе заманчивыми выводами, для которыхъ иногда бываетъ слишкомъ мало научныхъ основаній. Въ разсматриваемый нами теперь сборникъ статей М. К. Дикарева вошли слѣдующія работы: 1) Знадобы до украинськои народньои ботаники; 2) Де-що про вербу яко символъ въ украинській писни; 3) Кого треба розумиты пидъ Рахманамы и идентичнымы имъ русалкамы; 4) Велыкый богъ Мыкола; 5) Мытольогични урывкы; 6) Поясненич до колядокъ; 7) Урывкы зъ греко-славянськои митольогіи.

Знадобы до украинськои народньои ботаники есть не что иное, какъ въ алфавитномъ порядкѣ расположенный перечень болѣе употребительныхъ въ народной поэзіи растеній съ указаніемъ ихъ символическаго значенія, въ подтвержденіе чего даются выдержки преимущественно изъ пѣсенъ и пословицъ. Нельзя признать эту работу полной, такъ-какъ далеко не весь словарь растеній, упоминаемыхъ въ поэзіи, исчерпанъ, а главное—пѣсенный матеріалъ взятъ почти исключительно изъ «Трудовъ» подъ редакц. П Чубинскаго. Благодаря небольшому объему этнографич. матеріала, толкованія символики въ иныхъ случаяхъ намъ кажутся поспѣшными; такъ напр: «народня этимольогія выводыть слово *огирокъ* видъ слова *гиркый* и звязуе его зъ *горемъ*. Хочъ кавунъ, хочъ огиркы бачыть ви сни, кажуть—не хорошо: горе буде». Здѣсь рѣшительно не при чемъ слово *огирокъ* съ его звуковыми согласіемъ съ корнемъ *горе—гиркый*, т. к. во всѣхъ народныхъ сонникахъ *плоды во снѣ* (а не только огурецъ) означаютъ *несчастіе*.

Де-що про вербу, яко символъ въ украинськiй писни. Эта небольшая статейка имѣетъ цѣлью сдѣлать поправки, какъ думаетъ авторъ, къ извѣстному изслѣдованію А. Потебни «Объясненія малорусскихъ и сродныхъ народныхъ пѣсенъ», въ которомъ дается толкованіе *вербѣ,* какъ символѣ *дивчины,* въ тѣхъ пѣсняхъ, гдѣ, по мнѣнію М. К. Дикарева, верба означаетъ не дѣвушку, а замужнюю женщину и даже символизуетъ собою *родъ.* Нужно признаться, что какъ во многихъ толкованіяхъ символовъ у А. А. Потебни, по нашему крайнему разумѣнію, встрѣчаются часто большія натяжки, такъ не избѣжалъ ихъ въ данномъ случаѣ и М. Дикаревъ, а иногда пошелъ еще и дальше.

Кого треба розумиты пидъ Рахманамы и идентичнымы имъ русалкамы. Это есть мало-удачная проба объяснить намеки въ народныхъ повѣрьяхъ на какихъ-то Рахмановъ не миѳологическими представленіями о русалкахъ, какъ думаютъ нѣкоторые ученые, а *Орхоменами,* жителями древнеаркадскаго города Орхомена, находившагося въ восточной Аркадіи. Здѣсь у автора столько безбрежной фантазіи, что не считаемъ нужнымъ даже останавливаться на подробностяхъ его размышленій.

Самою обширною изъ статей является опытъ изслѣдованія о миѳологическихъ народныхъ воззрѣніяхъ, связанныхъ съ *богомъ Мыколою.* Статья эта, озаглавленная «*Велыкый богъ Мыкола*», первой главой своей вводитъ читателя въ кругъ народныхъ разсказовъ о наказаніи танцоровъ и музыкантовъ за оскорбленіе образа, по преимуществу св. Николая. Разсказы эти возникли, главнымъ образомъ, въ 1895 году и сводились приблизительно къ слѣдующему: въ одной, будто-бы, станицѣ былъ вечеръ съ танцами; одной изъ танцующихъ не хватило пары, и она шутя взяла образъ св. Николая и начала съ нимъ танцовать. Въ наказаніе за это она никакъ не можетъ перестать танцовать и до сихъ поръ танцуетъ. Разныя варьяціи на тему этого разсказа приведены М. К. Дикаревымъ, какъ слышанныя имъ отъ нѣсколькихъ лицъ (всѣхъ 8 варьянтовъ). Приведя эти разсказы, авторъ обѣщаетъ дать разборъ отдѣльныхъ мотивовъ въ нихъ; но на этомъ и кончается собственно тема о св. Николаѣ. Дѣло въ томъ, что, руководясь методомъ фольклора, методомъ сопоставленій и сближеній, авторъ во второй главѣ занялся разсмотрѣніемъ того, въ какомъ значеніи народомъ употребляется слово *богъ,* т. к. въ одномъ изъ

варьянтовъ приведеннаго разсказа народъ назвалъ *Мыколу Богомъ*. Послѣ этого остальныя четыре главы, составляющія главную часть изслѣдованія, почти совсѣмъ не касаются ни темы приведенныхъ разсказовъ, ни даже самого Мыколы, а устанавливають тѣ языческія основы, на которыхъ возникають образы божествъ.—Тутъ мы найдемъ и разъясненіе народныхъ воззрѣній на *добру и лыху годыну*, и толкованіе образа чорта, и характеръ нашептываній, и о связи неба съ землею и пр. и пр. Много очень цѣнныхъ и интересныхъ замѣтокъ встрѣтитъ тутъ читатель, но, благодаря путаницѣ, скажемъ просто—благодаря *отсутствію метода* у автора, поневолѣ читатель будетъ блудить какъ въ лѣсу, временами даже забывая, о чемъ онъ читаетъ, и только заглавіе каждой новой главы будетъ ему напоминать *о Богѣ Мыколѣ*. Редактировавшій этотъ томъ д-ръ И. Франко нашелъ среди бумагъ покойнаго Дикарева одну тетрадку подъ заглавіемъ «Толки народа», въ которой, очевидно, первоначально набрасывались матеріалы для статьи *о богѣ Мыколѣ*. Тутъ между прочимъ нашлись нѣкоторые отрывки, не вошедшіе въ статью, и д-ръ Франко составилъ изъ нихъ добавочную главу къ разсматриваемому нами изслѣдованію Дикарева. Глава эта, какъ и всякій этнографическій матеріалъ, представляетъ цѣнность сама по себѣ, и ею читатель можетъ воспользоваться для своихъ личныхъ работъ въ области изученія народныхъ міровоззрѣній.

Митольогычни урывкы. Сущность этой статьи—въ разсмотрѣніи нѣкоторыхъ греческихъ божествъ для сопоставленія ихъ съ однородными божествами славянскими. Такъ, Зевесъ, какъ богъ неба и податель дождя, можетъ быть сопоставленъ съ Ильей, Сварогомъ, Михаиломъ, Святовитомъ. И здѣсь, какъ и въ прежнихъ статьяхъ, наиболѣе цѣнны тѣ мѣста, гдѣ авторъ приводитъ разныя народныя повѣрья, въ томъ числѣ и наши украинскія.

Пояснення до колядокъ. Тутъ мы находимъ одинъ только сохранившійся отрывокъ изъ какой-то обширной статьи покойнаго Дикарева, какъ свидѣтельствуетъ д-ръ Франко. Въ отрывкѣ этомъ, подъ заглавіемъ «Чудесна рика въ двори господаря», разсматриваются тѣ колядки, которыя А. Н. Веселовскій, увлеченный «углубленіемъ въ христіанскіе источники и самозарожденіемъ христіанской миѳологіи», или совсѣмъ игнорируетъ, или считаетъ ихъ побочными, не отвѣчающими термину «колядка». М. Дикаревъ,

исходя изъ того положенія, что колядка языческаго происхожденія, хочетъ дать такое-же объясненіе тѣмъ колядкамъ, въ которыхъ упоминается Дунай-рѣка, озеро, ставъ, видя во всемъ этомъ символизацію на основахъ миѳа. Къ сожалѣнію, и тутъ все изложеніе такъ-же неясно, какъ и въ другихъ его статьяхъ.

Послѣднею статьею въ данномъ томѣ является «*Урывки съ грекославяньскои митольогіи*». Статья эта, повторяя ту же мысль автора, которая сказывается во всѣхъ его работахъ, а именно—что славянская миѳологія ведетъ свое начало отъ греческой, посвящена доказательству греческаго происхожденія цѣлаго рода именъ такихъ, какъ Святовитъ, Ярило, Илья, Соловей-разбойникъ.

Обзоръ всего этого тома, заключающаго въ себѣ посмертныя статьи М. К. Дикарева, позволяетъ намъ сдѣлать выводъ, что, при богатствѣ средствъ у какого-нибудь ученаго общества, можно допустить такую роскошь, какъ разсмотрѣнное нами изданіе, въ которомъ, среди хаоса, можно найти кое-что небезъинтересное для науки; но кажется, что «Товарыство имени Шевченка», не имѣя особенныхъ матеріальныхъ благъ, могло-бъ затраченныя на данное изданіе деньги употребить болѣе продуктивно.

В. Н—ко.

Гр. Павленко-Павлусь. Свитла зоря. *Харьковъ. 1903 г. Цѣна 20 коп. Стр. 64.*

Передъ нами, очевидно, сборникъ литературныхъ упражненій одного изъ столь многочисленныхъ въ украинской литературѣ поэтовъ самородковъ.

Камни самородки не рѣдко встрѣчаются довольно значительныхъ размѣровъ и имѣютъ большую цѣну. Къ сожалѣнію, среди поэтовъ самородковъ, покрайней мѣрѣ украинскихъ, почти не встрѣчается людей хоть сколько нибудь способныхъ, произведенія которыхъ имѣли-бы хоть какую нибудь цѣну. Въ большинствѣ это—люди съ крайне развитымъ и болѣзненно обостреннымъ самолюбіемъ, несчастные графоманы, которыхъ никакимъ образомъ не убѣдишь въ ничтожествѣ ихъ произведеній и въ отсутствіи у нихъ какого бы то ни было таланта. Не прочитавши на своемъ

вѣку почти ни одной порядочной книжки, не имѣя ни малѣйшаго понятія о литературной техникѣ, часто даже не умѣя писать (не говоримъ о грамотности письма),—эти несчастные мученики своей болѣзненной страсти вдругъ воображаютъ себя писателями, поэтами и... съ поразительною самоувѣренностью пишутъ, пишутъ и все для... самихъ себя. Въ подобныхъ произведеніяхъ не ищите ни содержанія, ни красивой формы. Зато—сколько въ нихъ апломба!... Одни изъ самородковъ рабски копируютъ и безсовѣстно искажаютъ произведенія тѣхъ писателей, (обыкновенно Шевченка), произведенія которыхъ имѣли несчастье попасть имъ въ руки. Другіе, нисколько не затрудняясь выборомъ темъ, пишутъ обо всемъ, что увидятъ или услышатъ, подобно тѣмъ армянскимъ пѣвцамъ, которые, дерево увидѣвъ, о деревѣ поетъ,—собаку видитъ, о собакѣ затянетъ.

Г. Павленко-Павлусь, принадлежитъ къ разряду самородковъ перваго рода. Его соблазнили лавры Шевченка и.... Раевскаго. Уже одно увлеченіе, на ряду съ геніальными твореніями Шевченка, пошлыми, безсодержательными анекдотами Раевскаго и сближеніе этихъ двухъ несоизмѣримыхъ литературныхъ величинъ достаточно рекомендуютъ литературный вкусъ г. Павленка и предвѣщаютъ, что́ могъ онъ сдѣлать съ произведеніями Шевченка.

Взявши сюжетъ изъ «Катерыны» и даже позаимствовавши нѣсколько отдѣльныхъ отрывковъ изъ нея (стр. 19, 25...), г. Павленко написалъ безграмотную во всѣхъ отношеніяхъ поэму «Дивоча доля», въ которой оплакиваетъ долю Галины, обманутой Яшей. Чтобы составить понятіе о томъ, какъ пишетъ г. Павленко, выпишемъ на удачу нѣсколько перловъ изъ его поэмы:

«Щыра любовъ *не бракуе* (sic!)
Ажъ ничіимъ серцемъ...» (4 стр.).
«И на іи (Галины) *уродоньку*,
Уся челядь селянськая,
Пыльно-пыльно залыцялась (sic!) (5 стр.).

Кромѣ совершеннаго незнакомства съ правилами и пріемами стихосложенія и отсутствія всякаго дарованія, г. Павленко еще очень слабо знаетъ и языкъ, украинскій, что отчасти уже видно и изъ выше приведенныхъ примѣровъ, число которыхъ можно увеличить, сколько угодно.

Вторую часть книжки составляютъ «Куплеты съ разсказами». Но о нихъ лучше совсѣмъ не говорить. Темою ихъ служитъ все тотъ же глупый, безтолковый «хахолъ», что и у Раевскаго. Только остроумія и здороваго юмора въ нихъ еще гораздо меньше.

Какъ видитъ читатель, литературныя достоинства твореній г. Павленка очень сомнительнаго качества. Несмотря на это, нашъ авторъ очень много ожидаетъ отъ своей убогенькой книжечки. Вотъ что съ рѣдкимъ апломбомъ пишетъ онъ въ предисловіи къ ней:

«Гей сюды увесь мыръ хрещеный:
И велыкый и малый,
И безграмотный и вченый,
И выдющый и слипый ..».

Очевидно, г. Павленко надѣется, что весь этотъ столь обширный кругъ читателей найдетъ въ его книжкѣ что либо для себя интересное. Потому, вѣроятно, и назвалъ её громкимъ, красивымъ, но совершенно неотвѣчающимъ содержанію, заглавіемъ—«Свитла зоря ..». Имѣя въ виду широкій кругъ читателей, г. Павленко издалъ свою книгу очень изящно, чтобы угодить интеллигентнымъ и болѣе состоятельнымъ читателямъ, и очень дешево, чтобы она была по карману крестьянамъ.

Думаемъ, однако, что всѣ эти усилія автора напрасны и что его книжечка не пойдетъ въ широкую публику. Отъ души желаемъ «Свитлой зорѣ» какъ можно дольше остаться въ рукахъ автора и издателя....

В. Мировець.

Виленскій временникъ. Изданіе Виленскаго генералъ-губернаторскаго управленія. Книга I. Профессоръ Е. Ѳ. Карскій. Бѣлоруссы. Введеніе къ изученію языка и народной словесности. *Вильна. 1904. Стр. I—X, 1—466.*

Въ этомъ «введеніи» къ изученію бѣлорусскаго языка опредѣлена территорія, занятая бѣлорусскимъ племенемъ, на двухъ приложенныхъ картахъ указано распространеніе шести говоровъ, на какія по изслѣдованіямъ автора подраздѣляется бѣлорусскій

языкъ; затѣмъ въ отдѣльныхъ главахъ даны характеристика страны, занимаемой бѣлоруссами, исторія со временъ неолитической эпохи, какъ народа, такъ и языка, и наконецъ историческіе очерки изученія живого бѣлорусскаго языка и народной поэзіи, памятниковъ стараго западно-русскаго языка и ненародныхъ, т. е. искусственныхъ литературныхъ произведеній бѣлоруссовъ. Полнота историческихъ, лингвистическихъ, географическихъ, библіографическихъ очерковъ указываетъ, что авторъ смотритъ на свое «введеніе», какъ на энциклопедію для желающихъ ознакомиться съ литературою и языкомъ бѣлорусскимъ. Для спеціалистовъ лингвистовъ книга профессера Карскаго даетъ много матеріала какъ въ перечисленіи словъ, заимствованныхъ бѣлоруссами отъ другихъ народовъ, такъ и въ примѣтахъ фонетическихъ и морфологическихъ, по какимъ онъ отличаетъ одинъ говоръ отъ другого. Для говоровъ, пограничныхъ между областями малорусскаго и бѣлорусскаго языковъ, вѣроятно, найдутся возраженія, такъ какъ нѣкоторые изъ нихъ обозначены малорусскими на картѣ г. Михальчука и бѣлорусскими на картѣ г. Карскаго.

Искусственная литература нынѣшняго бѣлорусскаго языка представляетъ много интереснаго по сходству направленій, ею пережитыхъ, съ направленіемъ русской и малорусской литературы. Возникновеніе ея г. Карскій относитъ къ девяностымъ годамъ XVIII столѣтія, когда появилась въ рукописи «Энеида» Маньковскаго; а другая «Энеида» составлена была вѣроятно около того же времени, при чемъ относительно ея черезъ 100 лѣтъ въ «Смоленскомъ вѣстникѣ» говорили, что она была переложена съ малороссійскаго «на смоленскій крестьянскій языкъ». Маньковскаго «Энеида» начинается такъ:

Яней дзяцюкъ вить быу хупавый
Парнюкъ няувошта украсіу
И пакъ удауся нелукавый:
Даступенъ, веселъ не спясіу.
А Греки вайну нарабили,
Якъ ляда, Трою такъ спалили.
Кашéль схапіуши на уцёкъ
И такъ зробивши ёнъ чаунокъ,
Траянцами яго набіу
И у моря синяе пусціу.

Переводъ Ровинскаго нѣсколько отличается:

Живъ-бывъ Яней, дзяцюкъ хупавый
Парнюкъ ни-вошто украсивъ.....

но, какъ видно и изъ приведенныхъ строкъ, очень близокъ къ тексту Мальковскаго. Поэтому трудно рѣшить, кто изъ этихъ двухъ лицъ былъ дѣйствительнымъ авторомъ бѣлорусской «Энеиды».

Отсылая интересующихся предметомъ къ самой книгѣ г. Карскаго, замѣтимъ еще, что авторомъ ея задуманъ большой трудъ по фонетикѣ, морфологіи и синтаксису бѣлорусскаго нарѣчія, и явившуюся въ печати книгу онъ считаетъ какъ-бы первымъ томомъ этого большого труда, появленіе котораго въ свѣтъ очень желательно.

Обзоръ журналовъ.

Для настоящей книжки разсмотрѣны слѣдующіе журналы: 1) Русскій Архивъ, № 3; 2) Русская Старина, № 3; 3) Историч. Вѣстн., № 3; 4) Всемірный Вѣст., № 2; 5) Журн. Мин. Нар. Просв., № 3; 6) Міръ Божій, № 3; 7) Русскій Вѣстникъ, № 3; 8) Вѣстн. Европы, № 3; 9) Русское Богатство, № 1—3; 10) Кіевск. Унив. Изв., № 1—3; 11) Труды Кіев. Дух. Акад., № 3; 12) Учен. Запис. Импер. Казан. Унив., № 3; 13) Книжки Восхода, № 2 и 3; 14) Земск. Сборн. Черниг. губ., № 1. 15) Литер.-Науков. Вистныкъ, № 2 и 3.

Русскій Архивъ, № 3.

Письма І. М. Бодянскаго къ А. Н. Попову (стр. 443—448). Всего помѣщено 8 писемъ, начиная съ 1837 года по 1852 г. Изъ нихъ для насъ имѣетъ интересъ 5-ое письмо (1846 г.), гдѣ идетъ рѣчь о печатаніи знаменитой «Исторіи Руссовъ» въ трудахъ Московскаго Историческаго Общества.

Грамота царя Алексѣя Михайловича Кіевскому воеводѣ боярину Василію Борисовичу Шереметеву 1659 г. Сообщ. гр. С. Д. Шереметевымъ (стр. 521—522). Грамота дана по поводу побѣды, одержанной В. Б. Шереметевымъ надъ Даниломъ Выговскимъ, когда послѣдній подступилъ къ Кіеву въ 1659 г.

Русская Старина, № 3.

Проф. Е. Бобровъ. Эпизодъ изъ жизни Н. И. Костомарова (стр. 603—614). Здѣсь разсказана, по документамъ архива Казанскаго университета, одна страничка изъ жизни нашего историка, когда онъ въ 1857 году хотѣлъ получить каѳедру русскихъ древностей въ Казанскомъ университетѣ, что, послѣ долгихъ проволочекъ въ министерствѣ, не состоялось, но по какимъ мотивамъ—изъ дѣлъ опредѣленно не видно.

Историч. Вѣстн., № 3.

Въ отд. „*Критика и библіографія*" помѣщенъ краткій обзоръ «изданій Краковской Академіи Наукъ по исторіи и древностямъ», а въ частности 46-го тома по отдѣлу историко-философскому (Rozprawy, Krakòw, 1903). Здѣсь-же указываются мелькомъ и такіе капитальные труды, какъ А. Яблоновскаго «Польша XVI вѣка», гдѣ находится описаніе земель русскихъ и Червонной Руси, а также только-что вышедшее въ Варшавѣ сочиненіе проф. А. Брикнера „Starożytna Litwa". (ств. 1119—1121).

Въ отд. «Смѣсь» находимъ замѣтку «Кобзари и лирники», составленную на основаніи статьи В. Н. Доманицкаго въ «Памятной книжкѣ кіевской губ. за 1904 годъ», (стр. 1183).

Журн. Мин. Нар. Просв., № 3.

Въ отдѣлѣ «*Критика и библіографія*» помѣщена прекрасная статья профессора Львовскаго университета М. Грушевскаго о Львовскомъ ученомъ обществѣ имени Шевченка и о его вкладахъ въ изученіе Южной Руси. (стр. 117—148). Здѣсь кратко разсказана исторія Шевченковскаго Общества во Львовѣ за тридцать лѣтъ его существованія, но особенно обстоятельно изложена дѣятельность этого общества за послѣднія десять лѣтъ, когда оно преобразовалось въ ученое общество, приближающееся по характеру своей дѣятельности къ академіямъ наукъ. Проф. М. Грушевскій знакомитъ въ данной статьѣ съ тѣми научными изслѣдованіями, какія были напечатаны въ эти десять лѣтъ въ разныхъ изданіяхъ «Общества имени Шевченка».

Русскій Вѣстникъ, № 3.

Л. Николаевъ. Послѣднія событія въ Галичинѣ (стр. 159—178). Разсказавъ кратко исторію того, какъ народовая партія въ Галичинѣ, приставши въ 1890 году къ „угодѣ" съ поляками, почти сейчасъ-же и разорвала связь съ ними, авторъ статьи знакомить съ тѣмъ обостреннымъ моментомъ борьбы, какой замѣчается въ послѣднее время, и пересказываетъ извѣстныя уже читателямъ „Кіевской Старины" факты изъ движеній русинскихъ студентовъ Львовскаго университета, фактъ объ отказѣ открыть Станиславовскую русинскую гимназію, фактъ о выходѣ русинскихъ пословъ изъ сейма.

Земскій Сборникъ Черниг. губ., № 1.

Кромѣ спеціальныхъ статей, имѣющихъ мѣстный интересъ, какъ-то: Б. Полынова «Работы по изслѣдованію почвъ остерскаго уѣзда», И. Л—ко «Дѣятельность крестьянскаго поземельнаго Банка въ черниг. губ. въ 1901 г.»,—продолжается печатаніе труда подъ редакціей Н. П. Василенка «Генеральное слѣдствіе о маетностяхъ Черниговскаго полка 1729—1730 гг.».

Извѣстія о новыхъ книгахъ и журнальныхъ статьяхъ.

Въ „Полт. Вѣстн." (№ 348) напечатанъ 3-й очеркъ О. Левицкаго подъ общимъ заглавіемъ „Изъ давно минувшей жизни Полтавщины". Очеркъ этотъ носитъ частное заглавіе „Орельскій пустынножитель" и передаетъ разсказъ о случаѣ встрѣчи четырехъ козаковъ-уходниковъ въ 1620 году съ благочестивымъ старцемъ-пустынножителемъ. Случай этотъ разсказанъ въ собственноручныхъ запискахъ митр. Петра Могилы.

Въ Русскомъ Богатствѣ № 3 напечатанъ переводъ съ украинскаго очеркъ нашего талантливаго беллетриста Михаила Коцюбинскаго „На камнѣ".

Для пользованія русиновъ въ Америкѣ отпечатаны двѣ книжки: 1) „Руско-англійскый Провидныкъ"—цѣна 50 америк. центовъ; 2) „Руско-англійскый Словарець"—цѣна 20 америк. центовъ.

Въ газ. „Діло" (№ 53—55) напечатана статья д-ра Ивана Франка подъ заглавіемъ „Шевченко—ляхамъ". Это—рефератъ, читанный имъ на вечерѣ во Львовѣ въ 43-ю годовщину смерти Шевченка. Сущность реферата сведена была къ комментированію извѣстнаго стихотворенія Т. Г. Шевченка „Ляхамъ".

Въ книжкѣ „Кіевской Стар." за февраль перепечатана изъ „Вѣстника Юга" замѣтка о новой украинской пьесѣ—передѣлкѣ Гауптмановскаго „Геншеля". Въ замѣтку эту вкралась ошибка, которая за пріостановленіемъ газеты осталась неисправленной; передѣлка г-жи Левитонъ называется не „Чужа жинка"—названіе извѣстнаго разсказа Петра Шелеста (см. Л.-Н. Вистникъ 1901 г. кн. XI)—а *„Друга жинка"*.

Списокъ вновь вышедшихъ книгъ.

Le Baron de Baye. En Petite Russie. Souvenirs d'une Mission. Paris. Librairie Nilson. 1903.

Бордулякъ Тымофій. Оповидання зъ галицького життя. № 10 „Украинськои библіотекы". У Кыиви, 1904, стр. 1—419, in 8°. Ц. 75 к. и 1 р. 25 к,

Бордулякъ Т. Бидный жыдокъ Ратыця. Оповидання. № 36. К., 1903. Ц. 5 коп.

Гринченко Б. Безъ хлиба. Оповидання. № 34. Кыивъ, 1903. Ц. 3 коп.

Гринченко Б. Хата. Оповидання. № 35. Кыивъ, 1903. Ц. 4 к.

„Дума". Сольо тенорове въ супроводі фортепяна. Слова Т. Шевченка. Музыка М. Лисенка. Ц. 1 кор. Перемишль, 1903. Виданне „Видавництва музичного станиславівського Бояна", ч. 15.

Про сыритъ. Збирнычокъ для дитей. Упорядкувавъ Гнатъ Галайда. Выдано Вс. И. Гуртомъ (№ 14). Харьковъ, 1903, 1—64. in 8°. Ц. 4, 10 и 50 коп.

Тогобочный И. Борци за мрiи. Драма. Выдано Вс. И. Гуртомъ, № 13. Харьковъ, 1903. Ц. 10 и 50 коп.

Якъ треба и якъ не треба. Видано Вс. И. Гуртомъ. № 12. Харьковъ. 1903. Ц. 4 к.

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

„ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ"

КНИГА 3-я.—МАРТЪ, 1904.

. *I.—Церковная школа въ Англіи.*—**С. Р.**—II.—*Братья.*—Повѣсть.—XII—XVII.—**П. Д. Боборыкина.**—*„Новый Градъ" Блаженнаго Августина.*—I-IX.—**В. И. Герье.**—IV.—*Уральскіе этюды.*—I. Поздней осенью.—II. Лѣтней ночью.—**Григ. Бѣлорѣцкаго.**—V.—*Н. А. Некрасовъ.*—Обзоръ его литературной дѣятельности.—I.—**А. Н. Пыпина.**—VI.—*Городъ и деревня.*—Разсказъ изъ современнаго житья-бытья.—Часть первая.—I-XX.—**М. А—нова.**—VII.—*I. Л. Рунебергъ и его поэзія.*—Памяти финскаго поэта, по поводу совершившагося столѣтія со дня его рожденія: 1804—1877 г.—**I. Э. Мандельштамъ.**—XIII.—*„Союзъ душъ"*.—„Souls". A. Comedy of intentions, by „Rita".—XXI-XXXII.—Окончаніе. Съ англ. **З. В.**—IX.—*Стихотвореніе.* Изъ Франсуа Коппе—I. Сирень.—II. Весной на могилѣ.—**Н. В. Хвостова.**—X.—*Хроника.*—Круговая порука и отмѣна ея.—**Ѳ. Ѳ. Воропонова.**—XI.—*Внутреннее обозрѣніе.*—Война и гражданская жизнь. Вопросъ о мелкой земской единицѣ и о земскомъ представительствѣ въ московскомъ губернскомъ земскомъ собраніи.—Личныя перемѣны въ высшемъ государственномъ управленіи.—Земская школа и г. Spectator.—Циркуляръ министра юстиціи и рѣшеніе сената.—Статистическія данныя о репрессіи присяжныхъ засѣдателей.—XII.—*Иностранное обозрѣніе.*—Война на Дальнемъ Востокѣ.—Правительственныя сообщенія и оффиціальные акты по поводу русско-японской войны.—Возможныя дипломатическія погрѣшности.—Вопросы о нарушеніяхъ международнаго права.—Нейтральныя державы и общее политическое положеніе.—XIII.—*Литературное обозрѣніе.*—I. Религіозные отщепенцы, А. С. Пругавина.—**А. П.**—II.—Философія и ея общія задачи, Н. Я. Грота.—III. Объ идеяхъ и идеалахъ русской интеллигенціи Н. М. Соколова.—IV. „Urbi et Orbi"; Вал. Брюсова.—**Евг. Л.**—V. Статистика несчастныхъ случаевъ съ рабочими за 1901 г.—VI. А. Веберъ, Ростъ

ПОДПИСКА НА 1904-й ГОДЪ.

(Тридцать-девятый годъ).

Контора журнала: С.-Петербургъ, В. О., 5 лин., 28.

Безъ доставки: на годъ: 15 р. 50 к., на полгода: 7 р. 75 к., на четверть года: 3 р. 90 к. Съ дост. въ Спб. на годъ: 16 р., на полгда: 8 р., на четверть года: 4 р. Съ пересылкою на годъ: 17 р., на полгода: 9 р. 8 р., на четверть года: 5, 4, 4, 4 р. За границей на годъ: 19 р., на полгода: 10 р., на четверть года: 9 р., 5, 5, 4, 4 р.

Издатель и отвѣтственный редакторъ *М. М. Стасюлевичъ*. Спб., Галерная, 20.

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

Въ „Кіевской Старинѣ“ печатаются: самостоятельныя изслѣдованія по исторіи южной Россіи и разнообразные матеріалы для нея, въ видѣ особо цѣнныхъ историческихъ документовъ, мемуаровъ, хроникъ, дневниковъ, записокъ, воспоминаній разсказовъ, біографій, некрологовъ и характеристикъ, описаній, вещественныхъ памятниковъ южнорусской древности и замѣтокъ обо всемъ вообще, что составляетъ принадлежность и характерную особенность исторически сложившагося народнаго быта или служитъ проявленіемъ народнаго творчества и міровоззрѣнія, каковы неизслѣдованные обычаи религіозные, правовые и т. д., исчезающіе древніе напѣвы, незаписанныя думы, сказки легенды, пѣсни и проч.

Библіографическія свѣдѣнія о вновь выходящихъ у насъ и за границею изданіяхъ, книгахъ и статьяхъ по исторіи южной Россіи, сопровождаемыя критическими замѣчаніями.

При журналѣ, по мѣрѣ надобности, будутъ помѣщаться портреты замѣчательныхъ дѣятелей въ исторіи южнорусскаго народа, виды древнѣйшихъ монастырей, церквей и другихъ зданій, имѣющихъ значеніе для мѣстной исторіи, снимки съ древнѣйшихъ гравюръ и произведеній живописи, рисунки и изображенія всякаго рода украшеній одеждъ, оружія, предметовъ домашняго обихода и проч.

Рукописи, доставленныя въ редакцію для напечатанія, подлежатъ, въ случаѣ надобности, сокращеніямъ и измѣненіямъ. Рукописи, признанныя для печатанія неудобными, хранятся въ редакціи въ теченіи шести мѣсяцевъ; обратной высылки ихъ авторамъ редакція на свой счетъ не принимаетъ.

Редакція проситъ авторовъ доставлять книги и брошюры для рецензій.

СОДЕРЖАНІЕ.

Отдѣлъ I.

Отдѣлъ II.